

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

Славянские языки и культуры в современном мире

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2019

УДК 811.16:008(=16)

Славянские языки и культуры в современном мире : сборник научных статей / редкол. : И. Г. Гомонова (отв. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 142 с.

ISBN 978-985-577-592-9

В сборнике представлены работы аспирантов, магистрантов, бакалавров и студентов, посвященные различным аспектам статистики и динамики славянских языков.

Исследователи обращаются к изучению языковых единиц в лингвокультурологическом, когнитивном, социолингвистическом, сопоставительно-типологическом аспектах.

Адресуется специалистам в области лингвистики, преподавателям, аспирантам и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (гл. ред.), И. Г. Гомонова (зам. гл. ред.),
А. Л. Стрижак, О. Н. Мельникова, И. В. Крюкова

Рецензенты:

доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук М. М. Козловская

Рекомендован к изданию научно-техническим советом
УО «Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

ISBN 978-985-577-592-9

© Учреждение образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2019

Содержание

<i>Аксёничкова-Бирюкова А. А.</i> Фразеология в практике преподавания русского языка как иностранного китайским учащимся.....	5
<i>Андрэйкавец А. М.</i> Символіка і культурная семантика фразеалагізмаў з кампанентам <i>пяць</i> ці <i>пяты</i>	9
<i>Бак Т. А.</i> О <i>ты-</i> / <i>вы-</i> формах общения в дворянском речевом этикете и специфике их перевода на английский язык (на примере романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»).....	16
<i>Балаш Д. Б.</i> Эволюция семантической синонимии лексем <i>каяться</i> и <i>виниться</i>	21
<i>Басова Т. А.</i> Усечение пословицы как устойчивый механизм образования неофразеологизмов.....	27
<i>Белодед В. А.</i> О некоторых женских антропонимах в славянской и китайской мифологических системах.....	31
<i>Борисова У. Н.</i> Лексико-семантические группы, связанные с наименованием сотрудников органов внутренних дел, в арго.....	36
<i>Гайетти Джулиано</i> Маржанна: сверхъестественный образ смерти в славянской фразеологии.....	42
<i>Голикова М. М.</i> Игровые мотивы в русской фраземике на фоне польского и белорусского языков.....	46
<i>Гоу Яньминь</i> Русские и китайские приметы: культурное взаимодействие... ..	51
<i>Громова Т. В.</i> К проблеме реализации базовой метафоры «Мир – Текст» в творчестве И. Бродского.....	57
<i>Гуркова О. С.</i> Оценочно-смысловая функция неометафор, восходящих к сфере электронных коммуникаций.....	62
<i>Додонова А. И.</i> Детские инновации на грамматическом уровне языка... ..	66
<i>Дрывайла А. У.</i> Вяселле ў вёсках Чамярысы і Хракавічы Брагінскага раёна.....	70
<i>Дудля О. А.</i> Особенности перевода английских идиом.....	76
<i>Жавнерович М. С.</i> Перевод в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».....	82
<i>Кинжигалиева Ж. Э.</i> Лингвоконцептуальное пространство «Массовая культура».....	87
<i>Ковалёва В. А.</i> Особенности употребления собственных имён диалектоносителями Новозыбковского района Брянской области.....	93
<i>Лапко Т. Б.</i> Филологический анализ стихотворения Анны Ахматовой «Ты письмо мое, милый, не комкай».....	99
<i>Лобанович А. В.</i> Фамилии студентов группы РФ–41 филологического факультета: структура и этимологическая семантика.....	103
<i>Новикова К. А.</i> Контекстные антонимы в народной песне «Казаченька молоденький» как вербализаторы этнокультурной парадигмы русских..	107
<i>Полюжин І. М.</i> Деякі проблеми зіставного вивчення фразеології.....	110
<i>Скибунова О. А.</i> Церковнославянизмы как знаки романтической позиции в поэме А. С. Пушкина «Братья-разбойники».....	116

<i>Слівец В. Р.</i> Геаграфічныя намінацыі з фармантам <i>-шчын-а</i> як рэгіянальна і нацыянальна адметная мадэль беларускай тапаніміі.....	122
<i>Студеникина Д. С.</i> Прецедентный фон как текстообразующий фактор в научно-фантастической литературе (на примере произведений А. Н. и Б. Н. Стругацких).....	128
<i>Толстова М. А.</i> Репрезентация аксиологического слоя концепта «Лес» в диалектном дискурсе.....	132
<i>Чигиринова О. А.</i> Эргонимы города Новозыбкова Брянской области: структурно-семантический аспект.....	138

А. А. Аксёнчикова-Бирюкова

**ФРАЗЕОЛОГИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО
КИТАЙСКИМ УЧАЩИМСЯ**

В статье исследуется вопрос использования русских фразеологизмов, пословиц и поговорок в практике преподавания русского языка китайским учащимся. Предлагаются задания, которые можно использовать при обучении грамматике и лексике; для знакомства с русской историей, культурой и характером русского народа.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, фразеологизм, преподавание.

Основной целью преподавания русского языка как иностранного является формирование коммуникативных и культурных компетенций у учащихся. Русский язык имеет богатейшую фразеологию, представляющую огромный интерес для практики преподавания русского языка как иностранного. Фразеологизмы, понимаемые широко и включающие в себя пословицы, поговорки, устойчивые словосочетания, придают своеобразие языку, сохраняя его национальный колорит. Знание фразеологизмов позволит китайским учащимся стать равноправными участниками коммуникации с носителями русского языка, так как даст возможность свободно оперировать устойчивыми оборотами, правильно выражать свои мысли. «Пословицы и поговорки дают возможность проникнуть в другую систему мышления, познакомиться с другой системой ценностей. Глубокое содержание этих выражений не только развивает мышление студентов, но и оказывает воспитательное воздействие. Методическая и практическая ценность использования пословиц и поговорок в процессе обучения русскому языку очень велика» [1, с. 12].

Методика обучения китайских учащихся русскому языку как иностранному имеет значительные особенности, что связано с уникальным менталитетом китайского народа, который проявляется в наличии в сознании учащихся своеобразных национальных психологических образов, представленных в китайской фразеологии; иероглифическим

характером китайского письма; несоответствием содержательного наполнения многих символов в русских и китайских фразеологизмах.

Для повышения эффективности работы с фразеологизмами необходимо учитывать лексические, грамматические и семантические трудности, которые могут возникать у китайских учащихся, изучающих русский язык. Возникновение лексических трудностей связано с присутствием во фразеологизмах архаичных компонентов, фразеологически связанных слов, имен собственных. Грамматические трудности обусловлены наличием фразеологизмов, утративших связь между их внутренней формой и общим значением или содержащих в составе устаревшие формы слова или синтаксические связи. Наибольшие сложности в освоении вызывают фразеологизмы, имеющие скрытый смысл или утратившие свою мотивированность.

Большинство китайских фразеологизмов пришло из древних исторических текстов, поэм, философских трактатов и относится в основном к книжному стилю, для их понимания важна этимология. Значительная часть русских фразеологизмов относится к разговорному стилю и взята из русской истории и русского фольклора. В формировании русской национальной культуры важную роль сыграли язычество и христианство; китайская культура опирается на даосизм, буддизм и конфуцианство.

При выборе фразеологизмов для изучения их учащимися необходимо руководствоваться следующими критериями: частотность употребления выражений; их коммуникативная и страноведческая ценность. Целесообразно воспользоваться словарями: напр., В. И. Даль «Пословицы и поговорки русского народа» [2] и «Фразеологический словарь русского языка» [3].

Лучше осуществлять анализ фразеологизмов по тематическим группам: семья, характер человека, внешность человека, язык и речь, дружба и любовь и другие.

В русской культуре **семья** всегда была основой жизни, главным ее богатством: *Вся семья вместе, так и душа на месте; Семья в куче – не страшна и туча*. В пословицах семья ассоциируется со счастьем: *Семьей дорожить – счастливым быть; Семья – опора счастья*. Подчеркивается, что только порядок и согласие в семье самое важное: *Семейное согласие всего дороже; Согласие да лад в семье клад; В семье согласно, так идет дело прекрасно*. Одинокая жизнь при этом считается бесполезной: *Человек без семьи, что дерево без плодов*.

В русском народе ум ценится высоко: *Птица красна пером, а человек умом. Ум при этом важнее физической силы: Сила уму уступает; Не надейся на силу, надейся на ум; ценнее внешней красоты: Красота увянет, а ум не обманет; Красота до венца, а ум до конца.*

Высоко ценятся такие качества, как **трудолюбие**: *Терпение и труд все перетрут; Делу время – потехе час; Труд человека кормит, а лень портит; Кто не работает, тот не ест.*

По каждой теме следует отбирать не более 10–12 фразеологизмов. Изучение фразеологизмов должно основываться на понимании их семантики. При этом целесообразно использовать наглядный материал, позволяющий раскрыть значение и выявить образ, который лежит в основе значения фразеологизма. Разрабатываемые упражнения должны способствовать формированию навыков и умений восприятия, понимания и использования фразеологизмов в речи.

Занятия по русской фразеологии необходимо проводить таким образом, чтобы учащиеся могли соотнести элементы русского языка и культуры с китайским языком и культурой.

Поспешишь – людей насмешишь – 欲速则不达 yù sù zé bù dá.

Век живи – век учись – 活到老, 学到老 huó dào lǎo, xué dào lǎo.

Правда в огне не горит и в воде не тонет – 真金不怕火炼 zhēn jīn bù pà huǒ liàn.

Верь глазам, а не ушам – 耳闻为虚 · 眼见为实 ěr wén wéi xū, yǎn jiàn wéi shí.

Нет худа без добра – 塞翁失马 · 焉知非福 sāi wēng shī mǎ, yān zhī fēi fú.

Изучаемые фразеологизмы учащиеся должны записывать в специальный словарик. Целесообразно использовать их также на занятиях по закреплению изученных выражений и при проверке того, как учащиеся усвоили написание и произношение новых слов определенной тематики. Этому можно посвящать целое занятие, подготовив викторину, используя как работу в группах, так и индивидуальную.

Учащимся можно предлагать следующие задания:

- дать вперемешку карточки со словами, из которых следует составить знакомый фразеологизм;
- рассмотрев карточки, иллюстрирующие пословицы или поговорки, произнести и написать соответствующие им выражения;
- дать китайский эквивалент или аналог записанному на доске русскому фразеологизму;
- проиллюстрировать заданную фразеологическую единицу;

– найти и исправить ошибки в представленных фразеологических единицах;

– написать как можно больше фразеологизмов заданной тематики.

При работе с фразеологизмами можно проводить такие виды работ, как дискутирование – выражение согласия, несогласия по поводу содержания выражений; написание сочинений-миниатюр, где в качестве заглавия будут выступать фразеологизмы.

Пословицы и поговорки целесообразно использовать на уроках русского языка при обучении грамматике. При освоении, например, неопределенной формы глагола или повелительного наклонения глаголов: *Чему быть, того не миновать; Сколько веревочке ни виться, а конец будет; Жизнь прожить – не поле перейти; На охоту ехать – собак кормить; Лишнее говорить – делу вредить; Волков бояться – в лес не ходить; Не плюй в колодез – пригодится воды напиться; Береги платье снову, а честь смолоду; Доверяй, но проверяй; Семь раз отмерь, один раз отрежь; Куй железо, пока горячо.*

Пословицы и поговорки следует применять для изучения обобщенно-личных предложений: *Любишь кататься – люби и саночки возить; Тише едешь – дальше будешь; Без труда не выловишь и рыбку из пруда; Что посеешь, то пожнешь; Поживешь подольше, узнаешь побольше.*

На основе пословиц и поговорок уместно рассматривать сложно-подчиненные предложения: *Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня; Где тонко, там и рвется; Как аукнется, так и откликнется; Не все то золото, что блестит.*

Кроме того, рационально изучать краткие прилагательные и степени сравнения прилагательных и наречий с использованием пословиц и поговорок: *Хороша ложка к обеду; Корень учения горек, да плод его сладок; Красна птица пеньем, а человек ученьем; Мал золотник, да дорог; В гостях хорошо, а дома лучше; Уговор дороже денег; Болтливый друг опаснее врага.*

Призвав на помощь пословицы и поговорки, включающие в себя числительные, можно облегчить работу по их запоминанию, обычно вызывающую трудности у обучаемых: *Один ум хорошо, а два лучше; Три друга: отец, да мать, да верная жена; Конь на четырех ногах, да и то спотыкается; Нужен, как телеге пятое колесо; Не имей сто рублей, а имей сто друзей.*

Использование русских фразеологизмов при обучении китайских учащихся русскому языку помогает сделать урок более увлекатель-

ным, способствует эффективности обучения, соответствует интересам и потребностям учащихся, повышает мотивацию к изучению русского языка, дает учащимся возможность проникнуть в самые глубины культуры и знакомиться с моделью русской национальной картины мира.

Список использованных источников

1. Палей, О. И. Работа с пословицами и поговорками на уроке английского языка в IX классе / О. И. Палей // Иностранные языки в школе, 2000. – № 1. – С. 40–42.
2. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// www.vdahl.ru](http://www.vdahl.ru) – Дата доступа : 12.10.2019.
3. Фразеологический словарь русского языка. – СПб. : ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 608 с.

This article explores the use of Russian phraseological phrases, proverbs and sayings in the practice of teaching Russian to Chinese students. Tasks that can be used for teaching grammar and vocabulary are offered; to get acquainted with the Russian history, culture and character of the Russian people.

Keywords: Russian language, Chinese language, phraseological units, teaching.

УДК 811.161.3'373:636.084.741:398.9

А. М. Андрэйкавец

СІМВОЛІКА І КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТЫКА ФРАЗЕОЛАГІЗМАЎ З КАМΠΑНЕНТАМ ПЯЦЬ ЦІ ПЯТЫ

У артыкуле з пазіцый лінгвакультуралагічнага аналізу робіцца спроба апісаць фразеалагізмы з кампанентам “пяць / пяты”, устанавіць іх ролю ў фарміраванні семантыкі фразеалагізмаў за кошт той культурнай інфармацыі, якую скрыта даводзяць кампаненты, вобразы і надаюць утвораным фразеалагізмам здольнасць выконваць ролю эталонаў, сімвалаў і стэрэатыпаў.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, лікавы код культуры, культурная семантыка, сімвал, эталон, стэрэатып.

Мова – гэта надзвычай складаны аб’ект, які можна вызначыць як сродак зносін, як сродак дасягнення пастаўленай мэты, як знакавую сістэму, як здольнасць да камунікацыі, як вынік і асноўную ўмову кагнітыўнай дзейнасці чалавека і інш. А ў апошні час на першае месца выходзіць праблема ўзаемадзеяння чалавека з іншымі людзьмі, з навакольным светам, і ў сувязі з гэтым вывучэнне мовы як сродку пазнання чалавека праз яго мову. З гэтых пазіцый асабліва актуальнымі для вывучэння ў лінгвістыцы і не толькі становяцца фразеалагічныя адзінкі, якія непасрэдна звязаны з чалавекам, паколькі менавіта гэтыя адзінкі мовы на працягу многіх стагоддзяў трансліююць у некранутым выглядзе культуру народа-стваральніка і народа-носьбіта гэтых адзінак. Фразеалагізмы, як адзначае В. А. Ляшчынская, «адносяцца да адзінак мовы, якія не толькі валодаюць ўнікальнай семантыкай і, як правіла, экспрэсіўнасцю, эмацыянальна-ацэначным характарам, але і нясуць у сабе закладзіваную інфармацыю пра нацыянальна-культурны светапогляд народа, яго ўнікальныя духоўныя і культурныя адметнасці» [1, с. 115–116]. Менавіта праз мову ўвогуле і ў прыватнасці праз фразеалагізмы як самыя «культураносныя» адзінкі кожнай мовы мы спазнаём характар заняткаў народа, яго маральна-этычныя і эстэтычныя нормы, жыццёвы і духоўны вопыт, адлюстраваны, захаваны і перададзены ўсё новым і новым пакаленням носьбітаў мовы.

Вывучэнне фразеалагічных адзінак сёння з’яўляецца найбольш важным, паколькі культурная інтэрпрэтацыя фразеалагічных адзінак спалучае ў адно цэлае моўную семантыку і культурную канатацыю, утвараючы асаблівае, фразеалагічнае, ці, паводле тэрміна рускага лінгвіста М. Л. Каўшовай, «культурна-моўнае, значэнне» [2, с. 69]. І менавіта ўсведамленне гэтай семантыкі фразеалагізмаў спрыяе засваенню не толькі гэтых адзінак, але і той культуры, якую яны даносяць.

Выпрацаваны ў культуры каштоўнасны змест каліброўца ў фразеалагізмах рознымі спосабамі, і гэта ў першую чаргу звязана з адборам слоў-кампанентаў, з тымі вобразамі і ўнутранай формай, што і даводзяць праз спалучэнне моўнай і культурнай семантыкі фразеалагізмаў як другасных адзінак мовы. Сярод розных

тэматычных груп і асобных складнікаў фразеалагізмаў належнае месца займаюць лічбавыя словы-кампаненты, што і стала адной з прычын нашай ўвагі да гэтай групы фразеалагізмаў, паколькі ўражвае, з аднаго боку, параўнальна невялікая колькасць такіх лічбавых слоў-кампанентаў, а з другога боку, сімволіка лічбаў і лікаў, якая характэрна яшчэ з ранняй стадыі развіцця чалавецтва, пачынаючы аж з радавога грамадства, ці той факт, што адносна невялікая колькасць лікаў у іх найменнях з'яўляецца адной з самых таямнічых у сістэме сімвалаў, створаных чалавекам.

Такім чынам, свет лічбаў, з аднаго боку, – бясконцы, з другога, абмежаваны наборам адзінак, у якія чалавецтва ўклала пэўны сэнсавы змест бытавой і абрадавай практыкі. Паняцце лічбы ўзнікла ў старадаўнія часы і развівалася ў працэсе развіцця чалавецтва. Сфера дзейнасці чалавека пашыралася і, адпаведна, пашыралася кола выкарыстання лічбаў. Яны трапілі ў паўсядзённае жыццё людзей, у тым ліку – у маўленчую практыку, у фразеалагічныя адзінкі.

Сёння абсалютна зразумела, што сэнс лічэння ці лікаў не проста ў колькасным ці нумарацыйным абазначэнні аб'ектаў – ён сягае глыбей і становіцца адным са спосабаў бачання свету. Лікі ў многіх культурах і рэлігіях валодаюць асаблівай сімволікай, якая не заўсёды зразумелая ўсім і кожнаму. З дапамогай сімволікі лікаў спрабуюць апісаць свет, яго падзел, адносіны паміж рознымі яго фрагментамі, а таксама асаблівы характар кожнага з сімвалаў. У міфапэтычнай традыцыі змястоўным з'яўляецца не толькі сам лік ці рад лікаў, але і формула ўтварэння элементаў лікавага рада. Сёння пры лічэнні кожны наступны лік набывае большую значнасць, але гэта не зусім так пры міфапэтычным разуменні лікаў і іх паслядоўнасці пры лічэнні, паколькі больш значным тут становіцца не наступны лік лікавага рада, а кожны папярэдні. Менавіта гэта і звязана з уяўленнем пра кожны лік і частотнасцю яго ўжывання. Вось чаму ў традыцыйнай культуры славянскіх народаў не ўсе лікі маюць аднолькавае зместавае напавуенне, частотнасць ужывання. Ёсць лікі асабліва пазначаныя ўвагай народа, а ёсць і такія, што не пакінулі ў гісторыі нашай культуры выразны след. Іншымі словамі, можна меркаваць, што кожны лік, звычайная для нас лічба мела свой лёс, сваю культуралагічную сферу ўжывання, свой зямны або касмічны рытм запатрабаванасці. Так, лічбы *шэсць* ці *восем* даволі рэдка фігуруюць у вядомых абрадавых кантэкстах, не з'яўляюцца сведчаннем нейкага станоўчага або адмоўнага стаўлення да іх з боку чалавека. Магчыма, лічба *сем* магла б «прыглушыць» сваім высокім статусам і частотнасцю

ўжывання, у тым ліку і ў складзе фразеалагізмаў, лікі-суседкі *шэсць* і *восем*, але не нейтралізаваць іх цалкам, паколькі лікі *шэсць* і *восем* сталі спалучанымі з тымі сферамі дзейнасці чалавека, якія засталіся таямніцай для недасведчаных, напрыклад, у чорнай магіі. Калі браць лічбы *два* і *тры*, то шматлікія рытуальна-абрадавыя кантэксты пераканаўча сведчаць аб тым, што яны ў беларускай народнай культуры з’яўляюцца асноўнымі апазіцыянерамі. Менавіта ім падпарадкаваны спецыфічныя асаблівасці рытуальных дзеянняў, колькасць іх паўтарэнняў, наяўнасць тых ці іншых абрадавых атрыбутаў. Заўважым, што менавіта гэта ляжыць у аснове выдзялення кодаў культуры, у прыватнасці, словы-лічбы складаюць лікавы, ці колькасны, код культуры, пад якім разумеецца сукупнасць слоў, што з’яўляюцца найменнямі лікаў, лічбаў, колькасці, вымярэння і надзелены дадатковымі сэнсамі культуры. А гэта і стала ўмовай іх адбору як кампанентаў і асновы пры складанні вобразаў фразеалагічных адзінак, у тым ліку і лічба *пяць*, якая абрана кампанентам фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы, дакладней, пяці фразеалагізмаў, паколькі яшчэ ў шасці адзначаецца кампанент *пяты* [4], паколькі лічба *пяць* лічыцца найважнейшым парадкавым пачаткам, і ўвогуле лічба *пяць* – гэта найперш нешта чалавечае.

І такое меркаванне пра лічбу *пяць* характэрна для многіх культур, паколькі пяць звязваецца з рукой і пяццю пальцамі на руцэ. А, як вядома, рука, рукі – асноўны сродак выканання работы, якая ў мінулым была ў асноўным ручной. Гэта дае падставы меркаваць пра яўную сувязь паміж вытокам наймення і высокай ацэнкі выдатнага работніка, умельца (параўн. фразеалагізмы *залатыя рукі* – ‘хто-небудзь вельмі ўмелы і здольны ў сваёй справе чалавек’, *на ўсе рукі майстар, мастак, спецыяліст, хват* і пад. – ‘выключны, здольны на вельмі многае, здатны да ўсяго’ і інш.) і вытокам наймення і ацэнкі ўзроўня ведаў, вынікаў вучобы як аднаго з абстрактных паняццяў, што вобразна называе і становіцца ацэньвае фразеалагізм *ведаць, вывучаць* як *свае пяць пальцаў* – ‘вельмі добра, грунтоўна, да дробязей’, які абавязаны сваім узнікненнем фразеалагізацыі параўнальнага зварота і набыў статус фразеалагізма-эталона самай высокай ацэнкі ведаў, здольнасцей чалавека.

Менавіта на аснове крытэрыя высокай ацэнкі ведаў, вучобы да папярэдняй фразеалагічнай адзінкі далучаецца яшчэ *на пяць з плюсам* – ‘вельмі добра, цудоўна (зробіць што-н., жыць і пад.’, дзе кампанент-лічба *пяць* нясе сімваліку высокай ацэнкі светабудовы, якая ўласціва кельцкай, японскай, кітайскай і іншым традыцыям, дзе каханне,

пачуццёвасць, здароўе, медытацыю, сілу прынята ўвасабляць з пяцёркай. Праўда, піфагарэйцы лічылі, што лічба *пяць* – святая лічба, бо ў ёй злучаны тройка, якая ўвасабляе неба, і двойка, якая азначае зямлю, што можа сведчыць пра больш глыбінныя асновы такой сімволікі лічбы і яе выбар для ўтварэння фразеалагізма *на пяць з плюсам*. Да гэтага варта дадаць і той факт, што для нас тут яшчэ мае значэнне, ці напластасоўваецца сімволіка лічбы *пяць*, якая «пашырыла» свой станоўчы дыяпазон ацэнкі ў сувязі з параўнальна нядаўна вядомай усім пяцібальнай сістэмай ацэнкі ведаў, уменняў і навыкаў у сярэдняй і вышэйшай школе, дзе пяць, пяцёрка як ацэнка лічылася самай высокай. Ва ўсякім выпадку, аналіз вышэй названых фразеалагізмаў з кампанентам-лічбай *пяць* выяўляе сімоліку высокай ацэнкі іх на аснове сімволікі кампанента, а фразеалагізм *на пяць з плюсам* набыў ролю эталона, меры высокай ацэнкі зробленага, вывучанага, засвоенага і пад.

Яшчэ адна паралель з рукой і пяццю пальцамі ці зыходны выраз высвечваецца пры аналізе фразеалагічнай адзінкі *за пяць пальцаў не купіш, не дастанеш* і пад. – ‘без грошай, пры безграшоўі’, у аснове вобраза якой скарыстана метафара, паводле якой адсутнасць грошай у чалавека прыпадабняецца да наяўнасці пяці пальцаў на руцэ, якія такой плацёжнай ці пакупніцкай здольнасцю, як грошы, не валодаюць. І сэнна фразеалагізм *за пяць пальцаў не купіш, не дастанеш* і пад. перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра безграшоўе чалавека.

Даволі празрыстая матывацыя, на наш погляд, выяўляецца адносна двух кампаратыўных фразеалагізмаў з кампанентам *пяты*: *патрэбна, трэба як пятае кола ў возе* – ‘зусім не, ніколькі не (патрэбны хто-н. ці што-н.)’ і *патрэбна, трэба як сабаку пятая нага* – ‘зусім не, ніколькі не (патрэбны каму-н.)’. У аснову вобразаў названых фразеалагізмаў абраны ў адным воз, што з мінулых часоў вядомы як сродак гужавога транспарту на чатырох калёсах, а ў другім – сабака як жывёла з чатырма нагамі, а таму абраныя параўнанні як прататыпы новых адзінак наглядна, дакладна і вобразна ў выніку іх фразеалагізацыі выражаюць новы змест, да таго ж даюць выразную негатыўную ацэнку і перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра тое, без чаго ці каго можна абысціся або хто ці што зусім дзе-небудзь не патрэбны.

Кампанент *пятая* ў складзе кніжнага фразеалагізма *пятая калона* – ‘варожая агентура ўнутры краіны ці ў тыле праціўніка’, як можна меркаваць, не поўнаасцю страціл сваё значэнне і назначэнне як лікавай адзінкі, ці, дакладней, часткова захоўвае сваё сучаснае назначэнне

слова, якое служыць для ўказання на парадак пры пераліку, калі ўзгадаць, што пятай калоне папярэднічае чатыры ўлады – выканаўчая, заканадаўчая, судовая і прэса. Да того ж фразеалагізм *пятая калона*, на наш погляд, адносіцца да эўфемістычных выразаў паводле свайго паходжання і назначэння, ці з'яўляецца сродкам больш тактоўнага наймення варажай агентуры. А ў выніку пераасэнсавання словазлучэння ўзнікла новая адзінка.

І яшчэ фразеалагізмы з кампанентам *пяты (-ага / -ае)* зафіксаваны ў трох фразеалагізмах, аб'яднаных сінтаксічнай будовай словаспалучэння, часткова кампанентным складам і нават семантыкай: з *пятага на дзясятае* – 1) 'прапускаючы падрабязнасці, непаслядоўна, бязладна (расказваць, гаварыць, паведамляць і пад.)', 2) 'абы-як, нядбала (рабіць што-н.)', 3) 'збольшага, зусім нямнога (чуць, разумець, ведаць і пад.)', *праз пятае ў дзясятае* – 1) 'прапускаючы падрабязнасці, непаслядоўна, бязладна (расказваць, гаварыць, паведамляць і пад.)', 2) 'абы-як, нядбала (рабіць што-н.)', *пятае праз дзясятае* – 1) 'прапускаючы падрабязнасці, непаслядоўна, бязладна (расказваць, гаварыць, паведамляць і пад.)', 2) 'збольшага, зусім нямнога (чуць, разумець, ведаць і пад.)'. Выбар двух агульных кампанентаў з парушэннем парадку пералічэння ляжыць у кожнай адзінцы ў аснове метафары, якая бязладнасць, непаслядоўнасць, адрывістыя звесткі ў маўленні чалавека, успрымання ім пачутага ці ўвогуле якасці выканання работы прыпадабняе да блытаніны пералічэння, калі пасля пятага ці нават праз пятае ідзе дзясятае. І такім вобразам фразеалагізмы суадносяцца з лікавым і антропным кодамі культуры, паколькі даецца характарыстыка чалавеку з дапамогай абазначэння лікаў, якія выступаюць не ў сваім парадку, што і служыць асновай негатыўнай ацэнкі маўленчай дзейнасці ці разумовых здольнасцей чалавекам, чамусьці ўспрынятаму ім на слых або ўвогуле нядбаламу выкананню работы.

Да папярэдніх фразеалагізмаў-словаспалучэнняў набліжаецца паводле семантыкі фразеалагізм *ні ў пяць ні ў дзесяць* – 'зусім недарэчна, неўпапад, не тое, што трэба', адрозненне якога, па-першае, у выбары слоў-кампанентаў, якімі выступаюць не парадкавыя лічэбнікі *пяты* і *дзясяты*, як у папярэдніх, а колькасныя; па-другое, у адметнай канструкцыі з паўтаральным злучнікам *ні*; па-трэцяе, у назначэнні і выкарыстанні гэтай адзінкі адносна, як правіла, толькі маўленчай дзейнасці чалавека. Тыповая мадэль гэтага фразеалагізма (параўн. *ні жывы ні мёртвы; ні рыба ні мяса; ні два ні паўтара; ні богу свечка ні чорту качарга; ні сыры ні печаны, ні тое ні сёе; ні ў салдаты ні ў*

матросы...і інш.) скарыстана як аснова вобраза праз супрацьпастаўленне пяці і дзесяці і ляжыць у аснове метафары, якая прыпадабняе ніяк не здольнага правільна, дакладна, лагічна выказаць думку адсутнасці прызначэння пяці і дзесяці. У выніку фразеалагізм *ні ў пяць ні ў дзесяць* выступае ў ролі эталона вызначэння і характарыстыкі бязладнага маўлення, што і нясе адмоўную ацэнку і неадабрэне недарэчнага, нават абсурднага, не такога, як патрэбна, выказвання чалавека.

А вось фразеалагізм *без пяці мінут* – ‘амаль што (з’яўляцца кім-н.)’ утвораны на аснове часавай метафары, калі невялікі адрэзак часу для ажыццяўлення чагосьці важнага ў жыцці чалавека прыпадабняецца пяці мінутам як адзінке вымярэння часу. У выніку пераасэнсавання свабоднага спалучэння слоў з часавым значэннем фразеалагізм набыў ролю эталона такога роду змены ў жыцці чалавека.

Такім чынам, “прачытанне” фразеалагізмаў беларускай літаратурнай мовы скіроўвае да вытокаў адбору кампанентаў-лічэбнікаў *пяць, пяты*, зыходзячы з іх сімволікі, дзякуючы якой новыя адзінкі, што яе ўспрымаюць, захоўваюць скрыта ці выразна, самі выступаюць сімваламі, эталонамі ацэнкі з плюсавай і адмоўнай адзнакай, тым самым даводзячы пра культурныя ўстаноўкі нашага народа, яго культурны вопыт.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Ляшчынская, В. А. Сучасная беларуская мова: фразеалогія : вучэб. дапам. / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2010. – 230 с.
2. Мокиенко, В. М. Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика : материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года) : в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание. – 362 с. – С. 13–26.
3. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 456 с.
4. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л – 672 с.; Т. 2 : М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

The article attempts to describe phraseological units with the components five, fifth from the standpoint of linguocultural analysis. To establish their role in the formation of semantics of the phraseological units due to the cultural information that components and images covertly adjust and give formed phraseological units the role of models, symbols and stereotypes.

Keywords: phraseological unit, component, numerical code of culture, cultural semantics, symbol, standard, stereotype.

УДК 811.161.1'42'25'271:811.111:821.161.1-31*Л. Н. Толстой

Т. А. Бак

**О ТЫ- / ВЫ-ФОРМАХ ОБЩЕНИЯ В ДВОРЯНСКОМ РЕЧЕВОМ
ЭТИКЕТЕ И СПЕЦИФИКЕ ИХ ПЕРЕВОДА
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»)**

В статье на примере романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» рассматриваются нормы ты- / вы-общения, характерные для дворянского речевого этикета второй половины XIX века. Производится сравнение с современными нормами. Анализируются функции ты- / вы-форм общения, а также специфика их передачи в английском переводе романа.

Ключевые слова: ты- / вы-общение, речевой этикет, дворянство, Толстой, «Анна Каренина», английский язык, перевод.

Для русского языка характерно разграничение *ты-* и *вы-*форм общения, которое обусловлено национальной спецификой, социальным и возрастным статусом коммуникантов, характером отношений между ними, официальностью / неофициальностью обстановки. Общепринятые нормы выбора обращения на «ты» или на «вы» в истории русского языка не были постоянными, менялись с течением времени, а также были и остаются различными в разных социальных группах. В данной статье *ты / вы-общение* рассматривается на срезе второй половины XIX века в рамках этикетного общения представителей дворянского сословия, а в качестве материала используется текст романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», который в определённом смысле можно назвать «энциклопедией» дворянского речевого этикета. Особенности переключения регистра общения с помощью «ты» и «вы» отчётливее обнаруживаются на контрасте с английским переводом романа (как известно, в современном английском языке нет разграничения *ты-* и *вы-*форм).

Прежде всего, необходимо отметить, что нормативным в дворянском этикете было обращение детей к родителям на «вы» (например, Вронский, Кити на «вы» в общении со своими матерями). Не было

быстрого перехода с «вы» на «ты» в общении молодых людей, характерного для современного речевого этикета молодёжи (сравн. общение близких по возрасту Вронского и Левина). В других случаях этикетные правила *ты-* / *вы-*общения соответствуют современным нормам: родители обращаются к детям на «ты» (например, графиня Вронская к сыну), «ты» говорят друг другу друзья (например, Облонский и Левин, Кити и графиня Нордстон), родные братья и сёстры (Стива и Анна). При этом двоюродные Бетси Тверская и Алексей Вронский – на «вы», что не характерно для современных кузенов и кузин.

Обратимся к диалогу Долли, узнавшей об измене мужа, и Стивы Облонского, пытающегося объясниться с женой. В продолжение всего разговора Стива обращается к Долли на «ты». Она же, реагируя, говорит ему исключительно «вы» и лишь однажды в середине разговора произносит:

– *Ты помнишь детей, чтоб играть с ними, а я помню и знаю, что они погибли теперь* [1, с. 14] (здесь и далее по тексту статьи выделения полужирным шрифтом в цитируемом тексте романа «Анна Каренина» мои – Т. А. Бак).

После чего Толстой пишет: *«Она сказала ему “ты”, и он с благодарностью взглянул на нее и тронулся, чтобы взять ее руку, но она с отвращением отстранилась от него»* [1, с. 14]. И далее Дарья Александровна продолжает свои реплики только с *вы-*формами.

Ты- и *вы-*формы в данном случае определяют тональность общения в параметрах «теплота» – «холодность» и «свой» – «чужой». Переход Долли с «ты» на «вы» с мужем в данной ситуации означает ссору, намерение разорвать прежние отношения. *«Вы мне мерзки, гадки, чужой, да, чужой совсем! – с болью и злобой произнесла она [Долли] это ужасное для себя слово чужой»* [1, с. 14], – пишет Толстой. Аналогичны функции «ты» и «вы» и в следующем диалоге князя Щербацкого с женой:

– *Что? Вот что! – кричал князь, размахивая руками и тотчас же запахивая свой беличий халат. – То, что в вас нет гордости, достоинства, что вы срамите, губите дочь этим сватовством, подлым, дурацким!*

– *Да помилуй, ради самого Бога, князь, что я сделала? – говорила княгиня, чуть не плача* [1, с. 59–60].

«Вы» используется «атакующей» стороной, идущей на ссору, а «ты» – стороной «защищающейся», пытающейся избежать конфликта.

Ты- / *вы-*формы представляют собой средство переключения тональности общения в русском языке, имеющее морфологическую природу: указание на одно лицо осуществляется в единственном или

во множественном числе. Если обратиться к переводу этого фрагмента романа на английский язык (перевод Констанс Гарнетт), то можно увидеть, что вместо них используются лексические и синтаксические средства, близкие, но не адекватные русским «ты» и «вы» по своему коммуникативному эффекту. В английском тексте Долли говорит: «*Ты / Вы помнишь / -те детей, **Стива**, чтоб играть с ними...*». И далее: «*Она сказала ему «**Стива**», и он с благодарностью взглянул на нее...*» [2, с. 27]. Переключение тональности разговора в параметрах «теплота» – «холодность» и «свой» – «чужой» в данном случае в английском переводе передаётся введением интерпозитивного обращения, для которого переводчик выбирает ласково-семейную форму именования – *Стива*, не *Степан Аркадьич*, например. Примечательно, что синтагматика этой формы именования в русском языке требует именно *ты*-форм. Введённое в переводе обращение выполняет при этом и апеллятивно-вокативную функцию, а также функцию поддержания контакта. Следует обратить внимание, что переход Долли обратно с «ты» на «вы» в переводе уже никак не передаётся.

Рассмотрим передачу *ты*-общения в английском переводе следующего фрагмента романа:

Текст Л. Н. Толстого

Обратный перевод
с английского языка на русский

Степан Аркадьич был на «ты» почти со всеми своими знакомыми: – со стариками шестидесяти лет, с мальчиками двадцати лет, с актерами, с министрами, с купцами и с генерал-адъютантами, так что очень многие из бывших с ним на «ты» находились на двух крайних пунктах общественной лестницы и очень бы удивились, узнав, что имеют через Облонского что-нибудь общее. Он был на «ты» со всеми, с кем пил шампанское, а пил он шампанское со всеми, и поэтому, в присутствии своих подчиненных встречаясь с сво-

Степан Аркадьич был в фамилльярных (близких) отношениях почти со всеми своими знакомыми и почти всех их звал по имени: стариков шестидесяти лет, мальчиков двадцати лет, актеров, министров, купцов и генерал-адъютантов, так что очень многие из его близких приятелей находились на двух крайних пунктах общественной лестницы и очень бы удивились, узнав, что имеют через Облонского что-нибудь общее. Он был близким другом всем, с кем пил шампанское, а пил он шампанское со всеми, и поэтому, в присутствии своих подчиненных встречаясь с

ими **постыдными «ты»**, как он называл шутя многих из своих приятелей, он, со свойственным ему тактом, умел уменьшать неприятность этого впечатления для подчиненных. Левин не был **постыдный «ты»**, но Облонский с своим тактом почувствовал, что Левин думает, что он перед подчиненными может не желать выказать свою близость с ним, и потому поторопился увести его в кабинет [1, с. 20].

своими **постыдными приятелями**, как он называл шутя многих из своих приятелей, он, со свойственным ему тактом, умел уменьшать неприятность этого впечатления для подчиненных. Левин не был **постыдным приятелем**, но Облонский с своим тактом почувствовал, что Левин думает, что он перед подчиненными может не желать выказать свою близость с ним, и потому поторопился увести его в кабинет [2, с. 38–39].

Далее в тексте романа предложение «Левин был почти одних лет с Облонским и с ним **на «ты»** не по одному шампанскому» [1, с. 20] переведено так: «Левин был почти одних лет с Облонским; их **близкие отношения** основывались не только на одном шампанском» [2, с. 39]. Из этого можно сделать вывод о том, что передача *ты*-общения в английском переводе осуществляется через смежные явления, то есть основывается на метонимическом переносе: быть на «ты» – называть по имени – быть в фамильярных / близких отношениях – быть близким приятелем. Оказиональный субстантив *ты* переводится существительным *приятель*, которое можно рассматривать как контекстуальный синоним.

Вышеприведённый отрывок о *ты*-общении Степана Аркадьевича ярко иллюстрирует то, что выбор *ты*- или *вы*-форм в значительной степени характеризует самого адресанта. Готовность человека быстро перейти на «ты» может говорить о его открытости к доверительному общению, о фамильярности, лёгкости нрава, простодушии, дружелюбии. Таким образом, *ты*- / *вы*-общение в данном случае превращается в художественную деталь, которую Л. Н. Толстой использует для создания образа Облонского.

В приведённом фрагменте можно увидеть и указание на возрастную обусловленность этикетного употребления «ты» и «вы» («старички шестидесяти лет» и «мальчики двадцати лет»), а также на его социальную детерминированность («крайние пункты общественной лестницы»). Следствием нарушения этих норм является «неприятность впечатления».

Примером нестабильности выбора *ты*- или *вы*-форм в отношении определённых адресатов, которая иногда встречается в речи носителей русского языка и имеет разные причины, служит следующий отрывок из романа:

– А! – начал он радостно. – Давно ли? Я и не знал, что ты тут. Очень рад вас видеть.

Старый князь иногда «ты», иногда «вы» говорил Левину [1, с. 58].

Последнее предложение, ввиду невозможности его адекватной передачи на английский язык, просто опущено переводчицей К. Гарнетт.

Свой диалог с Анной в главе XXII второй части романа Вронский начинает по-французски и с французскими *вы*-формами. Анна отвечает ему с «ты»: «Я не ждала... **тебя**» [1, с. 196]. Для передачи столь значимой тональности этого «**тебя**» в английском тексте переводчик прибегает к использованию устаревшего местоимения 2 лица единственного числа *thou* в форме косвенного падежа *thee*. Далее Вронский продолжает разговор по-французски, «как он всегда говорил, избегая невозможно-холодного между ними **вы** и опасного **ты** по-русски» [1, с. 196–197]. В переводе это даётся дескриптивно: «...чтобы избежать использования чопорной **русской формы множественного числа**, такой невозможно холодной между ними, и опасно интимной **формы единственного числа**» [2, с. 409].

Подводя итог, следует отметить, что при описании современных этикетных норм выбора *ты*- или *вы*-форм общения, зачастую размытых и неустоявшихся, референтным для лингвистов является речевой этикет высокой аристократической культуры русского дворянского сословия. Обращение к специфике передачи русских *ты*- / *вы*-форм в английском переводе позволяет точнее определить их этикетный смысл и ту тональность общения, которую они выражают.

Список использованных источников

1. Толстой, Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах / Л. Н. Толстой. – М. : Гос. изд-во «Художественная литература», 1928–1958. – Т. 18: Анна Каренина. Части 1–4. – 1934. – 557 с. – Т. 19: Анна Каренина. Части 5–8. – 1935. – 520 с. – Т. 20: Анна Каренина. Черновые редакции и варианты. 1939. – 688 с.

2. Tolstoy, L. Anna Karenina. Translated by Constance Garnett [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.planetpdf.com/planetpdf/pdfs/free_ebooks/Anna_Karenina_NT.pdf – Дата доступа : 04.11.2019.

The author of the article uses an example of Leo Tolstoy's Anna Karenina to deal with ty- / vy-communication norms, which were typical for the Russian aristocratic speech etiquette of the second half of the 19th century. Comparison is made

with the current norms. Functions of ty- / vy-forms of communication, as well as specificity of their conveying in the English translation of the novel are analyzed.

Keywords: ty- / vy-communication, speech etiquette, nobility, Tolstoy, Anna Karenina. English, translation.

УДК 811.161.1'373.421

Д. Б. Балаш

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ ЛЕКСЕМ *КАЯТЬСЯ* И *ВИНИТЬСЯ*

В статье рассмотрена семантическая синонимия лексем «каяться» и «виниться». Приведены результаты диахронического исследования семантики лексем «цена» и «вина». На синхронном срезе дана контекстуальная характеристика соответствующих единиц. Актуализирована проблема интерпретации значения в древнерусских переводах.

Ключевые слова: этимология, семантика, синонимия, лексема, перевод.

Г. В. Лейбниц еще в XVII веке пришел к заключению, что «время течёт от причины к следствию». Если применить наблюдение философа к жизни людей, можно заметить: как причина и цель – конечные категории мысли, так вина и цена – конечные категории действий человека на протяжении всей мировой истории. Они существуют в совместном движении воли «от и до» чего бы то ни было. Энантисемия древнего слова *вина* предполагает и причину, и цель. А лексема *цена* и её дериваты сохраняют в семемах признак полярности наказания и покаяния. Довольно рано слова получают христиански этические созначения.

В связи с этим проблема интерпретации семантики зафиксированных слов, выявления дифференцирующих сем в подобных семемах является актуальной задачей современной лингвистики. В «Трудах по этимологии» О. Н. Трубачёв пишет, что семиотическое понимание значения как перевода знака в другую систему знаков может быть сведено к проблеме синонимизации. «В самом деле, – пишет автор, – что́ есть перевод, как не упражнение по синонимии прежде всего? В презумпции интерлингвальности всякого перевода содержится преувеличение. Так, нам сулят пунктуальное описание, а взамен мы получаем неточное сравнение

и переносное употребление. <...> Работа по реконструкции облегчается тем, что потускневшие картины мира продолжают жить в оборотах речи ещё очень долго, иногда тысячелетия» [1, с. 125–127]. Этимология помогает проследить историю лексических значений и реконструировать широкий спектр морфосемантики.

В этимологических словарях значение лексемы *каяться* рассматривается через соответствия в славянских языках и родство в языках индоевропейской семьи. Так, в «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева основные лексико-семантические варианты исходного *каять* – ‘порицать’, ‘осуждать’, ‘наказывать’, ‘мстить’. В словенском языке *kájati* имеет также значение ‘искажать, обезображивать’, ‘донимать, причинять беспокойство’. В русских диалектах *каять* – ‘ныть, просить о чём-либо, канючить’ (иркут.), ‘бить’ (олон.), ‘ругать, бранить, проклинять’ (арх.) [2, с. 115–116]. Авторы словаря приводят также значения возвратной формы: *каяться* – ‘каяться, раскаиваться в чём-либо’, ‘сожалеть’, ‘искупать вину’, ‘сознаваться с сожалением’, ‘сознавая греховность, приносить покаяние’; польск. стар. ‘смягчаться’; словц. *kajat' sa*, диал. *kajas še* – ‘дивиться, удивляться’ [2, с. 116].

В ЭССЯ отдельной словарной статьёй дано имя действия – *каяние*. От праславянского **kajanъje* во многих славянских языках произошли слова со значением ‘покаяние, раскаяние’. В польск. стар. *kajanie się* – ‘предостережение’, а словен. *kajanje* – ‘порицание’ и ‘раскаяние’ [2, с. 115].

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных (далее – ИЭС СРЯ) семантический объем глагола *каяться* определяется как ‘испытывая угрызения совести или будучи уличённым в чём-либо, признавать свою вину’, ‘сожалеть о совершённом поступке’ [3, с. 390].

Современные толковые словари, считая доминирующим значение ‘признавать свою вину, ошибку’, отмечают усложнение семантической структуры. Например, Т. Ф. Ефремова в «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» фиксирует слово как полисемантическое: ‘признавать свои грехи на исповеди; исповедоваться’; ‘признаваться в своей вине или ошибке’; ‘сознаваться с сожалением в своей вине, ошибке; раскаиваться, сожалея о совершённом поступке’ [4].

Если анализировать толкования вербализованного понятия, нельзя не обратить внимания на психолого-педагогическую интерпретацию: в «Энциклопедическом словаре по психологии и педагогике» даны четыре омонимичные формы соответствующего понятия. Пер-

вая форма раскрывает значение: ‘осознавать свою вину, испытывать сожаление в связи с неприемлемыми намерениями и действиями’. Вторая говорит о более глубоких чувствах: ‘искренне признавать свою вину, исповедоваться’. Третья добавляет действиям огласку: ‘публично, по своей воле и под влиянием угрызений совести признавать свою вину, как бы отдавая себя на суд общественности’. Четвёртая форма находит отражение в психопатологии – ‘признаваться в своих мнимых или преувеличенных преступлениях под давлением болезненных угрызений совести’ [5].

В современном русском языке значение лексемы *каяться* определяется через ‘виниться’: ‘извиняться, виниться’, т. е. ‘осознать и признать свою вину с намерением исправить себя или ситуацию’, но не сводится к нему. Довольно подробно о синонимической паре *каяться* – *виниться* написано в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», созданном под общим руководством Ю. Д. Апресяна: *каяться*, уходящее значение *виниться*: X *кается* <*винится*> перед Y-ком в плохом поступке (Р); X говорит это, чтобы испытать облегчение от своего признания, заслужить прощение или принять наказание: *Сёстры покались друг перед другом и помирились*; *Совесть меня замучила, и я во всём повинился матери*.

Синонимический ряд *каяться* – *виниться* входит в круг глаголов, обозначающих ситуации, когда человек говорит о том, о чём он обычно умалчивает, потому что говорить о себе такие вещи ему трудно или неприятно. В этом отношении слова сближаются со словом *признаваться* и соприкасаются с двумя рядами синонимов: а) *созалеть, жалеть, раскаиваться, каяться*; б) *извиняться, просить прощения*.

Глаголы первого из этих рядов в большинстве употреблений обозначают не акт речи, а то неприятное чувство, которое возникает у человека в результате понимания, что его поступок причинил или мог причинить кому-то ущерб и что поэтому было бы лучше, если бы он не совершал Р. Это чувство обычно сопровождается желанием как-то исправить причинённый вред. *Он сожалел* <*жалел, раскаивался*>, *что отказался от выгодного предложения*.

Между тем *каяться* и *виниться* в прототипических употреблении обозначают и чувство вины перед кем-то, и речевой акт признания своей вины и самоосуждения. *Клим тревожно думал: вот сейчас она начнёт каяться, нелепо расскажет о своём романе с ним и заплачет чёрными слезами* (М. Горький, *Жизнь Клима Самгина*); *В суде адвокат совсем уже было его оправдал – нет улик, да и только, как вдруг тот слушал-слушал, да вдруг встал – да всё и рассказал, «до послед-*

ней соринки»; повинился во всём, с плачем и с раскаяньем (Ф. М. Достоевский, Подросток).

Глаголы *извиняться* и *просить прощения* тоже обозначают речевой акт признания своей вины перед кем-то и в этом отношении сближаются с *каяться* и *виниться*. Однако они фокусируют внимание не на признании вины, а на словесном выражении сожаления по поводу причинённого ущерба. *Он извиняется <просит у вас прощения> за причинённое вам неудобство – Съёмка сделана спонтанно, без разрешения властей, просим прощения за дефекты изображения* (В. Аксёнов, Остров Крым) [6, с. 466–469].

В современном русском языке синонимы *каяться* и *виниться* сходятся в значении ‘адекватно оценивать своё поведение или свои поступки’. *Оценить* значит ‘назначить цену’. Старославянское *КА-ЯТИ СЯ* восходит к общеславянскому **kajati (se)*. Индоевропейский корень **k^ue(i)-: *k^uoi-*, тот же, что в общеславянском **сѣпа*. Семантика и.-е. корня неоднозначна: ‘почитать’, ‘ценить’, ‘бояться’, ‘наказывать’, ‘мстить’, ‘каяться’ и др. В ИЭС СРЯ для сравнения предложены слова: лит. *káina* – ‘цена’; авест. (основа) *kāu-* – ‘воздавать’, ‘искупать’, ‘каяться’ (в грехах), (основа) *kaēnā-* – ‘наказание’, ‘покаяние’; др.-инд. *cáyatē* – ‘мстит’ [3, с. 390]. Греческие слова, которые в Древней Руси переводили словами *цена* и *каяться* – *τίνω* – ‘плачу, каюсь’ и *ποινή* – ‘покаяние, наказание’ [7]. П. Я. Черных уточняет: *ποινή* – ‘возмездие’, ‘наказание’, ‘кара’, ‘пеня за убийство’, ‘выкуп’ [3, с. 390].

В. В. Колесов пишет, что *вина* первоначально – ‘воинский страх’, который испытывается в варварской массе людей; затем – ‘опасение греха’, которым может стать даже слово; в начальный период истории восточных славян – ‘ответственность за личное действие’; ещё позже – ‘воздаяние за эти поступки’, в каком бы виде оно ни последовало. *Вина* – проступок, но не действие само по себе, а осмысление уже произведённого действия, его анализ. Этим слово сближается со словом *грех* – ‘предосудительный поступок’, но *вина* шире, она – источник такого деяния, в том числе и греха, потому что связана с земным осуждением вин [8, с. 103]. «Проклята земля в дѣлѣхъ твоихъ» (Быт 3:17) [9, с. 4], – говорит Господь Адаму после грехопадения людей. Первая *вина* первых людей. И первая *цена* непослушания. Поступок повлек за собой ряд последствий, и после объяснения люди стали сопоставлять результат и причину.

В семантике *вины* – опасение и воздаяние, у *цены* – не просто ‘ценить’ и ‘воздавать’, но и ‘наказывать, мстить’. *Мьсть* соотносится со многими древними словами, все родственные славянским языки указывают на связь со словами *мѣна*, *мѣнять* ‘взаимно чередующийся, взаимный, обоюдный’ [8, с. 167]. Одна из форм слова *мечь* – *мзда*, некогда

значило одновременно ‘плата’ и ‘выигрыш’ – в зависимости от того, кто платил, а кто получал. В пермском диалекте и сейчас *каять* имеет значение как ‘исповедать кого-либо’, так и ‘раскаиваться в чём-либо, каяться’ [2]. *Вина* также понимается как возмещение убытков, но *вина* – это ‘материальное извинение, плата за вольную или невольную вину’. В разговорной речи лексема *вина* вплоть до XVII века сохраняла конкретный смысл – ‘расплата за дело’, которое нарушает принятые нормы человеческих отношений [8, с. 101–102]. *Цена* же понималась как словесное отпущение. Как можно судить по древнейшим соответствиям в других языках, *цена* – это ‘наказание’, ‘расплата’ и даже ‘возмездие’, т. е. не только весьма высокий уровень возмещения, но и ‘осуждение’, потому что того же корня глагол *каяти* означал действие порицания (в сербском сохранился со значением ‘мстить’) [8, с. 168].

Славянским словом *вина* переводили греческие слова со значениями ‘причина, основание или повод’, ‘удаление, отклонение’, т. е. ‘ошибка’. В. В. Колесов пишет, что убийство, разврат, насилие – это *грех* в отношении к Богу, те же поступки в отношении к другому человеку – *вина*. Лексема *вина* в разных формах сохранилась во многих и.-е. языках, например, литовское *vaina* – ‘ошибка, порок, недостаток’. Корень слова такой же, как у слов *война*, *воин*. В санскрите этот корень, ещё без *n*, означал ‘страх, испуг’. Семантика древнего слова определяется не только системой лексических значений, но и контекстом: «*Богъ – безъ начала, начало и вина встѣмъ*». Речь идёт не о причине (основное значение греческого слова *αἰτία*), а об ‘основании’, исходной точке, потому что *вина* и *начало* – одно и то же. Славянский переводчик использовал близкое по значению слово *вина*, не заботясь о том, что точного соответствия между греческим и славянским словами не было [8, с. 99].

Ровно *вину* можно увидеть и в лексеме *цена*, ведь её производное *ценить*, как и *чинить*, одного корня с *началом* и *концом*, один из дериватов – *причина*. Основное значение, объединяющее эти лексемы, – ‘дело, действие, порядок выполнения’. *Вина* также содержит мысль о намерении действовать: в «Кормчей» греч. *αἵσιμα* – ‘ценность, положение, намерение, принцип’ – переводится словом *вина*. У славян понятие *вины* всегда определяется простым намерением: «*Двоея дѣля вины человеци от правды отступаютъ: или страха ради или срама ради*». Здесь *вина* – и повод, и мотив для согрешения, но они продиктованы сознательным намерением человека [8, с. 99].

Таким образом, можно проследить эволюцию семантической синонимии лексем *каяться* и *виниться*. В древности слово *цена* означало расплату и наказание, но не посредством возмещающего дара, а чувством *вины* за неисполненный долг. *Дѣлгъ* в свою очередь, – ‘обязатель-

ство платить за вину', ставшую причиной наказания. *Вина* всегда 'страх, испуг', связанные с допущенной ошибкой, в которой человека обвиняют, а также 'причина' действия или бездействия. Все эти слова чётко и без вариантов определяли характер взаимоотношений между людьми. Семантическая параллель прослеживается испокон века, слова то и дело объясняются одно через: *каяться* – 'виниться', *вина* – 'цена, причина'; есть и семантические параллели: обе лексемы употребляются в значении 'расплата' и 'дело, осознанное действие, понимание сделанного', *покаяние* – уже 'потребность искупить вину, исправить себя или ситуацию'.

Таким образом, диахроническое исследование семантики в синхронии делает понимание значения слов глубже и помогает реконструировать не только семантику отдельных слов, но и синонимию древних понятий.

Список использованных источников

1. Трубачев, О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура / О. Н. Трубачев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 800 с.
2. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1983. – Выпуск 9 (*jъz–*klenъje). – С. 115–116.
3. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. – 3-е изд., стереотип. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1: А–Пантомима. – 624 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://efremova.info>. – Дата доступа : 08.02.2017.
5. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013 // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://psychology_pedagogy.academic.ru. – Дата доступа : 25.04.2017.
6. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян [и др.]; под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. – 2-е изд. – М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.classes.ru/all-russian>. – Дата доступа : 14.04.2018.
8. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. – Кн. 3 : Бытие и быт / В. В. Колесов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 400 с.
9. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами / репринтное изд-е. – М. : «Сибирская благовонница», 2006. – 1679 с.

The article considers the semantic synonymy of the lexemes каяться and виниться. The results of a diachronic study of the semantics of цена and вина lexemes are presented. On the synchronous slice the contextual characteristic of

the corresponding units is given. The problem of interpretation of meaning in old Russian translations is actualized.

Keywords: etymology, semantics, synonymy, lexeme, translation.

УДК 811.161.1:811.521:81'373.72

Т. А. Басова

УСЕЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦЫ КАК УСТОЙЧИВЫЙ МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ НЕОФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье исследуются способы вторичной фразеологизации, в частности виды усечений коммуникативных фразеологических единиц на материале русских пословиц. Анализируется пять способов усечений, а также проводится сопоставление с усечениями пословиц японского языка, доказывающее, что типологическая принадлежность языка влияет на механизмы образования неофразеологизмов.

Ключевые слова: вторичная фразеологизация, усечение пословиц, фразеологические дериваты, коммуникативные фразеологические единицы.

Вторичная фразеологизация – один из основных видов реализации генетических связей во фразеологии; она может происходить как путем усечения более длинной фразеологической единицы (ФЕ), так и без усечения. Еще А. В. Кунин четко структурировал понятийный аппарат механизмов фразеологизации [1, с. 79] и выделил следующие пути образования фразеологических единиц на материале английского языка: а) обособление компонентов: начальных, срединных, конечных; б) образование глагольной ФЕ от коммуникативной в повелительном наклонении; в) развертывание фразеологизма; г) конверсия фразеологизма (переход компонентов в другие части речи); д) образование по аналогии; е) образование по контрасту; ж) контаминация [2, с. 432–448]. Особняком в данной сфере стоят антипословицы. W. Mieder, автор множества монографий, словарей и статей, посвященных коммуникативной фразеологии, ввел данный термин для обозначения шуточных трансформаций пословиц [3, с. 247]; в них зачастую присутствуют компоненты, отражающие современные реалии. Некоторые из антипословиц хорошо приживаются и имеют широкое распространение.

Одной из достаточно плодотворных схем вторичной фразеологизации является обособление одних элементов при усечении других, и этот тип обширно представлен и в русском языке. Следует, однако, отделять образование новых фразеологизмов от сокращенных вариантов пословиц с тем же значением. Согласно терминологии Т. Н. Федуленковой [4, с. 163–164], в этой группе фразеологизмов выделяются инициальные, медиальные и терминальные дериваты.

1. При структурном анализе русских коммуникативных ФЕ мы видим, что особенно часто неопразеологизмы в русском языке возникают на базе пословиц и поговорок при отделении инициальных компонентов, от которых возникают глагольные, субстантивные, деепричастные и другие ФЕ:

С миру по нитке – голому рубашка → *с миру по нитке* (отовсюду понемногу).

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь → *гнаться за двумя зайцами* (пытаться делать два дела одновременно).

Стреляного воробья на мякине не проведешь → *стреляный воробей* (ушлый, опытный человек).

Не рой другому яму, сам в неё попадёшь → *рыть (себе) яму* (создавать (самому себе) будущие проблемы).

Семь раз отмерь – один раз отрежь → *семь раз отмерить* (тщательно подготовиться перед действием).

Не зная броду, не суйся в воду → *не зная броду* (не разбираясь в деле).

Собаку съел, а хвостом подавился → *собаку съел* (имеет большой опыт).

Два сапога – пара, да оба левые → *два сапога пара* (похожие, одинаковые).

На безрыбье и рак рыба → *на безрыбье* (при отсутствии других вариантов).

Ложка дегтя бочку меда портит → *ложка дегтя* (негативный момент или событие).

2. Финальные дериваты представлены в русском языке в несколько меньшем количестве:

Сделал дело – гуляй смело → *гулять смело* (отдыхать).

Правда глаза колет → *колоть глаза* (стыдить).

Свой ум – царь в голове → *без царя в голове* (глупый, безрассудный). В данном случае имеют место сразу два вида фразеологизации: усечение и изменение по контрасту на противоположное значение.

Утопающий и за соломинку хватается → хвататься за соломинку (использовать любой шанс).

3. Медиальные дериваты достаточно редки и обычно происходят из длинных коммуникативных фразеологических единиц:

Пьяному море по колено, а лужа по уши → море по колено (ощущение всемогущества).

Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть → пуд соли (тяжелые времена, тяжелая доля). Существует также терминальный дериват: *съесть пуд соли* (пережить тяжелые времена).

Пыль столбом, дым коромыслом; а изба не топлена, не метена → дым коромыслом (шум, гам).

Из некоторых пословиц могут вычленяться и начальные, и финальные дериваты:

В чужом глазу соринку видишь, а в своём бревна не замечаешь → видеть соринки (критиковать), *бревна не замечать* (быть слепым к своим недостаткам).

В тихом омуте черти водятся → тихий омут (подозрительное место, ситуация), *черти водятся* (происходят странные вещи, плетутся интриги).

Лучше синица в руке, чем журавль в небе → синица в руке (легкий, известный путь, надежность), *журавль в небе* (нечто малопонятное, далекое, пока недоступное).

4. Можно также выделить комбинированный тип дериватов, когда из разных частей пословицы берутся компоненты для образования нового фразеологизма:

Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай → расхлёбывать кашу (решать самим созданную проблему).

Близок локоть, да не укусишь → кусать локти (испытывать досаду, невозможность что-то сделать).

Не терт, не мят, не будет калач → тертый калач (бывалый, опытный человек).

5. Помимо этого, в русском языке мы наблюдаем фразеологизмы, которые образованы путем усечения медиальной части и соединения крайних компонентов:

На кривой лошади (на кривых оглоблях) плута не объедешь → на кривой не объедешь (человек умен, хитер).

Таким образом, на данных примерах мы видим, что такой механизм вторичной фразеологизации, как усечение компонентов, в русском языке проявляется активно и устойчиво. Мы выявили пять спо-

собою образования фразеологизмов из русских пословиц: а) отделение инициальных дериватов; б) отделение финальных дериватов; в) отделение медиальных дериватов; г) комбинированный тип: отделение и соединение разрозненных компонентов пословицы; д) усечение медиальной части и соединение крайних компонентов в один фразеологизм. Среди них активнее всего распространено отделение инициальных дериватов, а усечение медиальной части – наиболее редко встречаемый вид образования неофразеологизмов. Эти механизмы присущи и многим другим языкам мира, являясь по сути фразеологическими универсалиями. Например, в неродственном русскому японском языке мы наблюдаем все те же самые виды генетических связей и методов образования неофразеологизмов (отделение тех или иных дериватов), за исключением такого вида сокращений пословиц, как корневое сращение ключевых слов пословицы:

塵も積れば山となる *Chiri mo tsumoreba yama to naru* (букв. и пыль, если соберется, станет горой – о том, что множество маленьких действий дают постепенно хороший результат) → ちりつも *chiritsumo* (букв. «пыльсобр»), в котором осуществляется соединение корней существительного *пыль* и глагола *собираться*. Сокращения такого типа могут безморфемно (либо через послелог принадлежности) примыкать к словам, неся в себе общий смысл пословицы. Пример: ちりつも勉強 *chiritsumo benkyō* (букв. «пыльсобр» занятия) – занятия учебой понемногу, по чуть-чуть, но постоянно, которые в перспективе дают хороший результат [5]. Такой вид морфемных сращений возможен благодаря особенностям грамматического строя японского языка и не может быть реализован в русском ввиду его структуры. Хотя в русском языке и существуют сращения типа *детсад*, но они происходят от словосочетаний, а не цельнопредикативных предложений. Соответственно, тип языка влияет на способы фразеологизации.

Список использованных источников

1. Кунин, А. В. Английская фразеология. Теоретический курс / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 344 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс, 2005. – 488 с.
3. Mieder, W. Antisprichwörter und kein Ende: Von sprachlichen Eintagsfliegen zu neuen Sprichwörter / W. Mieder // Thesaurus polyglottus et flores quadrilingues. Festschrift für Stanisław Prędoła / Eds. Stefan Kiedrón and Agata Kowalska-Szubert. – Wrocław : Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe. – P. 247–262.

4. Федуленкова, Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков : курс лекций / Т. Н. Федуленкова. – М. : Издательский Дом Академии Естествознания, 2012. – 220 с.

5. Словарь пословиц и поговорок японского языка 故事ことわざ辞典 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://kotowaza-allguide.com/> – Дата доступа : 27.10.2019.

The article is dedicated to the types of secondary phraseologisation, particularly the reduction of communicative phraseological units as exemplified by Russian proverbs and their derivatives. Five types of Russian proverb reductions are discussed and compared with reductions in the Japanese language. The difference in CPE reduction ways proves that the type of a language affects the mechanism of secondary phraseologisation.

Keywords: secondary phraseologisation, proverb reduction, phraseological derivatives, communicative phraseological units.

УДК 811.16'373.23:811.581'373.23:7.046.1

В. А. Белодед

О НЕКОТОРЫХ ЖЕНСКИХ АНТРОПОНИМАХ В СЛАВЯНСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

В статье исследуются некоторые наименования женских персонажей китайской мифологии, для которых имеются соответствия в славянской мифологической системе. Анализируется план содержания рассматриваемых антропонимов и элементов, входящих в состав каждой номинации.

Ключевые слова: мифологема, детерминант, женщина, антропоним, план содержания.

Мифологические представления играют важную роль в формировании целостной картины мира. Объектом нашего исследования стали женские антропонимы в славянской и китайской мифологических системах.

В сознании большинства людей женщина ассоциируется с продолжением рода и материнством. Наиболее ярким примером женского верховного божества является образ богини-матери, ассоциирую-

щейся с созидательной, продуцирующей силой. В славянской мифологии роль богини-матери принадлежит Мокоши (Макоши). Именно она является покровительницей земного изобилия и матерью всего живого. Кроме того, известно, что Мокошь связана с мотивами ткачества и прядения. После принятия христианства на Руси Мокошь стали называть Параскевой Пятницей. Известно, что у восточных славян деревянные скульптуры, изображающие Параскеву, размещали на колодцах, ей приносились жертвы: внутрь колодцев бросали кудель, ткани, овечью шерсть [1]. По мнению В. Н. Топорова, данный антропоним связан с праславянской лексемой **tokos* ‘прядение’ [2, с. 169]. М. Фасмер имя *Мокошь* связывает с глаголом *мокнуть* [3, с. 640], что позволяет провести параллель между образом богини и стихией воды, традиционно считавшейся женской.

В китайской языковой картине мира существует похожий женский образ – это Лэй-цзу (嫫祖), супруга мифического жёлтого императора Хуан-ди (黃帝), почитавшаяся как родоначальница шелководства. Согласно легенде, Лэй-цзу обнаружила куколку тутового шелкопряда в своей чашке с чаем (чай естественным образом связан с водой и, соответственно, женским началом). Теплота напитка послужила причиной отделения мягкой шёлковой нити от кокона. Богиня, увидев это, попросила мужа предоставить ей собственную рощу, где можно было бы разводить шелкопрядов, и просьба была выполнена. Таким образом, именно благодаря Лэй-Цзу история производства шёлка берёт своё начало в Китае. Эту богиню также считают изобретательницей шёлкового ткацкого станка. В настоящее время Лэй Цзу чаще называют Матерью Тутового Шелкопряда [4].

В некоторых источниках зафиксировано обращение к богине Лэй Цзу: 蚕奶奶. Первое слово 蚕 имеет прямое значение ‘гусеница тутового шелкопряда, дождевой червь’. При этом сам иероглиф состоит из графемы 天 ‘природа’ и детерминатива 虫 ‘насекомое’. Данные компоненты являются признаками, наиболее полно раскрывающими лексическое значение первого слова-иероглифа. Два последующих иероглифа 奶奶 в современном китайском языке обозначают бабушку, что не совпадает с первым рассмотренным нами вариантом обращения (мать). Однако иероглиф 奶 встречается в слове *молоко* (牛奶), а также функционирует как самостоятельный в значении ‘грудь, вымя, кормить грудью’ и имеет в своём составе детерминатив 女 ‘женщина’. Китайский толковый словарь также предлагает нам дополнительный вариант перевода иероглифа 奶奶 – ‘вежливое обращение к матушке, госпоже’ [5].

Первый иероглиф в имени Лэй-цзу совпадает по фонетическому оформлению со словом *гром* (雷), однако графическое оформление двух одинаково звучащих слов различное. Иероглиф, обозначающий гром, содержит в своей структуре компоненты 'дождь' и 'поле'. А имя богини состоит из следующих ключей: 女 'женщина', 田 'поле' и 糸 'шелковинка, выделяемая гусеницей шелкопряда'. Второй иероглиф (祖) включает в себя ключевой знак «дух» и переводится как 'предок, пращур, родоначальник, источник, начало'. Таким образом, этимология имени Лэй-цзу не затемнена. План содержания искомого антропонима совпадает с планом содержания составных элементов, входящих в состав имени.

Сходные закономерности отражает имя феи луны Чанъэ (嫦娥), жены бога войны и выдающегося стрелка Хоу И (后羿) [6]. Согласно китайскому мифу, в давние времена в Поднебесной обитало много чудовищ и хищных зверей, на борьбу с которыми Небесный император и отправил Хоу И. Когда миссия стрелка была практически выполнена, на небе неожиданно появились десять солнц – сыновья Небесного императора. Отметим, что солярные знаки в славянской традиции ассоциируются со светом, теплом и добром, т. е. характеризуются положительными коннотациями; в китайской же мифологии солярные символы могут ассоциироваться и с негативными, разрушительными последствиями. По сюжету сыновья императора решили появиться все вместе, тем самым вызвав катастрофические последствия: нестерпимую жару, пожары и человеческие жертвы. Хоу И не смог уговорить сыновей исчезнуть с неба и появляться по очереди, и тогда стрелок убил девять солнц, пощадив последнее. Небесный император очень разгневался и запретил стрелку со своей женой возвращаться на небо. Но если Хоу И быстро смирился с таким поворотом событий, то его жена начала страдать от жизни на земле. Стрелку удалось раздобыть волшебный эликсир, с помощью которого можно было вернуться домой, однако снадобья могло хватить только на одного человека. Тогда Хоу И решил спрятать зелье и продолжить своё существование на земле, так как он не хотел возвращаться на небо без жены. Но коварная Чанъэ нашла эликсир, подкараулив момент, когда мужа не было дома, и приняла снадобье. Хоу И видел, как улетает на небо Чанъэ, но не смог выстрелить из лука в собственную жену.

Чанъэ отправилась в Лунный дворец, и дальнейшие версии произошедшего несколько расходятся. Согласно одной из них, Чанъэ превратилась в жабу и продолжила своё существование на луне. Согласно другой, фея сохранила человеческое обличье. В обоих случаях

подчёркивается одиночество Чаньэ: только лунный заяц (月兔), вынужденный постоянно толочь в ступе снало́бье бессмертия. и лесопил У Ган (吴刚) составляли богине компанию. У Гана иногда называют китайским Сизифом, так как он был выслан на луну за свои грехи и приговорён к пожизненной рубке леса, который выпадал снова и снова. В китайском языке есть устойчивые выражения: 吴刚伐木 У Ган рубит дерево; 嫦娥奔月 Чаньэ улетает на луну [6].

В Древнем Китае зооморфным олицетворением луны являлись заяц и жаба. Доказательством того, что мифология оказывает огромное влияние на жизнь всех народов, в данном случае китайского народа, является широкое применение антропонимов в бытовой сфере. В настоящее время именем эгоистичной богини называют китайские космические зонды, предназначенные для исследования луны. А первый китайский луноход носил имя «Нефритовый заяц».

Отметим, что семантика составных компонентов в имени богини также не затемнена. Особенно выразительным является второй иероглиф имени 娥, который состоит из детерминатива 女 ‘женщина’ и элемента 我 ‘я’. Личное местоимение, стоящее рядом с исследуемым детерминативом, подчёркивает эгоистическое отношение в человеке, когда субъект думает преимущественно о своих личных интересах и выгоде. Первый иероглиф в имени также содержит ключ 女 ‘женщина’ и элемент 常 ‘постоянный, вечный, регулярный’, что снова прямо ассоциируется с отображённой в легенде ситуацией, когда Чаньэ была обречена на вечное существование на луне, скучая по дням, проведённым на земле. Чаньэ посвящён праздник середины осени в Китае, когда девушка единственный раз в году встречается со своим мужем, из-за чего луна на небе становится ярче.

В русской мифологической картине мира также имеется персонаж, которого можно соотнести с Чаньэ, – Дивия, славянская богиня луны, сестра Хорса, бога солнца. На значимость образа Дивии указывает тот факт, что многие украшения славян были изготовлены в виде луны. В частности, это были украшения-обереги, которые наделялись сакральными функциями. Ярким примером такого украшения может служить лунница – подвеска в виде полумесяца, рожки которого должны были смотреть вниз, что означало соединение двух стихий – небесной и земной. Покровительство лунной стихии должно было зарядить положительной энергией свою хозяйку. К Дивии часто обращались девушки, прося красоты, женщины читали заговоры при свете луны. Богиня также была призвана оберегать сон людей. Предназна-

чение Дивии может быть связано с ориентированием во времени, учитывая тот факт, что лунный месяц стал первой мерой времени [7].

Таким образом, нами были рассмотрены мифологические образы двух китайских богинь, которые, на наш взгляд, соотносятся с аналогичными им славянскими божествами. Различия наблюдаются в чертах характеров рассмотренных персонажей, что вполне естественно, так как демонстрируется самобытность, уникальность и неповторимость мифологических картин мира русского и китайского народов. Общие черты являются свидетельством того, что женский образ в мифологии является универсальным и ассоциируется преимущественно с созидательным началом.

Список использованных источников

1. Рыбаков, Б. А. Язычество Древних славян / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М. : Наука, 1994. – 608 с.
2. Топоров, В. Н. Мифология: статьи для мифологических энциклопедий / В. Н. Топоров. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 600 с.
3. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т.: пер. с нем и доп. О. Н. Трубачёва / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2: Е–М. – 671 с.
4. Rovdyr dreams. Символы Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rovdyrdreams.com/simvolyi-kitaya-velikaya-stena-nekotoryie-remesla-nefrit-zhemchug-shelk-i-chay/> – Дата доступа : 22.10.19.
5. Китайский толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E5%A5%B6%E5%A5%B6> – Дата доступа : 24.10.19.
6. Газета "Жэньминь Жибао", сказание о Чанъэ, оказавшейся на луне [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://russian.people.com.cn/31517/6289919.html> – Дата доступа : 25.10.19.
7. Древние боги и герои, Дивия и Див [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://drevniebogi.ru/diviya-i-div-slavyanskies-bogi-simvoliziruyushhie-den-i-noch/> – Дата доступа : 25.10.19.

The article explores some of the names of female characters in Chinese mythology, for which there are correspondences in the Slavic mythological system. The content plan of the considered anthroponyms and elements that are part of each nomination is analyzed.

Keywords: mythologem, determinant, woman, anthroponym, content plan.

У. Н. Борисова

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ,
СВЯЗАННЫЕ С НАИМЕНОВАНИЕМ СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, В АРГО**

В статье рассматриваются лексико-семантические группы, связанные с наименованием работников органов внутренних дел, в аргю. Подробно анализируются особенности употребления лексем данных групп, определяется их историческая, профессиональная отнесённость.

Ключевые слова: аргю, лексико-семантическая группа, работники органов внутренних дел, лексема.

Социальная дифференциация современного общества очень широка. Вполне понятно, что и язык, как общественное явление, меняется с течением времени, удовлетворяя потребности социума. Для исследователей интерес представляют как литературные единицы, так и жаргонизмы и арготизмы. Аргю – «особый тип социального диалекта, располагающего более или менее значительным набором слов, не понятных для непосвященных, и служащего целям секретного общения между членами обособленных социальных групп» [1, с. 5]. Как бы ни относились в социуме к данному явлению, присутствие его в современном языке стоит признать. Основной функцией аргю является криптолическая (секретная). Она достигается посредством переосмысления литературных слов в семантическом, морфологическом, фонетическом, морфемном и других аспектах. Одним из ярко выраженных аспектов является лексический. К аргю как к диалекту с научной точки зрения подходили А. Майер, М. Яворский, М. Грачёв и др. И. И. Срезневский считал, что этот язык «...заслуживает внимания филолога. <...> и жаль, если ни один из наших филологов, оставаясь при мнении, что оно не стоит серьёзного внимания, не захочет сделать его предметом особенного изучения...» [2].

Вполне объяснима вариативность лексем, обозначающих работников органов внутренних дел, в аргю. Сам этот социальный диалект создавался и развивался для сокрытия тайн от лиц, служба которых связана с исполнением наказаний. Наименования людей, относящихся к враждебным для деклассированных элементов профессиям, представлены очень широко. Опираясь на «Словарь тысячелетнего рус-

ского аргю» М. А. Грачева [3], мы выделяем следующие лексико-семантические группы:

- лексемы, связанные с потусторонними силами (*архангел, дьявол, сатана* и др.);
- лексемы, обозначающие животный мир (*крыса, песец, землеройка, барбос* и др.);
- лексемы, обозначающие родственные отношения (*сват, свекруха, дядька* и др.);
- лексемы, связанные с числовой символикой (*шесть, тридцать шесть, два с боку* и др.);
- лексемы, связанные с цветовой символикой (*краснопогонник, голубопогонник*);
- лексемы, обозначающие одежду / обувь или части одежды (*сапог, тулуп, карман* и др.);
- лексемы, связанные с частями профессионального обмундирования лиц, служащих в органах внутренних дел (*кобура, кокарда, шинель* и др.);
- лексемы, имеющие в своём названии антропонимы (*василий, сержа, иван иванович* и др.);
- лексемы, связанные с профессиями, социальными классами, исчезнувшими с течением времени (историзмы и архаизмы) (*чекист, жандарм, гладиатор* и др.);
- лексемы, связанные с наименованием лиц, стоящих выше кого-л. по должности или социальному положению (*командир, начальник, шеф* и др.).

Рассмотрим подробно вышеназванные лексико-семантические группы.

1. Лексемы, связанные с потусторонними силами.

Большую часть данной лексико-семантической группы составляют слова, связанные с божественным либо антибожественным началом. Это вполне объяснимо, так как деклассированные элементы, отрицая общественную мораль, искали внутреннее оправдание этому посредством веры в Бога (данное явление отражено, например, в «поэзии сидельцев»). Среди лексем, имеющих в своей структуре божественное начало, следует выделить *апостол, архангел*. Наименование связано в первую очередь с охранительной функцией работников органов внутренних дел. Среди лексем, связанных с антибожественным началом, можно выделить следующие: *дьявол, сатана, чёрт из мутной воды*. Существительные несут отрицательную коннотацию, связывая работников органов внутренних дел с противобожественными силами.

Помимо лексем данного рода к этой лексико-семантической группе следует отнести и названия лиц, работающих в полиции и тюрьме, связанные с персонажами фольклора: *дух, дракон, ведьма, циклоп*. Из устного народного творчества мы знаем, что данные единицы характеризуются негативной коннотацией.

Среди лексем, связанных с потусторонними силами, можно выделить слова, интересные в словообразовательном плане, такие как *ментавр, ментозавр*. Данные лексемы образованы путем сложения основ, в связи с чем создаётся комический словообразовательный эффект.

2. Лексемы, обозначающие животный мир.

Словарь фиксирует довольно большое количество лексем, обозначающих работников органов внутренних дел посредством отсылки к тем или иным животным.

Скорее всего, это связано с пренебрежительным отношением лиц, уклоняющихся от закона, к полицейским. Все данные слова позволяют завуалировать в речи те лица, которых заключённые именуют. Среди лексем, обозначающих работников органов внутренних дел посредством отсылки к животному миру, можно выделить:

а) лексемы, относящиеся непосредственно к породам и кличкам собак: *барбос, бобик, гончий (-ая), дружок, кобель, легавый, пёс, собака, шарик, щенок*.

Данное соотношение мотивируется работой сотрудников органов внутренних дел – розыском, а также наличием у полицейских и тюремных надзирателей служебных собак. В любом случае, воспринимая работников органов внутренних дел как собак, заключённые передают в данных лексемах отрицательную коннотацию.

б) лексемы, связанные с орнитологией: *голубок, коршун, мухолов, петух, скворец, снегирь, сова, соловей, сыч, филин, щегол, ястреб, ястребиха*.

Ряд единиц имеет оскорбительный подтекст (*петух, голубок, щегол*), другие мотивированы цветовыми решениями формы (*скворец, снегирь*) либо спецификой природного поведения птицы (хищничество, ночное время охоты: *ястреб, коршун, мухолов, сыч, сова*). Некоторые из лексем данной группы (*скворец, снегирь*) можно считать устаревшими, поскольку форма современных служащих внутренних дел другая.

в) лексемы, связанные с энтомологией: *жук навозный, землеройка, скорпион*.

Данные наименования связаны с интегральным компонентом 'наземный образ жизни насекомых' либо с потенциальной угрозой, которая от них исходит (*скорпион*). В этой группе явную негативную

коннотацию проявляет сочетание *жук навозный*, в структуру которого входит прилагательное *навозный* – производное от *навоз* ‘органическое удобрение из твердых и частично жидких экскрементов животных обычно в смеси с подстилочным (солома, торф) материалом’.

г) лексемы, в прямом значении номинирующие животных, обитающих только в водной или в водной и наземной среде: *жаба, змей, карась, краб, лягушка*.

Лексемы имеют ярко выраженную отрицательную коннотацию (внешний вид отталкивающий).

Остальные лексемы не создают отдельную лексическую подгруппу в данной лексико-семантической группе. Помимо завуалированности сообщаемого лицами, совершившими правонарушение, большинство лексем имеет негативный подтекст, проявляемый в обозначении работников органов внутренних дел наименованиями животных, то есть деклассированные элементы не воспринимают их как людей.

3. Лексемы, обозначающие родственные отношения.

К данной лексико-семантической группе относятся слова *дядька, кум, папка, сват, свекруха*. Нами не установлена причина возникновения данных наименований. Следует отметить, что номинативы женского рода (*свекруха*) воспринимаются как оскорбительные, если относятся к лицам мужского пола и несут отрицательную коннотацию.

4. Лексемы, связанные с числовой символикой.

Большинство данных лексем либо равно, либо кратно шести, поскольку это связано с арготическим негативным понятием данной цифры. К ним можно отнести: *шесть, тридцать шесть, два с боку, три копейки*. Помимо данных примеров к данной лексико-семантической группе следует отнести и лексему *четырёхглазый*. Скорее всего, её семантика связана со способностью надзирателей замечать провинности заключённых. Лексемы имеют отрицательный подтекст, поскольку в них заключено арготическое понятие «шестёрки».

5. Лексемы, связанные с цветовой символикой.

В эту лексико-семантическую группу входят слова *голубопогонник, краснопогонник*. Их семантика закономерно соотносится с цветом погон военнослужащих (голубой, красный). В современных внутренних войсках МВД символическим цветом погон считается краповый, то есть тёмно-бордовый, что является разновидностью красного оттенка. Но таковыми они стали только с 1924 года. С 1922 года кавалерия органов государственной безопасности имела голубые (светлосиние) петлицы и знаки различия. С 1923 года у Конвойной стражи ведущим стало синее сукно с малиновой окантовкой, а с декабря

1924 г. петлицы всех родов войск и служб ОГПУ утвердились крапатыми с малиновой окантовкой. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что данные лексемы являются устаревшими, поскольку отличительный цвет погон был характерен для работников органов внутренних дел лишь в 30-е гг. XX века.

6. Лексемы, обозначающие предметы или части одежды.

В данную лексико-семантическую группу входят лексемы *карман*, *пижама*, *сапог*, *тулуп*. Соотношение лексемы *карман* объясняется намёком на взяточничество некоторых сотрудников правоохранительных органов, лексема *пижама* интересна с точки зрения словообразования (контаминация слов: арг. *пижон* + лит. *пижама*), слова *сапог* и *тулуп* характеризуют привычную форму одежды сотрудников органов внутренних дел советского времени, то есть данные лексемы следует отнести к устаревшим.

7. Лексемы, связанные с частями профессионального обмундирования лиц, служащих в органах внутренних дел.

Наличие данной лексико-семантической группы вполне понятно. Перенос значений характерен и для литературной лексики (например, *шляпа*), закономерно, что такой перенос появился и в аргю, к примеру, в словах *дубина*, *кобура*, *кокарда*, *портупея*, *фуражка*, *шинель*. Данные лексемы позволяют удачно скрыть тех, кого они именуют, но в связи с тем, что современная форма полицейских претерпела изменения, многие из них можно считать устаревшими.

8. Лексемы, имеющие в своём названии антропонимы.

Переход имён собственных в нарицательные особенно продуктивен в аргю. Апеллятивация может происходить под влиянием различных факторов: фонетического фактора, фактора, основанного на обычности употребления имён собственных, фактора исторического и литературного. В приведённых ниже лексемах нашли своё отражение первых два фактора. В аргю имеется несколько линий перехода имён собственных в нарицательные, в данном случае проявляется переход *лицо — лицо* (имя собственное — работник органов внутренних дел). Помимо этого в данных лексемах обнаруживается и словообразовательный аспект: *Серёжа* — контаминация слов «арг. *серый* ‘сотрудник правоохранительных органов’ + имя собств. *Серёжа* + арг. *Серёжка*»; *семён* — контаминация слов «арг. *семенить* + имя собств. *Семен*»). В данную лексико-семантическую группу входят слова *василий*, *гена*, *левик*, *митька*, *серёжа*, *семён*, *яшка*. Все они имеют отрицательную коннотацию, так как возникает пренебрежительное отношение к имени собственному, стирается реальное имя «служителя закону».

9. Лексемы, связанные с профессиями, социальными классами, исчезнувшими с течением времени.

Появление названий для сотрудников органов внутренних дел, данных через наименования, появившиеся в советскую и дореволюционную эпоху, вполне закономерно. Устаревшие лексемы медленно выходят из языка, но остаются, например, в аргю. К данной лексико-семантической группе можно отнести лексемы *гетман, гладиатор, городской, жандарм, казак, пират, чекист, фараон*. Часть данных лексем соотносится со старым названием служащих органов внутренних дел (*жандарм, городской*), часть – с названием ранее существовавших социальных и политических групп (*чекист, эсэсовец, гладиатор, казак, пират, фараон, гетман*).

10. Лексемы, связанные с наименованием лиц, стоящих выше кого-л. по должности или социальному положению.

В данную лексико-семантическую группу входят лексемы *барин, командир, начальник, хозяин, шеф*. Некоторые из них обозначают не просто рядового служащего, а начальника (*барин, хозяин, шеф*). Лексемы *командир, начальник* обозначают лишь сотрудника правоохранительных органов, но подчёркивают более высокое положение полицейских над деклассированными элементами.

Таким образом, аргю – своеобразный вариант языка, позволяющий скрыть от «непосвящённых» важную информацию. Неоспоримо, что данное явление стилистически неоправданно и его нужно искоренять, но отрицать существование аргю мы не можем.

Список использованных источников

1. Бондалетов, В. Д. Типология и генезис русского аргю / В. Д. Бондалетов. – Рязань : РГПИ, 1987. – 84 с.
2. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка и других славянских наречий / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография В. С. Балашева, 1887. – 164 с.
3. Грачёв, М. А. Словарь тысячелетнего русского аргю : 27000 слов и выражений / М. А. Грачёв. – М. : «Риполл-классик», 2003. – 1120 с.

In the scientific work the lexical and semantic groups connected with the name of employees of internal affairs bodies in argo are considered. The features of the use of lexemes of these groups are studied in detail, their historical and professional relevance is determined.

Keywords: argo, lexico-semantic group, employees of internal affairs bodies, lexeme.

Джулиано Гайетти

МАРЖАННА: СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ СМЕРТИ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье исследуется образ Маржанны / Мары в славянском фольклоре и мифологии. Этот персонаж ассоциировался с понятием смерти и с обрядами народного календаря, описанными Михаилом Лучинским. Подобные ритуалы и сверхъестественные существа описаны в словаре «Славянские древности» и играют важную роль в этнолингвистике. Феномен Маржанны рассматривается как теоретический инструмент для лучшего понимания фразеологии славянских языков и его связи с фольклорным изображением смерти.

Ключевые слова: славянская фразеология, мифология, фольклор, этнолингвистика.

В образе мифологического и фольклорного персонажа Маржанны / Мары / Марены у славян можно выявить ряд различных значений, связанных со славянскими словами, обозначающими смерть (пол. *śmierć*, чеш. *smrt*, рус. *смерть*). По мнению многих этимологов, корень слова *Марена* исходит из праиндоевропейского языка **mar / mor*.

Согласно Михаилу Лучинскому [1], первоначально в славянском фольклоре Маржанна идентифицировалась с мифологическим персонажем, а именно Богиней, с некоторыми функциями и атрибутами, имеющими отношение к смерти. Впоследствии в ней персонифицировались одновременно зима и смерть и она превратилась в обрядовую соломенную куклу, которую сжигали или топили во время сезонного ритуала. Некоторые черты фольклорного обряда Маржанны используются в качестве теоретического обоснования для того, чтобы проанализировать фразеологические единицы, поговорки и глаголы, связанные со сверхъестественными явлениями смерти в славянских языках.

Маржанна, Мара и Марена: сверхъестественные персонажи славянского фольклора и мифологии.

Древняя праславянская мифология включает в себя богатый ряд магических персонажей и богов, олицетворяющих силы стихии. С IX века, вследствие крещения славянских народов, древние боги, с одной стороны, стали ассоциироваться с нечистыми силами и злыми

духами, угрожающими человеческой жизни. С другой стороны, их образы стали важной частью фольклора. Поэтому внутри песен и обрядов сохранился целый ряд низшей мифологии, происходящей из народных обычаев и традиций.

В праславянском пантеоне богиней, связанной с обрядом смерти, была Маржанна / Мара / Марена [2, с. 253]. На месте славянских территорий в качестве имени богини найдены разные однокоренные слова (сравн.: *Марена / Мара / Маржанна* и *Мармориена*).

Михаил Лучинский обозначает Маржанну как персонифицированную абстрактную концепцию стереотипов религиозной сферы, упоминающихся в фольклорных обрядах, и в то же время как мифологический персонаж [1, с. 173]. Персонификация усиливается, когда Маржанна становится синонимом самой смерти: пол. *Śmiercicha, Śmirtusecka, Śmirtuska, Mór*, чеш. *Smrt, Smrtnica*, словац. *Šmertka* [1, с. 176; 3, с. 601]. Источники ритуала охватывают весь славянский мир и особенно распространены среди западных и восточных славян [4, с. 179].

Источники можно встретить в этнографических трудах, фольклорных песнях, в описаниях обрядов и поверий славян. О том, что касается ритуала, имеются различные отзывы в Польше и Силезии, в Чехии и Моравии, в Словакии и в Украине. Они собраны среди других Т. А. Агапкиной [3, с. 606] и авторами «Славянских древностей» [4, с. 180].

Согласно Лучинскому [1, с. 174], первоначально Маржанна / Мара была богиней плодородия и смерти у славян и кукла, названная в её честь, символизировала смерть и зиму. Вероятно, происходила трансляция понятия с именем богини до объективации её атрибутов в соломенной кукле. Кукла Маржанны сама стала символом смерти и зимы. Во время обряда куклу несли за пределы села и сжигали или топили её. Обряд вынесения Маржанны за пределы села символизировал уход зимы и смерти. Посредством разных способов изгнания Маржанны и её истребления смерть и зима исключались из жизненного пространства, чтобы ускорить приход весны и вернуть природе жизнь. Весна и новая жизнь воплощались в виде молодого дерева или кусочка дерева, который должен был быть принесен в деревню после уничтожения Маржанны.

Предполагаемые развития и семантические поля: гипотетический корень **mar / mor*.

Учеными предполагается происхождение имени Маржанна от праславянского слова **Mara*, -*na* / **Morana*, -*ena*; чеш., хор., бол., укр., бел. *Mara*; слова с суффиксом -*na*: пол. *Marzan (n)a*, чеш. *Mařana*;

чеш. *Mařena*, словац. *Marejna*, укр. *Marena*; пол. диал. *Morzana*, чеш., словац. *Morena* / *Mořena*; пол. диал. (Силезия) *Marzyna*, чеш. *Mařina*, словац. *Maryna*, укр. *Maryna*; словац. *Marmoriena*, *Marmuriena*, *Muriena* [1, с. 174].

Маржанна как смерть: происхождение из праиндоевропейского языка.

Чтобы понять ряд лексем, связанных с Маржанной / Марой / Мореной, были предложены некоторые теории, начиная с гипотетического корня **mar / mor*.

Согласно словарю «Славянские древности» [4, с. 179–180], имя Маржанна происходит от корня **mar*, который может считаться вариантом корня **mor* и иметь корни в праславянском **sъmьrtь*, подобным образом **mьrtь*, буквально ‘смерть’, пол. *śmierć*, рус. *смерть*, чеш. *smrt*, словац. *smrt*.

Этот общий корень встречается в старых и современных европейских языках, сравн.: лат. *mors*, латыш. *mirti*, литов. *mirtis*. Сходный праиндоевропейский корень возможно предполагать для глагола *умереть*, особенно по природным причинам **mr / mer / mir*, сравн.: лат. *tori*, рус. *умереть*, пол. *umrzeć*, литов. *mirti* [5, с. 77].

Фразеология: Маржанна как олицетворение смерти и семантические поля, связанные со смертью в славянских языках.

Чеш. *Proti Mořeně není kořeně* – «Против Морены нет лекарства» [4, с. 180].

Пол. *Wynieśliśmy mór ze wsi* – «Мы унесли болезни из села» [4, с. 180], сравн. с выносом куклы Маржанны.

Чеш. *Půjdeš na morán* – «Скоро умрешь» [6, с. 35].

Чеш. *Mořena na něj sáhla* – букв. «Он был тронут смертью».

Чеш. / словац. *Smrt' Mařeně, a nám ní! Utíkejte smrt nás honí! Smert z města, léto do města!* – букв. «Смерть Марене, а не нам! Беги, смерть настигает нас! Смерть из города, лето в городе» [4, с. 180].

Пол. *Śmircicha ze wsi, nowe lotko do wsi* – букв. «Смерть из села, новый год в село» [3, с. 608].

Чеш. *Morena Morena za koho umerla?* – букв. «Морена, Морена для кого ты умерла?» [4, с. 181].

Словац. *Muriena, Muriena za kohos' umerla? Za starého dedku, čo tá bradu riedku* – букв. «Морена, Морена для кого ты умерла? Для старика с редкой бородой», здесь можно увидеть выражение в апотропической функции, для спасения старика от смерти [3, с. 603].

Словац. *Vynesli sme Morenu zo vsi, priniesli sme máj nový do vsi* – букв. «Мы вынесли Морену из села, мы принесли новый май в село» [3, с. 606].

Пол. *Leżeć (spocząć) na tarach* – «Быть мёртвым». Здесь и в следующем случае слово *mary* означает ‘носилки для мертвых, на которые люди кладут гроб с телом умершего’ [7, с. 113].

Пол. *Widzieć kogoś na tarach* – «Видеть кого-то мертвым» [8, с. 424].

Таким образом, мифологический персонаж Маржанны / Мары соотносится с различными фразеологическими элементами, которые сближают этот образ с понятием смерти. Мы проанализировали образ Маржанны как праславянской богини, её функции в славянском фольклоре и показали переход Маржанны от сверхъестественного образа к кукле, символизирующей, среди прочего, смерть и зиму.

Список использованных источников

1. Łuczyński, M. Kognitywna definicja Marzanny. Próba rekonstrukcji fragmentu tradycyjnego mitologicznego obrazu świata Słowian / M. Łuczyński // *Studia Mythologica Slavica*, 2008, 11 – S. 173–196.
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин. – М. : Международные отношения, 2002. – 512 с.
3. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. – В 3 ч. – Ч. 3. Формирование календарного символизма. – М. : Издательство Индрик, 2002. – 342 с.
4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 3 т. / под ред. Н. И. Толстого. – Т. 3. – М. : Институт славяноведения РАН, 2004. – 736 с.
5. Žujkova, M. Номинация смерти и архаическое мышление / M. Žujkova // *Etnolingwistyka : problemy języka i kultury*, 1998, 9–10. – С. 67–80.
6. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М. : Издательство Индрик, 1994. – 801 с.
7. Profantová, Z. Językowy obraz śmierci na Słowacji / Z. Profantová // *Etnolingwistyka: problemy języka i kultury*, 1998, 9–10. – С. 111–120.
8. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Stanisław Skorupka. – Т. 1. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1967. – 548 s.

This article investigates the figure of Marzanna / Mara, in Slavic folklore and popular mythology. Her figure it is associated with forces of the death and seasons changing rituals, described by Łuczyński. This complex of rites and supernatural spirits is discussed in the dictionary Slavyanskij Drevnosti, and it has as a relevant position in the ethnolinguistics. The investigation of Marzanna is seen as a theoretical tool in order to better understand phraseology of Slavic languages and his relationship with folklore's depiction of death.

Keywords: Slavic phraseology, mythology, folklore, ethnolinguistics.

М. М. Голикова

ИГРОВЫЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ФРАЗЕМИКЕ НА ФОНЕ ПОЛЬСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена изучению фразем, репрезентирующих особенности игровой деятельности человека. Внимание уделяется не только структурно-семантическим особенностям таких выражений, но и их сущностной специфике. Сопоставление схожих единиц в русском, белорусском и польском языках дает возможность выявить значимые этнокультурные особенности.

Ключевые слова: фразеология, фраземика, игровые мотивы.

На протяжении многих тысячелетий игровая деятельность занимает важнейшее место в жизни человека. Под *игрой* принято понимать «форму деятельности в условных ситуациях, направленную на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры» [1, с. 118]. Важнейшим отличительным признаком игры является ее цель: не столько планируемый результат, сколько сам процесс его достижения.

Корни игровой деятельности уходят в глубинные особенности психики человека. Игра архетипична, зародилась она на заре человеческого общества. Во многом именно эти факторы обусловили относительную частотность функционирования фразем игровой тематики в славянской фразеологии.

Прежде всего, важно определить границы понятия *игра*. Так, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [2] предлагает 5 дефиниций для слова *игра* и 10 – для производного от него *играть*. Наиболее популярные из них связаны с семантикой *развлечения, забавы, особой формы времяпрепровождения*, что проявляется и на уровне фраземики. Число фразем рассматриваемой тематики в русском и белорусском языках, согласно лексикографическим источникам, примерно равно. Так, «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [3] насчитывает 21 фразему, содержащую компоненты *игра* и *играть*, тогда как в аналогичном словаре белорусского языка И. Я. Лепешева их 25 (учитывались компоненты *гульня* и *гуляць*). Во фразеологическом словаре

польского языка S. Skorupki [4] их число больше: 30 фразем с компонентом *gra* и 39 – с *grać*.

Именно фраземы, содержащие такие компоненты, и представляют предмет нашего исследования.

Чрезвычайно ярко игровые мотивы проявляются во фраземах, содержащих в своем составе компоненты-названия конкретных игр. Такие выражения представляют большой интерес с лингвокультурологической точки зрения, ведь их анализ позволяет не только выявить распространенные среди того или иного этноса игры, но и определить особенности их восприятия и интерпретации. Примером может послужить русская фразема *играть в прятки* ‘обманывать кого-либо, скрывать правду’. Внутренняя форма таких выражений базируется на непосредственной специфике самой игры. В основу фразеологизации закладываются ее ключевые особенности: правила, механизм организации, отличительный признак и т. п. Так, суть игры в *прятки* заключается в том, что ее участники ищут укрытие и прячутся в нем от водящего. Именно эта аналогия – сокрытие своего истинного местонахождения, готовность пойти на любые ухищрения, лишь бы остаться незамеченным – и породила семантику фраземы.

Схожими свойствами обладает и синонимичное выражение *играть в жмурки*. Здесь участники не прячутся – водящий пытается поймать их с завязанными глазами. Отсутствие возможности видеть делает водящего относительно беспомощным, благодаря чему он способен стать потенциальной жертвой уловок других игроков. Именно это и заложено во внутренней форме фраземы.

Распространенность упомянутых выше игр в славянском идиоматическом пространстве приводит к образованию полных межъязыковых фразеологических эквивалентов. Так, в белорусском языке функционируют выражения *у хованкі гуляць* и *у жмуркі гуляць*. Их значение идентично уже упомянутым русским фраземам, что позволяет считать данные единицы восточнославянскими универсалиями. На этом фоне выделяются аналогичные по смыслу выражения из польского языка. Здесь игровая палитра представлена несколько иначе. Место *прятки* и *жмурки* занимают такие номинации, как *ścisubabka* и *ślepa babka*. Игра в *слепую бабку* в целом идентична уже упоминавшимся жмуркам, тогда как *ścisubabka* организуется иначе: водящему завязываются не глаза, а руки. При этом принцип фразеологизации сохраняется. Интересно, что семантика польских фразем несколько отличается от русских и белорусских. Она связывает значение выражений не только с хитростью и попыткой скрыть свои планы, но и с попыткой подразнить собеседника, а также подчеркнуть

сознательное лукавство. Примечательно также, что сама номинация игры *ślepa babka* также представляет собой фразему. Получается, что существующее выражение дважды подверглось фразеологизации.

Семантика хитрости и лукавства достаточно часто встречается в игровых фраземах. Так, достаточно вспомнить выражение *играть в кошки-мышки*, фигурирующее во всех рассматриваемых языках (блр. *гуляць у ката і мышку* (*у кошки-мышки*), пол. *grać w kotka i myszkę*). При идентичности семантики выражений и близости их коннотативной особенности нельзя не отметить различия в структурной модели. Так, в русском языке словосочетание *в коты и мышку* трансформируется в единую лексему (аналогичные процессы мы можем наблюдать, например, при образовании другой игровой номинации – *дочки-матери*). В польском языке этого не происходит, словосочетание сохраняет первозданную форму, что позволяет более наглядно просмотреть его мотивировочный признак – перенос значения происходит по аналогии, на основе наблюдений за поведением животных. В белорусском языке под параллельным влиянием и русского, и польского отмечается функционирование сразу двух вариантов выражения. Интересно, что выражение является не собственно славянским, а представляет собой межъязыковую универсалию. Так, в английском языке фигурирует фразема *play cat and mouse* с идентичным значением. Примечательно также, что название игры является переосмыслением свободного словосочетания. Под влиянием наблюдений за животным миром (*кошка*, хищник, охотится за добычей в виде *мышки*) возникло название игры, где один ловит других, нападает на них. В отличие от упоминавшихся выше фразем, выражение *играть в кошки-мышки* несет в себе дополнительную коннотацию: предполагается, что одна из сторон фактически является потенциальной жертвой преднамеренной хитрости. Это подтверждается фиксацией в отдельных русских лексикографических источниках фраземы *играть, как кошка с мышкой*.

Семантика игровых фразем имеет достаточно широкий спектр в зависимости от того, какое именно развлечение было положено в основу номинации. Так, *игра в молчанку* (блр. *гульня ў маўчанку*) означает стремление отмалчиваться, уходить от разговора (по аналогии с детским развлечением, по правилам которого после чтения специальных стихотворных формул участники не должны произносить ни слова). *Игра в загадки* предполагает нарочитую туманность выражений, недосказанность, склонность к намекам.

Представленные выше фраземы включают в свой состав наименования игр, и по сей день встречающихся среди детей. Более слож-

ной представляется трактовка выражений с номинациями-историзмами. Такой, например, является фразама *играть в бирюльки* (блр. *гуляць у бірулькі*) ‘заниматься бесполезным делом, тратить время’. Под *бирюлками* понимается старинная игра, заключающаяся в поочередном извлечении мелких предметов. Монотонность и бессмысленность такой игры привели к порождению фраземы, свойственной только восточнославянским языкам.

Игровые мотивы во фраземике связаны не только с переосмыслением детских развлечений. Существенная доля современных выражений связана с азартными играми – в первую очередь, карточными. Механизм образования таких выражений иной. Обычно они включают в свой состав непосредственно игровые номинации, а характеризуют сопутствующие факторы или сам процесс. Такова, например, фразама *игра не стоит свеч* ‘затрачиваемые усилия не стоят результата’. Причиной появления выражения стали наблюдения игроков, заметивших, что порой небольшой выигрыш не окупает даже затрат на свечи, сгоревшие во время партии.

Фраземы, характеризующие карточную игру и взаимоотношения картежников, обычно переносятся на внеигровые реалии. Таковы, например, польские фраземы *grać w otwarte karty* (досл. ‘играть с открытыми картами’; ‘не скрывать своих намерений’) и антонимичная ей *grać w zakryte karty* (досл. ‘играть с закрытыми картами’). В основе таких выражений – сугубо игровая специфика: знание карт соперника способно дать неоценимое преимущество, поэтому их демонстрация свидетельствует о безграничном доверии и чистоте помыслов. Источником подобных фразем обычно становится жаргон картежников. Далеко не всегда они могут содержать в своем составе лексемы, имеющие в узуальном употреблении какую-либо связь с карточной игрой. Такова, например, фразама *втирать очки* (блр. *акуляры настаўляць*) ‘обманывать’. В ее основу положен один из приемов профессиональных шулеров, позволяющий им успешно выдавать одну карту за другую. Примечательно, что именно польский фразеологический фонд содержит в своем составе наибольшее количество фразем, связанных с карточной игрой, тогда как в белорусском языке они сведены к минимуму.

Жаргон нередко становится источником появления фразем с игровыми мотивами. Так, фразама *играть в одни ворота* ‘ситуация, складывающаяся в пользу только одной из сторон’ пришла из языка спортсменов и комментаторов. Аналогия прозрачна: ряд командных игр (футбол, хоккей и т. п.) предполагает победу в результате максимального количества голов, следовательно, если мяч / шайба попадает

только в одни ворота, победитель очевиден. Лексика музыкантов также становится источником пополнения фразеологического фонда. Фразема *играть первую скрипку* ‘занимать главенствующее положение’ вошла в обиход из музыкальной среды и основана на порядке выступлений артистов в составе оркестра.

Игровые мотивы могут проявляться на фразеологическом уровне не только за счет непосредственной связи с конкретным видом развлечения. Достаточно широкую группу составляют фраземы, репрезентирующие представления о специфике игрового представления как такового. Обычно они содержат в своем составе лексему *игра / играть*. Анализ подобных выражений позволяет выявить основные свойства игровой деятельности и игры в сознании носителей языка:

- неординарность (*игра природы* ‘нечто исключительное, отклоняющееся от нормы’);
- оригинальность (*игра слов* ‘каламбур’);
- воздействие на объект, не учитывающее возможный наносимый урон (*играть на нервах* ‘раздражать’);
- несерьезность действий, отсутствие предусмотрительности (*играть с огнем* ‘рисковать’) и т. п.

Очевидно, что эти характеристики соотносятся, в первую очередь, именно с игрой ребенка, нередко представляющей собой стихийное действие, направленное на развлечение или же попытку освоения окружающего мира.

Игровые мотивы нередко сказываются и на коннотативно-стилистических особенностях фразем. Многие из них имеют шуточно-ироничную окраску и употребляются в разговорной речи. Зачастую это касается именно фразем, содержащих в себе характеристику игры и сопутствующих ей процессов. Примером может послужить выражение *показать нос* ‘дразнить кого-либо’, также непосредственно связанное с реализацией детьми игровой деятельности. Жест, сопровождающий дразнилку, лег в основу возникшей фраземы. Интересное окказиональное переосмысление такой ситуаций можно встретить в повести Г. Сенкевича «Ганя» («Hania»): *Co do mnie byłem uradowany z całej duszy i gdyby tylko uchodziło, jakżebym chętnie był pokazał Hani na palcach: zyg, zyg, zyg!* [6]. Словоформа *zyg-zyg* функционирует в разговорном польском языке, имея значение ‘жест, используемый для дразнения детей или доказательства чьей-либо неправоты’. Словосочетание *pokazać na palcach zyg-zyg* может употребляться и в прямом значении, однако в тексте Г. Сенкевича оно приобретает дополнительный смысл. Примечательно, что эта окказиональная фразема также имеет просторечный оттенок.

Таким образом, можно заметить, что игровые мотивы пронизывают не только русскую, но и белорусскую, а также польскую фраземику. Они могут быть реализованы как прямо (за счет использования тематических номинаций), так и косвенно (благодаря упоминанию отдельных игровых атрибутов или ситуаций). Семантическое поле подобных фразем чрезвычайно широко. Связь с игровой деятельностью способствует не только более глубокой образности, но и яркой экспрессивности выражений.

Список использованных источников

1. Общая психология : учебно-методическое пособие / под ред. М. В. Гаме-зо. – М. : Ось-89, 2008. – 352 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
3. Фразеологический словарь русского языка : свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1986. – 543 с.
4. Skorupka, S. Słownik frazeologiczny języka polskiego / S. Skorupka. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1985.
5. Лепешаў, И. Я. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы / И. Я. Лепешаў. – У 2 т. – Т. 1. А–Л. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 669 с.
6. Sienkiewicz, H. Hania [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [https://pl.wikisource.org/wiki/Hania_\(Sienkiewicz\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Hania_(Sienkiewicz)) – Дата доступа : 24.10.2019.

The article is devoted to the study of phrasemes representing the features of human gaming activity. Attention is paid not only to the structural and semantic features of such expressions, but also to their essential specificity. Comparison of similar units in Russian, Belarusian and Polish languages makes it possible to identify significant ethnic and cultural features.

Keywords: phraseology, phrasemics, games motives.

УДК 811'272:398.3(=161.1):398.3(=581)

Гоу Яньминь

РУССКИЕ И КИТАЙСКИЕ ПРИМЕТЫ: КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся анализа русских и китайских примет с точки зрения культурного взаимодействия. Обозначены различия русских и китайских примет. У каждого народа в культуре

присутствует большое количество разнообразных примет и суеверий. Все культуры отличаются индивидуальными особенностями происхождения и развития понимания примет, обычаев, традиций и суеверий.

Ключевые слова: русские приметы, китайские приметы, обычай, традиция, суеверие, языковые единицы, культурное взаимодействие.

В современном мире отношения между разными странами развиваются, и в процессе общения и сотрудничества неизбежно появление всевозможных трудностей на почве межкультурных различий. С целью расширения диалога между народами важно знать особенности менталитета участников культурного диалога, а также понимать значения языковых единиц, обладающих культурной маркированностью, к которым относятся приметы.

Приметы и суеверия возникают как результат наблюдений человека за различными явлениями жизни (природными, социальными, бытовыми), становятся элементом народного сознания и народной культуры, занимая определенное место в языковой системе и становясь частью паремиологии.

Приметы и суеверия, наряду с другими видами паремиологических единиц, в какой-то мере формируют национальную картину мира (НКМ). «Знания и представления о действительности каждого народа, формируясь в процессе познания окружающего мира и вербализуясь различными способами, находят воплощение в национальной картине мира» [1, с. 17]. НКМ формирует отношение человека к миру и задает нормы поведения, принятые у того или иного народа, отражает народные традиции. Особая роль при формировании НКМ отводится фразеологизмам, паремиям, поскольку эти единицы «...ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [2, с. 12]. В зависимости от того, какие единицы формируют НКМ, выделяются определённые типы: фразеологическая картина мира (ФКМ) и паремиологическая картина мира (ПКМ), которые формируют НКМ, являясь ее составными частями.

Приметы – это неотъемлемая часть жизни любого человека. Приметы складывались на протяжении многих веков. Каждая примета основана на житейском опыте, наблюдательности, это результат коллективной деятельности того или иного народа. Поскольку приметы, наряду с пословицами, загадками, мы относим к паремиям, это даёт

основание говорить о примете как составляющей ПКМ, которая помогает собрать данные о культуре и традициях того или иного народа.

Интерес к изучению примет проявляли как фольклористы, так и лингвисты. Исследованию примет, выделению их признаков, лексикографическому описанию посвящены работы В. И. Даля. Некоторые из примет включены В. И. Далем в разделы «Месяцеслов» и «Земледелие». Сферой прогноза таких примет являются трудовые процессы земледельцев, природа, растительный и животный мир: *Благовещенье без ласточек – холодная весна; Коли в мае дождь, будет и рожь; Поздний листопад – на тяжелый год; Мотыльки летают низко – к урожаю ярового* и др. [3].

При толковании примет важным является и комментарий отдельных слов. Например, при анализе приметы *Коли в мае дождь, будет и рожь* нужно принимать во внимание значение стиля: рожь – это не только рожь посевная, а хороший урожай. Таким образом, приметы в словаре В. И. Даля отражают наиболее актуальные для обыденного сознания русского человека темы: человек, работа, погода, душевное состояние и др. Действительно, в приметах находят отражение особенности реалий, черты национального характера каждого народа, аксиологические представления, гендерные различия; все это писатели используют, исходя из авторских задач при создании литературного произведения.

По мнению Т. Г. Никитиной, «Приметы, будучи одним из древнейших типов паремий, представляют собой особое явление в национальной культуре. Паремиологи отмечают необычайную живучесть паремий этого типа. Приметы бытуют не только в широких народных массах, но и среди образованных, культурных людей: писателей, педагогов, журналистов, актеров и т. п., что объясняется психологической потребностью человека установить систему соотношений и связей прошлого и настоящего, познаваемого и непознаваемого с тем, чтобы получить информацию о будущем» [4, с. 74]. На наш взгляд, данное определение является наиболее успешным, поскольку отражает все характерные признаки исследуемого явления и подчеркивает его двойную природу. С одной стороны, примета является элементом культуры, а с другой – выступает элементом языка. Именно поэтому в настоящее время исследования примет являются актуальными в области лингвокультурологии.

В данной статье для выявления межкультурного взаимодействия примет нами были исследованы русские и китайские современные

приметы, что обусловлено не только интересом к культуре Китая и России, но и необходимостью представить приметы и суеверия как один из источников лингвокультурологической информации.

Материалом исследования послужили следующие источники:

1. 如果在梦中遇到棺材, 那也是代表了有升官发财之喜。— ‘если вы видите во сне гроб, это означает скорую радость и удачу’ [5].

Слово *гроб* в китайском языке созвучно словам *чиновники* и *деньги*, это хороший знак для жизни.

2. 餐桌上筷子忌讳长短不一, 俗称»三长两短»不吉利。— ‘на стол нельзя класть палочки разной длины’ [5].

В китайском языке существует фразеологизм *три длинные и две короткие*, который означает, что чьей-то жизни угрожает опасность.

3. 在中国送礼物不会送书, 因为»书»和»输»同音。— ‘в Китае не принято дарить книги игрокам’ [5].

Слово *книга* в китайском языке звучит как слово *проиграть*.

Как правило, базой примет являются обычаи, которые в ходе истории сложились в той или иной стране. Основным отличием русских примет от китайских является то, что они, как правило, сосредоточены вокруг одного направления. Китайские приметы разбиты на разные аспекты жизнедеятельности и имеют большую раздробленность.

Нами было высказано предположение, что у каждого народа будут свои приметы, схожие по тематике, они будут существовать неотрывно от народа и его культуры и видоизменяться вместе с ними. Рассмотрим некоторые приметы и покажем, какие традиции китайского народа заключены в них.

1. 考试时身上带着柚子叶会得到祖先的保佑, 让考试顺利中举。— ‘когда вы идёте на экзамен, обязательно возьмите с собой лист памялы, таким образом предки благословят вас на получение хорошего результата’ [5].

Листья памялы — это предмет, который китайские люди используют для молитвы за благословение, изгнания нечистоты, чтобы избежать мокроты и добиться дезинфекции.

2. 男人不能戴绿色的帽子。— ‘не надевайте головной убор зелёного цвета, иначе ваша жена совершит измену’ [5].

Со времен династии Тан зелёный платок — это платье низменных людей, что означает оскорбление. Во время династии Мин император Чжу Юаньчжан говорил, что мужчина из семьи проститутки должен носить зелёный платок. Люди, увидевшие зелёный головной убор, будут знать, что его жена стала проституткой или изменяла.

3. 农民听到布谷鸟叫声，再播种就会有好的收成。— ‘услышав первое щебетание кукушки, крестьянин приступает к посеву и будет получать хороший урожай’ [5].

4. 在中国切忌送钟给人。— ‘настольные или настенные часы дарить не принято’.

Китайское слово *часы* по звучанию похоже на смерть, поэтому часы – плохой знак для жизни, они отжествляются со смертью [5].

5. 财神贴得勿高勿低，主人家里钱铺满地。— ‘в вашем доме изображение бога богатства должно располагаться на правильном уровне (70–80 см), тогда ваше благосостояние улучшится’. Бог богатства – бог мировых финансовых ресурсов в китайском даосизме [5].

Рассмотрим некоторые приметы и покажем, какие традиции русского народа заключены в них.

1. Чтобы сдать экзамен, студент должен войти в аудиторию с левой ноги.

2. Надевайте вещи жёлтого или зелёного цвета – это привлечёт деньги в ваш карман.

3. При первой кукушке позвени деньгами, чтобы водились. Если кукушка в первый раз кукует в правое ухо – на весь год счастье; в левое – несчастье.

4. Дарить часы – к расставанию. Русские тоже опасались получать и преподносить в подарок часы. Они заметили связь между таким подарком и испорченными отношениями. Еще одна интерпретация приметы – даритель отдает часть своей жизни с часами, то есть сокращает отмеренное себе время.

5. Чтобы у вас всегда были деньги, носите в кошельке неразменный рубль и никогда не тратьте его [6].

Приметы – это огромный пласт культуры, который все еще требует изучения и внимания. Для правильной трактовки тех или иных примет необходимо тщательно изучить вопросы религии, психологии, культуры того народа, чьи приметы мы изучаем. Без изучения этих вопросов нельзя правильно исследовать приметы. Знания предков – приметы – очень важны, к ним необходимо прислушиваться, но вместе с тем применять к ним свой разум и жизненный опыт. В каждой стране вне зависимости от вероисповедания есть свои культурно обоснованные приметы, которые обязательно соблюдаются, потому что люди в них верят. Религия по-разному относится к приметам и суевериям: в христианстве это считается грехом, а в буддизме – проявлением мудрости.

Проведя сравнительно-сопоставительный анализ китайских и русских примет, мы можем сказать, что приметы тесно связаны с культурой народа. В данной статье мы привели 10 примет – по 5 китайских и 5 русских. Мы показали, что одни и те же предметы могут получить в примете различное символическое значение (например, кукушка – символ ностальгии в китайской культуре, а в русской ассоциируется с продолжительностью жизни). Сравнивая приметы, традиции и обряды своей страны со страной изучаемого языка, человек начинает проникаться культурой другого народа, что способствует пониманию иного как категории межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / О. В. Ломакина. – М. : РУДН, 2018. – 344 с.
2. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
3. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – М., 1996. – 541 с.
4. Никитина, Т. Г. Русские пословицы: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения / Т. Г. Никитина. – Псков : ПГПУ, 2008. – 256 с.
5. 温端政 中国俗语大辞典[M]. 上海辞书出版社, 2011 (Вэнь Дуанчжэн. Китайский словарь пословиц / Вэнь Дуанчжэн. – Шанхайское Народное Издательство, 2011. – 1137 с.)
6. Пуччо, Д. Многоязычный словарь суеверий и примет / Д. Пуччо. – М. : Флинта, 2013. – 384 с.

The article discusses issues related to the analysis of Russian and Chinese signs from the point of view of cultural interaction. The paper outlines the differences between Russian and Chinese signs. Every nation in culture has a large number of various signs and superstitions. All cultures are reflected by the individual characteristics of origin, and the development of understanding of signs, customs, traditions and superstitions.

Keywords: Russian signs, Chinese signs, custom, tradition, superstition, language units, cultural interaction.

Т. В. Громова

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ БАЗОВОЙ МЕТАФОРЫ «МИР – ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ И. БРОДСКОГО

В статье рассматривается базовая концептуальная метафора «Мир – Текст», ее функционирование в стихах Иосифа Бродского. Проанализированы контексты, отражающие функционирование исследуемой глобальной метафоры. Собранный материал позволяет сделать вывод, что наиболее частыми концептами, находящими отражение в рассмотренных произведениях, являются «жизнь», «смерть», «человек», «природа», «любовь».

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, поэзия, текст, метафорическая модель.

Метафора является предметом изучения множества отраслей лингвистики. Как один из тропов, она является объектом изучения поэтики, стилистики, лексикологии. Где бы метафора ни встречалась, она обогащает понимание или затрудняет его [1, с. 6]. Благодаря ее смыслопорождающим способностям авторы все чаще прибегают к ее использованию, создавая в то же время индивидуально-авторские метафоры, тем самым демонстрируя своеобразие своего художественного почерка.

Целью нашей работы является анализ функционирования базовой концептуальной метафоры «Мир как Текст» в творчестве Иосифа Бродского.

Для решения данной задачи мы обратились к интернет-источникам, а также возможностям Национального корпуса русского языка [2] с целью поиска поэтических контекстов, отражающих в том или ином виде базовую метафору «Мир – Текст». Собранный нами материал позволяет утверждать, что на месте слова *текст* или лексем, ассоциативно связанных с понятием «текст», могут быть обозначения любых явлений действительности и реалий (семантически достаточно разнообразных и соответствующих различным тематическим группам), которые можно «прочитать» или «написать».

Автор выбран нами для анализа неслучайно, поскольку в его творчестве исследуемая базовая метафора является одной из лингвостилистических доминант [3; 4]. Стихотворение «Сумерки. Снег. Тишина. Весьма...» 1966 года носит ярко выраженную метатекстовую направленность. Этот текст может трактоваться как описание нежиз-

данного превращения реальности в набор означающих, причем эта метаморфоза захватывает весь окружающий поэта мир [3, с. 11]:

*Праздники кончились – я не дам **соврать** своим рифмам...*

*Эти **строчки**, в **твои персты** **попав** (когда все в них уразумеешь ты), побелеют, поскольку ты на слово и на глаз не веришь...*

Приведем пример еще одного из сложных метафорических контекстов в данном произведении:

*Пестроту июля, зелень весны
осень превращает в черные строки.*

Он строится на визуальном и на интеллектуальном сопоставлении – черная голая земля поздней осени, когда пустые борозды оказываются похожими на строки (т. е. *превращаются в строки*), и осень как пора творческого вдохновения, трансформирующая переживания поэта в ряд черных строк на чистом листе.

Последовательность тропов в стихотворении представляет собой структурное отображение исследуемой метафоры, которое проходит через весь текст [3, с. 12].

Язык определяет творчество писателя, то есть является не инструментом, а творцом. Так, И. Бродский прибегает к использованию метафоры «Мир есть текст» для создания образа жизни как книги со своим сюжетом. Сравн.:

*Сексуальная одержимость и социальный оптимизм,
хорошие эпиграфы из вилланделей, сонетов, канцон,
полудетективный **сюжет**, именуемый – **жизнь**.*

*...Пришлите мне эту **книгу** со счастливым концом!*

(И. А. Бродский. Книга).

Метафоры, использованные в качестве образа-сравнения не с артикуляционными особенностями звука, а с графической формой буквы, еще более частотны в произведениях Бродского [3, с. 15]:

*Мы вышли с почты прямо на **канал**,
который начал с облаком сливаться
и сверху букву «**п**» **напоминал***

(И. А. Бродский. Мы вышли с почты прямо на канал...).

Для Бродского характерно развертывание образа, его детализация, при которой исходная метафора представлена in absentia, но легко прочитывается в контексте [3, с. 16]. В своих произведениях он часто детали-

зирует и разворачивает образ жизни как книги. Так, в его текстах базовая метафора «Мир – Текст» нередко трансформируется в формулу «человек – крик» или «смерть – крик», входящую в ту же парадигму образов (по Н. В. Павлович), сравн.:

*...человеком, который привык,
поездами себя побеждая,
по земле разноситься, как крик,
навсегда в темноте пропадая*

(И. А. Бродский. Уезжай, уезжай, уезжай...);

*Это не плач похоронный,
а также не черный бант.
Смерть – это крик вороний,
черный – на красный банк*

(И. А. Бродский. Холмы).

«Смерть» и «слово» предстают как непосредственные контекст-партнёры в стихотворении «Холмы»:

*Смерть как вода над ними,
в желудках у них вода.*

*Смерть уже в каждом слове,
в стебле обившем жердь*

(И. А. Бродский. Холмы).

Основным положением языковой теории Бродского является то, что сближает ее прежде всего с гипотезой лингвистической относительности (гипотезой Сепира – Уорфа): *мир (в нашем восприятии) более или менее жестко обусловлен языком и изоморфен ему* [3, с. 9].

В примере, приведенном ниже, исследуемая метафорическая модель находит свое отражение при сравнении звуков природы с согласными звуками речи:

*Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных –
лишь согласное гуденье насекомых*

(И. А. Бродский. Письма римскому другу).

Ряд примеров функционирования базовой метафоры «мир как текст» был обнаружен нами в стихотворении «Гость» (1961), где она неоднократно используется при описании различных реалий действительности:

Я обращаюсь в слух, я обращаюсь в слух,

*вот возгласы и платьев шум нарядный,
как эти звуки родины приятны
и коротко желание услуг.*

*Но возглас ранних лет
опять летит. – Простите, ради Бога.
Постойте же. Вдали Литейный мост.
Вы сами видите – он крыльями разводит.*

*Как шепоты, как шелесты грехов,
как занавес, как штора, одинаков,
как посвист ножниц, музыка шагов,
и улица, как белая бумага.*

Данный образ продемонстрирован в этом же произведении в качестве метафорического соединения «гость – текст»:

*Гость юмора и шуток непоместных.
Гость неотложных горестных карет,
вечерних и полуночных арестов.
Гость озера обид – сих маленьких морей.
Единый гость и цели и движенья.
Гость памяти моей, поэзии моей...*

(И.А. Бродский. Гость «Друзья мои, ко мне на этот раз...» (1961)).

Под «миром» и «текстом» могут пониматься различного рода реалии. Есть в поэзии Бродского и примеры использования метафор с целью преобразить окружающую действительность посредством слова. В приводимом ниже фрагменте автор приписывает «любви» способность «говорить»:

*Я писал, что в лампочке – ужас пола.
Что любовь, как акт, лишена глагола.
Что не знал Эвклид, что, сходя на конус,
вещь обретает не ноль, но Хронос*

(И. А. Бродский. Я всегда твердил, что судьба – игра...).

То же самое обнаруживается и по отношению к природным явлениям:

*Но темнота тебе в окошко звякнет
и подтвердит, что это вправду ночь*

(И. А. Бродский. Тебе, когда мой голос отзвучит...).

В поэтике Бродского достаточно часто метафорически используются понятия, связанные с морфологией и синтаксисом. Для описания событий реальности или внутренней жизни человека поэт прибегает к «языковым» аналогиям [3, с. 18]:

*Возможно также – прошлое. Предел
отчаяния. Общая вершина.*

Глаголы в длинной очереди к “л”.

Улегшаяся буря крепдешина

(И. А. Бродский. На выставке Карла Вейлинка).

В результате анализа собранного материала мы пришли к выводу о том, что в творчестве И. Бродского особую роль играет использование концептуальной метафоры «Мир – Текст», представленной различными конкретными словесно-образными формулами, восходящими к данной парадигме, или её трансформантами. Наиболее частыми концептами, находящими отражение в метафорике подобного рода, являются «жизнь», «смерть», «человек», «природа», «любовь». Со- бранный и про- анализированный нами материал наглядно демонстрирует уникальность метафорических концептов.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н. Д. Теория метафоры : сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступительная статья Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 15.09.2019.
3. Ахапкин, Д. Н. «Филологическая метафора» в поэзии И. Бродского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. Н. Ахапкин ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – СПб., 2002. – 21 с.
4. Романова, И. В. Поэтика Иосифа Бродского: лирика с коммуникативной точки зрения: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / И. В. Романова ; Смоленский гос. ун-т. – Смоленск, 2007. – 44 с.

The article deals with basic conceptual metaphor “The world, a text”, its functioning in the poetry of I. Brodskiy. The texts reflecting the functioning of the researched global metaphor have been analyzed. The collected material allows us to conclude that the most frequently used concepts that are reflected in the considered works are “life”, “death”, “man”, “nature”, “love”.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, poetry, text, world, trope.

О. С. Гуркова

ОЦЕНОЧНО-СМЫСЛОВАЯ ФУНКЦИЯ НЕОМЕТАФОР, ВОСХОДЯЩИХ К СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье рассматриваются неометафоры, восходящие к сфере электронных коммуникаций и функционирующие вне этой сферы, с точки зрения их оценочно-смысловой функции.

Ключевые слова: неологизмы, неометафоры, электронные коммуникации, оценочно-смысловая функция.

Сегодня все мы являемся членами языкового общества «неологической эпохи» и можем наблюдать интереснейшие явления обогащения метафорикона современной русской речи за счет слов и выражений (неолексем и неофразем), тематически восходящих к сферисточнику «электронные коммуникации» (ЭК), что можно квалифицировать как один из наиболее активных неологических процессов в русском языке на современном этапе его развития.

Известный белорусский учёный Н. Б. Мечковская отмечает беспрецедентную в истории русского языка насыщенность сленга заимствованиями (англицизмами) и утверждает, что «эта черта является общей для компьютерного сленга и нормативного компьютерного словаря... Одно из проявлений влияния интернет-языка на общий язык – лексические заимствования» [1].

Неометафоры из сферы электронных коммуникаций, вышедшие за пределы зоны своего «родного» бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках – от обыденного общения в молодежной среде (в том числе жаргонного, представленного прежде всего англицизмами) до медиадискурса и современной художественной литературы, сохраняя при этом специфические черты языка электронных коммуникаций.

Ведущая функция неологизма – давать наименование всему новому, что происходит с человеком в его жизни, поэтому «неологизмы-слова обычно фиксируются в словарях и понятны большинству носителей языка» [2, с. 268]. Однако, учитывая стремительное развитие информационных технологий и мобильной телефонии, необходимо

принимать во внимание существование проблемы несвоевременной лексикографической фиксации неолексем, тематически связанных с этими сферами.

Активное употребление неологизмов, восходящих к сфере электронных коммуникаций как источника метафоризации, стало характерной чертой для лексики современного русского языка. В результате подвержения метафоризации многие подобные неологизмы приобретают дополнительные оценочно-смысловые и эмоциональные коннотации.

Рассмотрим популярное слово **хайп**, определяемое как 'нарочито раздуваемый ажиотаж' [3, с. 358]. Сравним ряд контекстов: *слушай русский рэп, а то отстанешь от мира и станешь непригодным; не ври подросткам, в том числе в рекламе; хайп сложно купить; кончай вести себя как старик и посмотри наконец баттл целиком* (Александра Манькова. Про Гнойноксимилона, 17-летних и почему вы старпёры, а не стартаперы. (2016.12.20)) [4]. В данном примере слово **хайп** реализовано в значении 'известность'. Подобного рода контексты нередки: *У подростков острое желание быть на острие хайпа* (Александра Манькова. Про Гнойноксимилона, 17-летних и почему вы старпёры, а не стартаперы (2016.12.20)) [4]; *Там современный язык и его невероятные обороты. И там есть хайп-медийные личности из YouTube, которые также просто оказались заинтересованы происходящим на баттле* (Александра Манькова. Про Гнойноксимилона, 17-летних и почему вы старпёры, а не стартаперы (2016.12.20)) [4].

Полагаем, что неолексему **хайп** можно отнести к оценочной неометафоре: во всех приведённых примерах она так или иначе «работает» на стремление к повышению имиджа, статуса того, о ком или о чём говорится в данном сообщении.

Неолексема **аватарка** содержит очень точную и яркую характеристику лица, является выражением психологического состояния, что и отмечает В. Д. Стариченок: «Довольно большое количество информации о внутреннем состоянии человека сознательно или бессознательно считывается с его лица. Для точной характеристики выражения лица писатели используют метафорические ЛСВ самого разного содержания, что, безусловно, зависит от степени актуализации того или иного аспекта широкой чувственной гаммы и характера контекстных окружений слова» [5, с. 110]. Сравним: *Но она не отличалась любознательностью: ее аватарка была функционально слепой* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам). В данном примере,

как видно, речь идёт о лице, не выражающем никаких чувств, то есть описывается глупое выражение лица. Метафорическое значение, таким образом, сопровождается отрицательной оценочной коннотацией, в то время как прямое значение слова *аватар* – ‘образ, который пользователь выбирает для участия в компьютерной игре’; ‘изображение, картинка, используемая для персонализации пользователя сетевого сервиса (форума, чата, блога, социальной сети и т. п.), часто создаваемая на основе фотографии’.

Особенно широко используются неометафоры для эмоционально-оценочной характеристики человека, его чувств, эмоций и т. п. в текстах современных популярных песен. «Оценочная деятельность начинает переживаться, “то есть включаться” в сферу чувств, если нарушен их баланс, – это уже стимул для волнений души» [6, с. 29]. Неометафоры, восходящие к ЭК, при этом чаще всего используются как средство вербализации чувств, связанных с неудачно сложившимися отношениями в любви. Так, лексема *delete* используется для выражения желания избавиться от печали и негативных воспоминаний и эмоций: *Всё любимый, без обид – нажимаю на delete* (Юлика, «Delete») [4]; *К утру я постараюсь уснуть, пусть даже очень сильно болит. А завтра, всё что было с тобой – я в памяти нажму на delete* (КейСи, «Соль от слёз») [4]; *Не оставляя из прошлого следы. Нажму на сердце delete, сотру всё то, что болит* (Н. Гулькина, «Нажму на кнопку «Delete») [4]; *И жизнь поставив на penum, чтоб только не нажать delete* (UniSex, «Delete») [4]. В прямом значении *Delete* (сокращ. *Del*) – это клавиша компьютерной клавиатуры, которая служит для удаления символов, находящихся справа от курсора. Клавиша *Delete* служит также для удаления ярлыков, папок, файлов и других объектов, в зависимости от программы. Таким образом, слово *delete* используется в метафорическом значении ‘стереть из памяти, забыть’. Неометафора *delete* в данных контекстах представляет средство образной передачи психологического состояния.

Обратим также внимание на некоторые названия продукции, в основе которых лежат неометафоры рассматриваемого типа. Весьма интересный и показательный пример – название крема для лица «Полная перезагрузка». В «компьютерном смысле» *перезагрузка* – это процесс, при котором компьютер либо другое устройство полностью очищает либо восстанавливает содержимое оперативной памяти и возобновляет свою работу заново. Таким образом, в приведённом выше фрагменте неометафора *перезагрузка* реализует такие значения,

как ‘омоложение, красота’, а слово *полная* усиливает положительные коннотации.

Ещё несколько примеров – из области названий пищевых продуктов: «*Ветчина Смайлик*» и мороженое «*Смайл*». Сравним: «*Ветчина смайлик*» от Пинского мясокомбината; «*Смайл*» – настоящее русское мороженое» на Садовом кольце». Можно предположить, что приведённые названия мясного продукта и мороженого вызовут улыбку удовлетворения от их употребления у потенциального покупателя.

Таким образом, неометафоры из сферы ЭК, вышедшие за пределы зоны своего бытования, фиксируются в различных дискурсивных практиках, сохраняя специфические черты языка электронных коммуникаций, приобретая при этом оценочно-смысловые коннотации, что чаще всего отражается в наименованиях человеческих чувств и действий. Подобные неометафоры используются также как рекламный ход в названиях различной продукции.

Список использованных источников

1. Мечковская, Н. Б. Интернет-коммуникация и её влияние на общение и язык повседневной жизни» / Н. Б. Мечковская [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.conferenciya.seluk.ru. – Дата доступа : 24.04.2019.
2. Баркович, А. А. Модель развития языковых новаций в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации / А. А. Баркович // Вестник ТОГУ. – 2015. – № 4 (39). – С. 263–272.
3. Шагалова, Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorgo.ru – Дата доступа : 20.07.2019.
5. Старичёнок, В. Д. Образ человека в белорусском языковом континууме / В. Д. Старичёнок. – Минск : Колорград, 2018. – 292 с.
6. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция / В. Н. Телия // Теория метафоры : сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 26–52.

This article discusses the neometaphors that go back to electronic communications, which are used in various discourse, and their evaluative and semantic function.

Keywords: the neologisms, nematophor, electronic communication, assessment and semantic function.

А. И. Додонова

ДЕТСКИЕ ИННОВАЦИИ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА

Статья посвящена классификации детских грамматических ошибок с опорой на собранный материал фактов детской речи. Описаны самые частотные случаи детских инноваций на грамматическом уровне языка: некорректное изменение слов по падежам, родам и числам, супплетивизм, склонение несклоняемых существительных, а также некорректное создание родовых коррелятов.

Ключевые слова: онтолингвистика, детская речь, грамматика, неологизмы, речевые инновации, супплетивизм, окказиональность.

Изложение собственных мыслей и облачение их в языковую форму – трудоёмкий процесс. Для изъяснения на определённом языке необходимо овладеть арсеналом языковых единиц, сформированных предшествующими поколениями, а также усвоить правила их использования в речевой деятельности. Подобные правила использования языковых единиц называют «грамматикой». Академик Л. В. Щерба предложил следующее толкование данного понятия: «...грамматика есть не что иное, как сборник правил речевого поведения» [1, с. 237]. Однако для нормативного речевого поведения, которое принято в современном обществе, необходимо знать также правила употребления и выбора тех или иных лексических единиц, правила звукового оформления речи, а это уже не входит в компетенцию традиционной грамматики, подразделяемой на морфологию и синтаксис.

Недостаточные познания в области грамматики вызывают у ребёнка ряд сложностей, которые он решает, прибегнув к языковым инновациям. Самыми распространёнными искажениями на грамматическом уровне являются ненормативные формы категорий числа, рода и падежа.

Говоря о детских речевых инновациях, касающихся числа имён существительных, отметим, что слова, не имеющие соотносительную форму числа, чаще всего подвергаются искажению со стороны детей. Формообразовательные инновации такого рода происходят в тех ситуациях, когда существительное имеет только форму единственного

(Singularia tantum) или множественного числа (Pluralia tantum). Форма множественного числа осмысливается ребёнком как соотносимая с реальной множественностью предметов и явлений, что неминуемо приводит к попыткам образовать формы единственного числа.

Слова, не имеющие форму единственного числа и употребляющиеся только во множественном числе, претерпевают следующие трансформации в речи детей: *ножница, сахарина, саня* [сани], *качелина, брюкина, грабля*. Способ образования форм единственного числа слов категории Pluralia tantum – флексийный. Дети используют аффиксы, указывающие на единичность предметов, по аналогии с известными «парными» словами типа *конфета – конфеты, баранка – баранки*.

В речи детей наблюдаются и модели ненормативных грамматических форм множественного числа тех слов, которые имеют пару в бинарной оппозиции категории числа. Например, слова *поезды, глазов, рта, пять годов, кроватиев, мышов* образованы по аналогии с уже известными ребёнку словами типа *коты, коров*. Как следует из приведённых примеров, обнаружение языковых аномалий подобного типа зачастую осуществляется в условиях постановки слова в форму родительного падежа, возможно, именно это и осложняет процесс создания нормативной формы слова.

Примечательным фактом собранного нами языкового материала стало явление супплетивизма, который многие дети попросту не усваивают, даже после ряда исправлений со стороны взрослых. В «Словаре лингвистических терминов» под редакцией Т. В. Жеребило дано следующее определение термина «супплетивизм»: «...это способ выражения грамматических значений, когда при помощи грамматического сближения разных корней или основ образуются формы слова» [2, с. 381].

Подобное радикальное различие основ единственного и множественного числа существительных сопровождается полным звуковым несоответствием основ, что представляет собой явную языковую аномалию. Логично, что дети, сталкиваясь с проблемой супплетивного создания форм слова, прибегают к более простому и привычному способу образования числовых пар. Многие дети выбирают способ образования подобных форм от единой основы с последующим добавлением формо- и словообразующих аффиксов.

Примером данной языковой аномалии среди детских инноваций стали супплетивные пары слов *человек – люди, ребёнок – дети, друг –*

друзья, которые были трансформированы детьми описанным выше способом; вот некоторые контексты, в которых были употреблены эти слова: *людев* последних напугали; что это за *людь* такая здесь ходит; там все дети были сами, а я один был *деть* со взрослым; и как мне с этими *человеками* говорить; я *человекам* не расскажу; этими *ребёнками* никто не занимался; с *другами* гулял на качели; у меня нет друзей, только Лёша, а он мне почти и не *друзь* совсем.

Детские ненормативные лексические образования, порождённые супплетивизмом, включают в себя слова других частей речи. Формы сравнительной степени прилагательных и наречий *хороший* – *лучшие*, *плохо* – *хуже* вызывают затруднения у ребёнка, который упрощает словообразовательную парадигму путём использования единой основы для образований степеней сравнения этих частей речи. Приведём несколько контекстов использования таких слов: *хорошее* было бы пойти в цирк; ты сделал только *плохее*; это был его самый *плохой-ший* поступок.

Овладение категорией падежа становится для многих детей также непростым испытанием, а если быть точнее, то экспериментом, в ходе которого дети модифицируют флексийный состав лексем, подбирая более благозвучную или известную форму падежа для именных частей речи. К новаторским явлениям детской грамматики можно отнести изменение по падежам несклоняемых существительных: *играл в легу и домину* (по аналогии с *играл в игру*).

Некорректное изменение существительных (реже местоимений и прилагательных) по падежам становится частотным явлением в речи ребёнка, овладевающего нормами языка. Слова *галубыга* (употреблено в Р. п.), *фиалетывами* (употреблено в Д. п.) представляют смешанно-падежную трансформацию в образовании форм родительного и дательного падежей качественных прилагательных *голубого, фиолетовому*.

Форма дательного падежа также использована некорректно в словосочетании *меня больно*, где личное местоимение *я* употреблено ребёнком в дательном падеже, однако для выражения значения дательного падежа использовано в родительном (винительном) падеже.

Предложно-падежная форма конкретных существительных *шкаф, стол* в речи двухлетнего ребёнка выглядит следующим образом: *в шкафе, на столу*.

На грамматическом уровне можно выделить такое явление, как создание окказиональной формы при образовании родового коррелята: *какава вкусная, кивия, пёска*. Чаще всего мотивировка для созда-

ния окказионализмов заключается в стремлении ребёнка найти к уже известному слову (напр., *пёс, киви*) родовую пару. Так как ребёнок по ряду причин (чаще всего коррелят отсутствует) не слышал от взрослых звуковую форму денотата, то ему остаётся создать соответствующую форму самому по известным моделям образования слов, указывающих на лиц женского и мужского пола.

Возвратные формы глаголов, образованные с помощью постфикса *-ся*, в русском языке служат для создания форм пассивного залога, а также для образования одних глаголов от других. Ввиду неоднозначности механизма функционирования данной группы глаголов в ряде случаев в детской речи возникают некорректные формы глаголов, которые правомерно относить к языковым аномалиям. Лёгкая вычленяемость постфикса *-ся* приводит к тому, что ещё в раннем возрасте может осознаваться ребёнком как отдельный «строительный» элемент языка. Тем не менее подобная вычленяемость и обуславливает наличие ошибок в речи детей, употребляющих возвратные глаголы. Наличие постфикса *-ся* не всегда указывает на его смысловую основу и может встречаться в словах, утративших связь с производящим словом (в современном русском языке такие слова считаются непроизводными), напр.: *улыбаться, смеяться*.

Исследователь детской речи С. Н. Цейтлин в работе «Язык и ребёнок» следующим образом объясняет новаторские тенденции в речи детей, употребляющих возвратные глаголы: «Ребёнок рано начинает пользоваться постфиксом *-ся* как словообразующим элементом, однако из-за того, что в ряде случаев этот элемент оказывается десемантизированным и ощущается в качестве некой необязательной добавки, дети зачастую его отбрасывают, деформируя слова нормативного языка» [3, с. 269].

В собранном нами языковом материале присутствуют следующие собственно-возвратные глаголы, где постфикс *-ся* употреблён детьми как равноправный возвратному местоимению *себя*: *если он мне не отдаст шлем, то я могу убиться; я легко мог в лесу потеряться и даже сгубиться; хватит мне уже рисоваться, я устала*.

Таким образом, анализ собранного языкового материала позволяет сделать следующие выводы. Самыми частотными ошибками в речи детей на грамматическом уровне языка являются: некорректное употребление форм единственного числа в отношении существительных, имеющих только множественное число (*ножница, сахарина*); трансформация супплетивных форм именных частей речи в более «логич-

ный» и простой вариант (людь, друзь); неправильное употребление существительных, не имеющих родовых коррелятов (киви, какао) и несклоняемых существительных (лего – в легу), которые ребёнок видоизменяет по уже известным моделям нормативного языка взрослых.

Список использованных источников

1. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 425 с.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
3. Цейтлин, С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С. Н. Цейтлин. – М. : ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

The article is devoted to the classification of children's grammatical errors based on the collected material of the facts children's speech. The rarest cases of language innovations at the grammatical level are described: incorrect change of words by cases, gender and numbers, suppletivism, declension of non-declining nouns, as well as incorrect creation of generic correlates.

Keywords: ontolinguistics, children's speech, grammar, neologisms, speech innovations, suppletivism, occasionalisms.

УДК 392.51(476.2-37Брагін)

А. У. Дрывайла

ВЯСЕЛЛЕ Ў ВЁСКАХ ЧАМЯРЫСЫ І ХРАКАВІЧЫ БРАГІНСКАГА РАЁНА

У артыкуле на аснове багатага фактычнага матэрыялу, запісанага ў палявых экспедыцыях на тэрыторыі Брагінскага раёна Гомельскай вобласці, разглядаюцца асноўныя структурныя кампаненты вясельнага абрадавага комплексу і звязаныя з імі народныя вераванні. Увага засяроджана на рэгіянальна-лакальных асаблівасцях бытавання абрадавых этапаў, мясцовай спецыфіцы прыкмет і павер'яў.

Ключавыя словы: вясельны абрадавы комплекс, абрадавы этап, прыкметы і павер'і, народныя вераванні, структурныя кампаненты, мясцовая спецыфіка, рэгіянальна-лакальныя асаблівасці.

Вяселле – унікальны від мастацтва, праз які і сёння ў народнай памяці захоўваюцца звесткі. “Жывучасць вясельнай абраднасці тлумачыцца вялікай важнасцю сям’і, звязанай з асноўнай умовай існавання народа – яго ўзнаўленнем” [1, с. 303]. Як сведчаць экспедыцыйныя матэрыялы, пра вяселле добра памятаюць і жыхары Брагінскага раёна. Структуру вясельнай абраднасці ў в. (аг.) Чамярысы і в. Хракавічы Брагінскага раёна складаюць такія кампаненты, як сватанне, запоіны (давясельны перыяд), “дзявочы вечар”, падрыхтоўка каравая, “зборы жаніха”, выкуп нявесты, абрад царкоўнага вячання, першы дзень вяселля (у хаце маладой), ад’езд маладых да хаты жаніха, другі дзень вяселля (у хаце маладога), дзяльба каравая (уласна вясельны перыяд), “куры”, “пярэзвы” (паслявясельны перыяд). Варта адзначыць, што мясцовае вяселле адрозніваецца непаўторным каларытам звычайў, рытуалаў, песень, багаццем прыкмет і павер’яў. Шкада, што не захаваліся аўтэнтчныя запісы звестак пра вяселле: інфарманты-носьбіты мясцовай традыцыйнай культуры памерлі. Паколькі аснову прапанаванага артыкула складаюць тыя ж фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы па вясельнай абраднасці, але тэксталагічна апрацаваныя Дзям’яненка Ганнай Леанідаўнай, настаўніцай ДУА “Чамярыскі дзіцячы сад – сярэдняя школа”, то дазволім сабе падчас цытавання захаваць прозвішчы і ініцыялы саміх жыхароў вёсак Чамярысы і Хракавічы, ад якіх у 2014 годзе намі, яшчэ вучнямі (мною і маёй сяброўкай Фалей Вольгай) былі зроблены запісы звестак. Засяродзім увагу на характарыстыцы асобных абрадавых этапаў. Як адзначыў даследчык А. С. Фядосік, “ва ўсіх беларускіх рэгіёнах пераважаў шлюб па сватанню, які замацоўваўся не толькі царкоўным вячанням, а цэлым комплексам вясельных абрадаў” [2, с. 112].

Вяселле ў маёй роднай вёсцы пачыналася таксама са сватання. Звычайна ў сваты хадзілі толькі ў чацвер, бо гэты дзень лічылі “чыстым” і права хадзіць у сваты мелі толькі мужчыны. Паводле ўспамінаў мясцовых жыхароў, у якасці сватоў выступалі хросны бацька, родны дзядзька, жаніх і яго лепшы сябар.

Прыход свата і яго дружны ў хату нявесты меў свае законы: “Калі сват пераступаў парог хаты, ён пяткай левай нагі грукаў аб парог. Далей сват рабіў некалькі крокаў, даходзіў да першай бэлькі на столі і спыняўся. Станавіцца пад бэлькай нельга было, бо бэлькі лічыліся ў хаце пераходнай рыскай з аднаго свету ў іншы, таму затрымлівацца пад ёй было нельга” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад

Краўчанка Марыі Яхімаўны, 1929 г. н., Сніцарэнка Марыі Андрэеўны, 1929 г. н.).

Сватанне суправаджалася дыялогам: “А, людцы добрыя, прапала ў нас цялушка, ездзілі мы днём і ноччу па сёлах, па гарадах і не можам дапытацца цялушкі. Прыехалі да вас, ці не заблудзіла яна сюды. Былі мы ў гаспадара – той сказаў, што ў другой вёсцы. Нарэшце прыехалі да вас” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Сніцарэнка Марыі Адамаўны, 1928 г. н.). Іншы раз гаварылі так: “Наш бык да вашай цялушкі прывык, каб даў Бог таго нам даждаці, каб вашу цялушку ды к нашаму быку загнаці” (запісана ў в. Хракавічы ад Уласенка Ганны Пятроўны, 1918 г. н.).

Пасля гэтых слоў усім становілася зразумелай мэта візіту гасцей, і дзяўчына, да якой прыйшлі ў сваты, імкнулася хутчэй схавацца. Бацька нявесты браў хлеб з рук сватоў і клаў яго на стол. Гасцей запрашалі сесці за стол, у гэты момант сват ставіў бутэльку гарэлкі і працягваў дыялог: “Нашу бутэльку прыміце і сваю цялушку пакажыце!” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Бабок Алены Радзівонаўны, 1937 г. н.).

У гэты момант наступала цішыня, гаспадар павінен быў прыняць рашэнне. Калі бацька дзяўчыны браў у рукі прынесеную сватамі бутэльку і прасіў жонку падаць чаркі, каб напоўніць іх гарэлкай, то гэта і з’яўлялася сімвалічным знакам згоды нявесты на шлюб. У тым выпадку, калі бацька быў супраць таго, каб аддаць дачку замуж, то прасіў жонку прынесці сваю бутэльку гарэлкі, наліваў чаркі і гаварыў: “Гарэлкай можна пачаставаць, а цялушку рана аддаваць”. Затым клікалі дзяўчыну і бацька гаварыў: “Прашу, дачушка, адказаць, ці трэба цябе замуж за гэтага хлопца аддаваць?” (запісана ў в. Хракавічы ад Шупан Валянціны Фёдараўны, 1939 г. н.).

Калі нявеста не пагаджалася выходзіць замуж, то ў вясельнай традыцыі нашай вёскі меў месца звычай “выносіць гарбуз”, пры гэтым гаварылі: “Ваш жаніх зусім нядуж, замест нявесты вам ад нас гарбуз” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Дзям’яненка Ганны Леанідаўны, 1958 г. н.); “Нявеста не для вас, вось вам гарбуз ад нас” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Сніцарэнка Марыі Адамаўны, 1928 г. н.).

Пасля сватання адбываўся абрад, які меў назву “запоіны”, напрыканцы якіх, развітваючыся са сватамі, “бацькі дзяўчыны надзявалі на бутэльку чырвоную стужку і гэтая бутэлька з гарэлкай захоўвалася аж да вяселля, а падчас вяселля стаяла на куце каля маладых. Пасля гэтага нявеста насыпала ў другую бутэльку зерне і

перадавала ў рукі жаніха. Гэтую бутэльку абавязкова ставілі ў кораб з зернем, калі рыхтавалі жаніха да шлюбу. У гэты ж вечар радня маладой адорвала падарункамі радню жаніха. Тая нявеста, якая не дала падарункаў, лічылася абяслаўленай сярод мужавай радні” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Бабок Алены Радзівонаўны, 1937 г. н.).

У мясцовой вясельнай традыцыі в. (аг.) Чамярысы меў месца такі звычай, як наведванне царквы маладымі: “Жаніх наведваўся асобна, а нявеста – асобна, каб ачысціць сябе ад былых грахоў, паведаміць у царкве пра будучае вячэнне. Служыцель царквы назначаў дзень вячэння” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Бабок Алены Радзівонаўны, 1937 г. н.).

Паводле сведчанняў інфармантаў, абрадавы этап “зборная субота” быў вядомы пад назвай “Дзявочы вечар” і адбываўся ў хаце нявесты ў апошні вечар напярэдадні вяселля. Пры гэтым нявеста павінна была плакаць і кланяцца ўсім у ногі, пачынаючы ад самых старэйшых. Сяброўкі падтрымлівалі нявесту і прыгаворвалі: “Паплач сёння з намі, каб не прыйшлося плакаць у мужавай мамы. Бо свякроўка не пашкадуе, а свая маці не пачуе”.

Абавязковым атрыбутам дзявочага вечара была лазня, куды свахі вялі нявесту. Наведванне лазні сімвалізавала “ачышчэнне нявесты ад усіх ранейшых бед” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Бабок Алены Радзівонаўны, 1937 г. н.).

Пасля вяртання з лазні ў хаце ладзілі вячэру. Затым нявесту садзілі на дзяжу, дзе рашчынялі хлеб, і ў апошні раз у бацькоўскім доме ёй запліталі касу пад спеў-галашэнне сябровак, якія прыгаворвалі: “Касу заплітаем, а што чакае цябе мы не знаём. Гладзім цябе па галоўцы, каб папала ты добрай свякроўцы, каб цябе яна шкадавала, мужу біці не давала, каб стала для цябе роднаю маці, каб не будзіла рана, а давала паспаці. Каб муж цябе моцна любіў і па галоўцы не біў, каб на другіх жонак і не паглядаў, а табе косы заплітаў” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Сніцарэнка Марыі Адамаўны, 1928 г. н.). Тут жа прысутнічала і маці, якая таксама прыгаворвала: “Як жа, донька, мне цяжка цябе адпускаць, у чужую сям’ю аддаваць. Хто ж цябе там пашкадуе, калі муж засярдуе? А я ж цябе шкадавала, рабіць не застаўляла, раніцай не падымала, а спаць табе давала. Дай, Божа, каб добры муж папаўся, каб п’яны не валяўся, каб цябе шанаваў і ва ўсім дапамагаў. А я ж буду кожны дзень Бога маліць, каб табе добра было жыць” (запісана ў в. Хракавічы ад Шупан Валянціны Фёдараўны, 1939 г. н.). У гэты вечар выраблялі для

нявесты вянок, упрыгожвалі стужкамі рознага колеру, акрамя чорнага і жоўтага: “Колькі ў хаце было гасцей, столькі прымацоўвалі і стужак на вянок. Чым больш было ў доме нявесты дзяўчат, тым яна будзе шчаслівейшая” (запісана ў в. Хракавічы ад Шупан Валянціны Фёдараўны, 1939 г. н.).

Заслугоўвае ўвагі і мясцовы вясельны абрадавы этап, які называлі “Зборы жаніха”. Цікавым быў той момант, што жаніха абавязкова “садзілі на караб з зернем”, і ў яго адрас гучалі пажаданні ад сваякоў: “Калі на карабе сядзеў, каб ты грошай многа меў”, “Каб было столькі дзіцянятак, як у карабе зярнятак”, “Рашыў жонку ты займець, будзеш дома з ёй на карабе сядзець”. “Жонцы адразу волі не давай, а да працы прывучай”, “Жонку слухай і на вус матай, але сваю галаву не губляй”, “Калі надумаў жаніцца, то вучыся пра дом клапаціцца” і іншыя.

Калі ўсё было падрыхтавана да ад’езду дружыны маладога, бацькі ставілі ў цэнтры хаты стол і засцілалі яго белым ільняным абрусам. Бацька браў саматканы ручнік, якім перавязваў рукі сына і, тройчы абвёўшы яго вакол стала, вёў яго да парога. Маці, трымаючы ў руках свечку і хатні абраз, благаслаўляла сына ў дарогу.

Першы дзень вяселля гулялі ў хаце маладой. Як адзначылі мясцовыя жыхары, “маладых сустракалі бацькі хлебам-соллю і іконай Божай Мацеры. Маладыя абавязкова павінны былі разам укусіць хлеб. Хто большы кавалак адкусіць, той і будзе галоўным у сям’і. Маці маладой абавязкова частавала маладых мёдам, каб жыццё салодкім было. Мёд бралі ў рот тры разы і абавязкова з адной лыжкі, каб усё было агульным. Перад тым, як зайсці ў хату, перад маладымі сыпалі жыта і прыгаворвалі: “Жытам вас пасыпаем, каб у шчасці жылі вам жадаем” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Бабок Алены Радзівонаўны 1937 г. н.).

Перад тым, як сесці за стол, хросная маці звязвала ручніком рукі маладых і тры разы абводзіла іх вакол стала. Затым падзівала бацькоў і казала: “Бацька і маці благаславіце за стол маладых саджаці”. Бацькі ж адказвалі: “Бог благаславіць”. Пасля трохразовага благаслаўлення маладыя садзіліся за стол. Падчас вяселля сядзелі маладыя ў “чырвоным” куце пад абразамі на кажусе, каб вяліся дзеткі. А пад лаўкай абавязкова стаяў караб з жытам, каб маладыя былі багатыя. Тут жа, на покуці, сядзелі хросныя бацькі, якія і кіравалі застоллем” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Сніцарэнка Марыі Адамаўны, 1928 г. н.).

Дзяльба каравая – важны момант у сістэме мясцовай вясельнай абраднасці: “Вясельны стол і завяршаўся падзелам каравая, які выносілі хросныя бацькі. Ручнік слалі так, каб каравай абавязкова знаходзіўся на яго чырвонай частцы, а жаніх і нявеста павінны былі апранаць белую вопратку. Бывала, што жаніха накрывалі белым саматканым матэрыялам, калі сарочка ў яго не была чыста бела” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Бабок Алены Радзівонаўны, 1937 г. н.).

Звычайна, запрашаючы гасцей на каравай, прамаўлялі: “Запрашаем вас і Бога на каравай! Бацька і маці, благаславіце каравай дзяліць”. Бацькі адказваюць: “Бог благаславіць”. Яго дзялілі наступным чынам. Верхні ярус называлі “доляй” маладых. Яго акуратна адразалі ад каравая і перадавалі жаніху з нявестай. Яны павінны былі яго з’есці, не дзялячыся ні з кім. Другі ярус сімвалізаваў бліжэйшую радзінку, і яго імкнуліся падзяліць паміж “сваімі”. Ніжні ярус, самы вялікі, дзялілі паміж усімі гасцямі на вяселлі” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Дзям’яненка Ганны Леанідаўны, 1958 г. н.).

Паслявясельную частку ў вёсках Чамярысы і Хракавічы называлі “Куры”, “Пярэзвы”. Паводле ўспамінаў Дзям’яненка Ганны Леанідаўны, 1958 г. н., “на трэці дзень пераапрапіся некалькі гасцей «цыганямі» і з музыкаю, песнямі, танцамі збіралі па дварах курэй. І называўся трэці дзень вяселля “куры”. Звычайна аб’язджалі ўсіх удзельнікаў вяселля. Калі ў двары не было курэй, то “цыганам” давалі розныя прадукты. А затым пачыналася прыгатаванне на вясельным двары: курэй скублі, варылі, рыхтавалі іншыя стравы і ўвечары зноў збіраліся госці за вясельным сталом. Калі гэта было ў двары жаніха, то маладая павінна была падаваць на стол. Гэтым яна паказвала павагу да родных мужа” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы).

Праз тыдзень гасцей ужо чакалі ў хаце бацькоў жаніха: “Зяць павінен перазваць родных жонкі ў госці, каб тыя маглі паглядзець, як живе іх дачка. У госці запрашаліся хросныя бацькі маладой, родныя бацькі, дзядзькі і цёткі, “закасянкі”. Запрашаць павінен быў сам малады. На працягу тыдня сама дзяўчына не мела права наведваць бацькоў, бо гэта была непавага да мужа. Нават, калі дзяўчына за нялюбага ішла, то да бацькоў яна не ішла, а лепш мірылася з лёсам сваім. Часцей дзяўчына аб горы сваім расказвала бярозцы, вярбе ці іншаму дрэву. Калі прыязджалі “закасянкі”, то спявалі песні. Але маладая не мала права спяваць” (запісана ў в. (аг.) Чамярысы ад Дзям’яненка Ганны Леанідаўны, 1958 г. н.).

Такім чынам, прадстаўленыя ў артыкуле матэрыялы пра вяселле

ў вёсках Чамярысы і Хракавічы, сведчаць аб добрай захаванасці гэтых звестак у памяці інфармантаў, а таксама дэманструюць адметныя рысы правядзення асобных абрадавых этапаў, іх арганічнай павязі з прыкметамі і павер'ямі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларускі фальклор : энцыклапедыя: у 2 т. – Т. 1: Акапэла – Куцця / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭк, 2005. – 768 с.
2. Фядосік, А. С. Функцыянальнасць і семантыка абрадаў, жанравыя і мастацкія своеасаблівасці паэзіі асноўных этапаў вяселля // Сямейна-абрадавая паэзія. Народны тэатр / А. С. Фядосік, А. С. Емяльянаў, У. М. Сысоў, В. М. Каладзінскі; Навук. рэд. К. П. Кабашнікаў. – Мінск : Бел. навука, 2001. – 422 с.

The article, based on rich factual material recorded during field expeditions in the Bragin district of the Gomel region, discusses the main structural components of the wedding ritual complex and related folk beliefs. Attention is focused on regional and local features of the existence of ritual stages, the local specifics of signs and beliefs.

Keywords: wedding ritual complex, ritual stage, habits and beliefs, folk beliefs, structural components, local specifics, regional-local features.

УДК 811.161.1'25:811.111'276

О. А. Дудля

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ

В статье рассматриваются проблемы перевода наиболее известных понятий, идиом и названий фильмов с одного языка на другой в соответствии с языковой картиной мира представителей разных культур.

Ключевые слова: язык, языковая картина мира, культура, фразеологизм, идиома.

Язык считается важнейшим средством коммуникации, которое помогает представителям разных культур общаться на любые темы, выражать свои чувства и эмоции, делиться своими потребностями и попросту поддерживать разговор. Однако при переводе (который можно рассматривать как «средство межкультурной коммуникации,

когда средствами одного языка выражаются мысли носителей иного языка» [1, с. 67]) с одного языка на другой возникает немало сложностей. Изучением возникающих проблем и выявлением их причин занимаются специалисты в области лингвистики, филологии и межкультурной коммуникации.

Очевидной и частой причиной такого языкового несоответствия выступает отсутствие точного эквивалента для выражения того или иного понятия или даже отсутствие самого понятия [2, с. 161–163]. Прежде всего, это связано с существенными различиями языковых картин мира представителей отличающихся друг от друга культур [3; 4; 5]. Для одних народов определённый предмет привычен, он постоянно на слуху. Людям может показаться странным, что кто-то другой, живущий за несколько тысяч километров, обходится без этой вещи или не использует то или иное понятие в своей речи. С научной точки зрения это объясняется тем, что определённые понятия и предметы быта являются уникальными для одной культуры, а в другой об их существовании могут попросту не знать. Следовательно, эквивалента понятия, предмета или явления, которые упоминаются в речи, представители другой культуры не всегда имеют, чем и объясняется появление массы проблем в общении.

Так, при мысли о русской кухне и её традициях в сознании многих людей сразу возникают представления о борще, исконно русском блюде. Безусловно, мы осознаём, что у других народов есть своя национальная кухня и собственные кулинарные обычаи, но, тем не менее, удивляемся, что кто-то может быть не знаком с таким блюдом, как борщ. Эквивалента обозначению этого первого блюда нет ни в одном языке мира, а если его и используют, то слово считается заимствованным. Например, по-английски оно пишется как *borsch* или *borscht* [4].

Временной отрезок в 24 часа в русском языке обозначается словом *сутки*. Подобное слово не встречается в лексиконе представителей других культур. Для перевода на английский язык потребуется сравнительно длинное обозначение: *twenty-four hours* [6]. Обратно пропорциональная ситуация складывается со словом *grandparents*. В переводе на русский язык оно обозначает бабушек и дедушек вместе взятых, а общее слово для наименования родственников отсутствует. Или, например, слова *sibling* (англ.) и *geschwister* (нем.) переводятся как ‘братья и сестры вместе’, то есть без деления по половому признаку, как в русском языке [6].

И ещё несколько интересных понятий, которых мы тоже не встретим в словаре определённого языка. Точный перевод слова *ear-worm* выглядит как *ушной червь*, а по факту оно используется для того, чтобы рассказать о навязчивой мелодии или песне, которая долгий промежуток времени как будто «сидит» в голове и от неё не получается сразу избавиться [6]. Стоит отметить, насколько велика разница: определённое понятие в одном языке выражается единственным словом, а в другом для этого необходимо сложное предложение. Знакомое каждому русскому человеку слово *тоска*. У американцев такого понятия, которое выражается этим русским словом, вовсе не существует, его можно объяснить только с помощью синонимов, которые не дают возможности раскрыть истинный смысл этого состояния. Представители данной культуры могут грустить, печалиться, но не тосковать. Владимир Набоков рассуждал на эту тему: «Ни одно слово в английском не может описать всех оттенков «тоски». Ни одно слово не подходит под описание привычной русскому тоски...» [6].

Не менее известная причина, из-за которой возникают трудности при переводе с одного языка на другой, – специфика лексико-фразеологической сочетаемости слов. Об этой проблеме в своих научных работах пишут многие исследователи [3; 7]. Суть её состоит в том, что значение слова не исчерпывается одним лишь лексическим понятием (денотацией слова) [4], а в значительной мере зависит от тех слов, в соседстве с которыми оно находится, которые помогают понять его значение более точно. Если говорить о русском языке, то ярким примером, иллюстрирующим важность знания лексико-фразеологической сочетаемости, может стать слово *победа*. В сочетании с этим существительным используется только один глагол – *одержать*: *одержать победу* [4]. Поэтому у многих иностранцев, начинающих изучать наш родной язык, возникают трудности с употреблением данного слова, особенно если дело касается образования формы первого лица будущего времени глагола.

«Фразеологические единицы являются единицами лингвокультурного и когнитивного порядка, отражающими национальный менталитет и выражающими национальный опыт» [7, с. 313]. Многие иностранцы недоумевают от дословного перевода определённых выражений в словарях и электронных переводчиках, где каждое слово переводится отдельно. Например, привычный для нас *крепкий чай* на английском будет выглядеть как *strong tea*. Дословный перевод – *сильный чай*, что, конечно, не соответствует истинному смыслу вы-

ражения, хотя, согласно словарю, выглядит именно так. Опираясь на собственную картину мира, русский человек, не задумываясь, употребляет выражение *сильный дождь*. По-английски оно будет звучать как *heavy rain*, то есть *тяжёлый дождь*, если переводить дословно [2]. Переводя определённое понятие по словарю, иностранец не всегда имеет возможность получить «правильное» значение, поэтому важно учитывать нюансы лексико-фразеологической сочетаемости.

Особого внимания заслуживает перевод английских идиом на русский язык. Известные англичанам выражения не могут быть переведены дословно, они требуют от русского человека обязательного заучивания. А. В. Кунин определяет идиому как «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [8, с. 65]. Часто случается так, что это значение переосмыслено настолько, что понять его истинную суть, не изучая определённую картину мира, невероятно сложно. Этот процесс вызывает огромное количество трудностей, так как довольно часто смысл выражений, используемых носителями английского, полностью совпадает со значением некоторых фразеологизмов в русском языке, однако их символика и способ передачи существенно отличаются. Ниже представлено несколько, пожалуй, самых известных примеров подобной ситуации.

- *It's raining cats and dogs* – *лёт как из ведра*. У человека, языковая картина мира которого максимально приближена к русской, возникает масса вопросов по поводу того, почему в дословном переводе фразеологизма о погоде фигурируют кошки и собаки. Однако для носителей английского языка такое выражение вполне привычно. По данным некоторых источников, в начале XVI века крыши домов были покрыты толстым слоем соломы, что было крайне привлекательным для кошек и собак, поскольку подобный материал хорошо сохраняет тепло. В непогоду, в период сильных проливных дождей животные в буквальном смысле соскальзывали с крыш и падали вниз. Вероятнее всего, по этой причине дождь у англичан стал ассоциироваться с падающими кошками и собаками [2].

- *To be in the black*. Носитель русской языковой картины мира перевёл бы это выражение как *быть в чёрном*. Однако на самом деле оно таит в себе иной смысл: так говорят, когда какая-либо организация не несёт убытков, а постоянно находится в плюсе. Даже человек, владеющий английским, но видящий идиому впервые, предположил бы, что её смысл скорее отрицательный, чем положительный, на что указывает цвет – чёрный [2].

- Похожая судьба у идиомы *to be in the red* – нести убытки. Из истории известно, что бухгалтеры для подсчёта доходов и расходов какой-либо компании использовали чернила двух цветов – красный и чёрный. Первым они выделяли убытки, а с помощью второго подчёркивали сведения о прибыли. Носители английского языка по сей день используют эти идиомы в разговорах о деньгах [2].

- Выражение *a dead duck*, появляющееся в речи англичан, вовсе не связано с мёртвой уткой, хотя именно об этом образе говорит нам дословный перевод идиомы. На самом деле она подразумевает под собой какое-то *напрасное дело*, на которое лучше не тратить время, так как неудача в нём обеспечена [2].

- *Refrigerator rights* – не менее интересное выражение из английского языка, дословный его перевод – *права на холодильник*. Однако данное выражение обозначает особенно близкие отношения между людьми, которые теперь «делят» один холодильник [6].

Некоторые трудности перевода испытывают прокатчики фильмов, которые приобретают права на кинокартины западного производства и адаптируют их под интересы русскоязычного населения. Если обратиться к сравнению названий фильмов, которые представлены, например, в США, и теми, которые предлагаются в российских кинотеатрах, то можно заметить массу различий. Приведём несколько самых выразительных примеров.

Название американского фильма 1957 года «*Funny face*» режиссёра Стенли Донена дословно можно перевести как «Весёлое лицо», однако в русском прокате фильм вышел под названием «Забавная мордашка» [9]. Вероятнее всего, переводчики сочли столь простое название непривлекательным для российской публики и решились на некую трансформацию в соответствии с собственной языковой картиной мира (о сути этого понятия см., например: [5; 10]).

Режиссёр Роберт Лукетич дал своему творению имя «*Legally Blonde*» (2001), что дословно переводится как «Легальная блондинка». В России фильм получил название «Блондинка в законе» [9]. Очевидно, что второй вариант более адаптирован под языковую картину мира русскоговорящего населения планеты. Подобной трансформацией фразы прокатчики, несомненно, способствовали формированию интереса аудитории к фильму (в данном случае они действовали так же, как авторы рекламы [11]).

Похожая участь постигла и картину Дага Лаймана «*Fair game*», выпущенную в 2010 году. На русский язык её название можно пере-

вести как «Честная игра», однако в кинотеатрах России фильм был представлен как «Игра без правил» [9]. Прокатчики в буквальном смысле произвели замену названия. Можно предположить, что таким путём они надеялись привлечь больше зрителей к просмотру кинокартины. Безусловно, второе название выглядит более интригующим для носителей русского языка.

Нельзя оставить без внимания и кинокартину американского режиссёра Питера Фарелли «Зелёная книга» (2018). В одной из сцен фильма с русской озвучкой главный герой произносит понятную для носителей русского языка скороговорку: *Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет*. Очевидно, что прокатчики адаптировали часть сценария для зрителей из России, чтобы те поняли суть происходящего на экране. В американской версии фильма, безусловно, звучит понятная для англоязычного населения скороговорка.

Язык был и остаётся важным и необходимым средством коммуникации между представителями разных культур. Однако языковая картина мира того или иного народа может существенно отличаться от языковой картины других народов. Чтобы возникало как можно меньше проблем с переводом с одного языка на другой, важно учитывать особенности ментальности представителей определённой культуры. Это, безусловно, поможет нам лучше понять сущность некоторых выражений и идиом, названий литературных произведений и кинокартин, а главное, это поможет нам понять друг друга.

Список использованных источников

1. Рудакова, Т. В. Проблема художественного перевода / Т. В. Рудакова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 7–3. – С. 76–69.
2. Идиомы английского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.saberingles.com.ar>. – Дата доступа : 03.02.2019.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Грушевицкая, Т. Г. Основы межкультурной коммуникации : учебник для вузов / Т. Г. Грушевицкая, В. Д. Попков, А. П. Садохин / под ред. А. П. Садохина. – М. : ЮНИТИ–ДАНА, 2002. – 352 с.
5. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
6. Английский язык для начинающих. Слова, которых нет – 13 понятий, которые есть только в английском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://begin – english.ru>. – Дата доступа : 03.02.2019.

7. Асабина, А. А. Перевод фразеологических единиц в художественном тексте / А. А. Асабина // Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: сборник материалов IV междунар. молодежной научно-практической конференции, 18–20 сентября 2018 г. / науч. ред. С. В. Рудакова. – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. – С. 314–318.

8. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа; Дубна : Изд. центр «Феникс», 1996. – 381 с.

9. Все фильмы планеты. КиноПоиск [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kinopoisk.ru> – Дата доступа : 03.02.2019.

10. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.

11. Харитонов, С. В. Анализ перевода рекламных слоганов продукции компаний мобильных телефонов / С. В. Харитонов // Libri Magistri. – 2019. – № (7). – С. 134–146.

The article is devoted to the problems of translation of the most famous concepts, idioms and titles of films from one language to another in accordance with the language picture of the world of representatives of different cultures.

Keywords: language, language picture of the world, culture, phraseology, idiom.

УДК 811.161.1'42'25:821.161.1-31*Л. Улицкая

М. С. Жавнерович

ПЕРЕВОД В РОМАНЕ ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»

Данная статья посвящена переводу в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик». В работе говорится о роли перевода в современном мире. Рассматривается образ главного героя художественного текста как переводчика. Анализируются некоторые имена персонажей и антропонимические формулы. Уточняется идея произведения.

Ключевые слова: Людмила Улицкая, роман «Даниэль Штайн, переводчик», Даниэль Штайн, перевод, автор, имя, антропонимическая формула, идея.

Ещё с далёких времен перевод помогал наладить контакт между людьми, способствовал преодолению барьеров между представителя-

ми разных культур. Но не случайно именно ХХІ век называют «веком перевода». В настоящее время, в эпоху глобализации, когда с огромной скоростью возрастает интенсивность международных контактов, перевод играет всё более значительную роль, являясь не только лингвистическим, но и культурным актом (см., например: [1; 2; 3]), а профессия переводчика становится востребованнее. Не случайно появляется множество литературных произведений, в которых «одним из центральных персонажей <...> стал переводчик» [3, с. 309]. «Помимо наиболее точной передачи формы исходного сообщения, от переводчика <...> требуется максимально полно передать смысл данного сообщения» [4, с. 135]. Слово *переводчик* в художественных произведениях употребляется не только в прямом смысле, но и в переносном. Например, переводчик – это также своеобразный проводник между определенными явлениями, событиями, вещами, людьми, то есть перевод в данных случаях происходит на ментальном уровне, а не на языковом.

В романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» перевод тоже представлен не только как лингвистический, но и как культурный и духовный акт.

Рассмотрим образ главного героя произведения (в честь которого оно и было названо) как переводчика. В военное время Даниэль Штайн, польский еврей, благодаря хорошей учёбе в школе отлично выучил немецкий язык. Это помогло ему солгать, что он полунемец-полуполяк, и устроиться переводчиком в гестапо на территории оккупированного белорусского города Эмска. Будучи посвященным в планы немцев, он предупреждал евреев о погромах и помогал тем из них, кто оказался в гетто. Герой спас сотни соплеменников. После разоблачения Штайн вынужден был бежать и укрываться у монахинь в тайном монастыре. Проведя пятнадцать месяцев под их крышей, Даниэль принял католицизм. После войны он переехал в Израиль и создал там религиозную общину католиков, к которой при желании мог примкнуть любой: от протестанта до униата – монах Даниэль был терпим ко всем. Более того, он критиковал отрыв католической церкви от иудаизма [5]. Подобное отношение героя к миру позволяет сделать вывод, что он исповедовал не ортодоксию, а ортопраксию, то есть для него главным было не правильное мышление, а правильные поступки.

Уже перечисленные факты дают понять, что Даниэль Штайн являлся переводчиком не только в прямом смысле этого слова. Он был своеобразным «переводчиком» между людьми разных конфессий, убеждений, национальностей. Даниэль даже изучал арабский язык,

чтобы выполнить своё предназначение, проводя службы на данном языке. Однако к герою впоследствии приходит понимание того, что именно иврит является тем языком, который знали все его прихожане [5]. Для католического священника проведение служб на иврите – особый риск, но Даниэль пошёл на этот шаг, чтобы объединить представителей разных культур и народов, осуществляя таким образом своеобразную глобализацию католической церкви.

Кроме того, главный герой стал «переводчиком» между людьми и Богом. Даниэль Штайн доносил людям Божью истину, «переводил» её, но делал это по-своему. Например, он не разделял догмата о Святой Троице, потому что Христос о ней никогда не говорил, а придумали её, как считал герой, греки [5]. После выхода романа данный взгляд на Троицу был раскритикован многими, в том числе и Ю. Малецким, который считал, что это ересь, похожая либо на древнее арианство, либо на позднейшее унитариянство (крайняя форма протестантизма) [6].

Даниэль осуществлял также «перевод» иных проявлений духовной жизни человека, становясь своеобразным проводником между сознанием человеком и его душой. Так, он посоветовал Ефиму, искавшему настоящее Православие, вместе со своей женой Терезой родить ребёнка, чтобы не было никаких духовных проблем. Ещё Даниэль говорил своей помощнице Хильде, которая встречалась с женатым мужчиной, отцом троих детей, что её решение уйти в монастырь неверно, так как туда идут от любви к Богу, а не убегают из-за любви к мужчине. Священник советовал героине терпеть: «От жизни никак нельзя уклониться, она свое берет. Не казни себя. Потерпи!» [5].

Можно сделать вывод, что перевод помогает нам полнее раскрыть образ Даниэля Штайна.

Однако католический священник не единственный переводчик в этом художественном тексте, таковым является и автор произведения – Людмила Улицкая. Ее образ в романе «Даниэль Штайн, переводчик» представлен в разных эстетических формах. Так, писательница включает в повествование Людмилу Улицкую как рядового персонажа своего романа, причем, на первый взгляд, не самого главного. Она появляется в произведении не так часто, как другие персонажи. Героиня Людмила Улицкая выступает в своём произведении как часть творимого мира, она такая же, как остальные персонажи. Так она снимает с себя ответственность за художественный текст, ведь она как будто выступает в роли только помощника, но не творца. Улицкая в романе пишет письма редактору Елене Костюкович, в ко-

торых рассказывается о реальных событиях и фактах из жизни писательницы: рождение внука, болезни, комната с медитативным ковром [5].

Но не случайно в этом произведении появляется автор. Ведь Улицкая – один из участников цепочки сложных взаимодействий с главным героем. Так, в романе представлена история знакомства писательницы с Даниэлем Руфайзеном, которое произошло в августе 1992 года: «В те годы у меня было много претензий не то что к Церкви, а к самому Господу Богу. Все старые открытия, которыми так дорожила, вдруг показались засаленным старьём, скучной ветошью. Такая духота, такая тошнота в христианстве» [5].

Встретившись со священником, Улицкая находит для себя ответы на многие вопросы. Автор в романе оставляет за собой право, с одной стороны, выражать позицию внешнего наблюдателя, как происходит это, например, в пушкинском «Евгении Онегине», а с другой – субъекта, причастного к изображаемому, так как она является носителем собственных знаний о Даниэле, предстаёт человеком, знакомым со своим героем. Поэтому становится понятным, почему Улицкая – «переводчик». Писательница «переводит» читателю информацию о главном герое. Кроме того, она дает нам полное представление и о других персонажах. Автор делает это в том числе и с помощью имен, характеризующих героев.

Так, стоит отметить, что монашеское имя Освальда Руфайзена – Даниэль. Это имя может переводиться с древнееврейского как «справедливый человек», «божественный». Характер главного героя полностью соответствует его имени: он всегда следует своей истине и посвящает собственную жизнь служению Богу. Интересно и значение фамилии *Штайн* (вариант *Штейн*), в переводе означает «еврейский камень», что ассоциируется с чем-то твердым. Главный герой, как и камень, был очень тверд, обладал нестигаемой волей. Более того, просматривается и некая связь с каменными скрижалями, полученными Моисеем, верность которым хранит еврейский народ; герой, как истинный представитель своего народа, верен заветам, полученным пророком.

Имя *Ефим*, которым назван еще один важный персонаж романа, переводится как «благочестивый». В романе этот герой соблюдает предписания религии и церкви, он не согласен со многими новаторствами Даниэля Штайна и даже считает их ересью. Улицкая «переводит» и то, какие герои жили в действительности, а какие – плод её фантазии, кто из них главный персонаж, а кто лишь второстепенный. Так, имя Даниэль упоминается 351 раз, Хильда – 103 раза, соответственно, они являются центральными героями повествования. Имя же

Михаил используется только 34 раза, поэтому можно предположить, что этот персонаж не самый главный в художественном тексте.

Примечательно, что в художественном тексте в большом количестве представлены различные документы, поэтому писательница часто использует развернутую антропонимическую формулу (полное трехкомпонентное описательное именование лица), позволяющую максимально идентифицировать человека с учетом обстановки и его национальной принадлежности. Например, в романе есть строки: «В ходе оперативной проверки установлено, что Бенда Тереза Кшиштофовна, тайная монахиня, в 1975 году приняла постриг», «Ионавичуте Анна Гедеминовна, заведующая отделом прозы литовского журнала «Молодёжь Литвы» [5]. Не удивительно, что Улицкая даёт разъяснения относительно сложности монтажных задач, позволивших «оживить» документы в романе. Она «переводит» читателю информацию о работе над книгой, о её композиционных особенностях.

Стоит отметить, что Улицкая имеет еврейские корни, оба её деда, Яков Самойлович Улицкий и Борис Ефимович Гинзбург, были репрессированы и находились в заключении. Как мы знаем, в романе поднимается и «еврейский вопрос», поэтому писательница также «переводит» для нееврейского читателя сущность этой проблемы, позволяя лучше понять её. Рассмотрев образ автора, мы осознаём, что «перевод» даёт разъяснения относительно композиции, позволяет разобраться в сути «еврейского вопроса», с помощью чего читатель может определить основной смысл романа.

Таким образом, перевод в романе Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» представлен на языковом, культурном и ментальном уровнях, он неразрывно связан с образами главного героя и автора. Рассмотрев их, мы можем выйти на идею произведения, которая заключается в том, что необходимо сохранять человечность даже в самых тяжелых жизненных условиях, учиться понимать и принимать людей вне зависимости от их национальности, взглядов или религии.

Список использованных источников

1. Владимирова, Т. С. Образ переводчика и сюжет перевода в современной русской литературе : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. С. Владимирова; Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2018. – 156 с.
2. Овчарова, С. В. К вопросу эффективности способов преодоления языковых и культурных барьеров в современной межкультурной коммуникации / С. В. Овчарова // Libri Magistri. – 2019. – № 2(8). – С. 114–121.

3. Юхнова, И. С. Образ переводчика и проблема межкультурной коммуникации в современной отечественной литературе / И. С. Юхнова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2–2. – С. 309–313.

4. Харитонов, С. В. Анализ перевода рекламных слоганов продукции компаний мобильных телефонов / С. В. Харитонов // Libri Magistri. – 2019. – № 1(7). – С. 134–146.

5. Улицкая, Л. Е. Даниэль Штайн, переводчик / Л. Е. Улицкая. – М. : Эксмо, 2008. – 528 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nice-books.ru/books/proza/sovremennaja-proza/14646-lyudmila-ulitskaya-daniel-shtain-perevodchik.html> – Дата доступа : 02.07.2019.

6. Малецкий, Ю. И. Случай Штайна: любительский опыт богословского расследования / Ю. И. Малецкий. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/continent/2007/133/sluchaj-shtajna-lyubitelskij-opyt-bogoslovskogo-rassledovaniya.html> – Дата доступа : 02.08.2019.

This article is devoted to the translation in the novel by Lyudmila Ulitskaya «Daniel Stein, translator». The paper deals with the role of translation in the modern world. The image of the main character of the literary text as a translator is considered. Some character names and anthroponymic formulas are analyzed. The idea of the work is specified.

Keywords: Lyudmila Ulitskaya, novel «Daniel Stein, translator», Daniel Stein, translation, author, name, anthroponymic formula, idea.

УДК 811.161.1'373.2:316.728

Ж. Э. Кинжигалиева

ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО «МАССОВАЯ КУЛЬТУРА»

В данной статье предпринимаются попытки структурирования и описания концептуального пространства «Массовая культура», бытующего в русском языковом сознании и находящего выражение в различных языковых единицах. Представлены различные точки зрения на концептуальное пространство в целом; обозначена специфика такой когнитивной сферы, как «Массовая культура».

Ключевые слова: лингвоконцептуальное пространство, концепт, лингвокультура, массовая культура.

В области современного языковедения по-прежнему актуальными остаются вопросы интегрированного изучения языка – мышления – культуры сквозь призму человеческого сознания.

В когнитивной лингвистике, до сих пор удерживающей основные позиции современных научных исследований, широкое распространение получает уровневая модель организации языкового сознания (Н. Ф. Алефиренко, П. Я. Гальперин, Ю. Н. Караулов, Г. А. Чупина и др.), которая соответствует механизму вербализации концептов в процессе кодирования и перекодирования информации. Такая модель уровневого структурирования включает в себя три составляющие: 1) лексико-семантический код (тезаурус); 2) грамматический код; 3) коммуникативный код [1, с. 112].

Лингвоконцептуальное пространство может быть описано в системе трех измерений. Так, О. В. Николаева выделяет аксиологические концепты – инвариантные представления членов лингвокультурного сообщества о том, что для них значимо; аксиоматические концепты – общепринятые представления коллектива о культурных феноменах, репрезентированных прецедентными именами, высказываниями, текстами; и культурно-когнитивные модели – реализация и тиражирование в лингвокогнитивной деятельности аксиологических мотивационных установок. Совокупность названных концептов отличает одну культуру от другой, а потому их можно назвать своего рода параметрами концептуального пространства лингвокультуры [2, с. 259].

Концептуальное пространство – это пространственно-временной континуум, в котором осуществляется коммуникация. В концепции Ю. Е. Прохорова концептуальное пространство – это «совокупность исторически сложившихся базовых структурных элементов организации человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве» [3, с. 88].

Современные исследователи пишут о том, что в настоящее время наблюдается глобальная идеологическая переориентация концептосферы общества, характеризуемая, прежде всего, массовыми сдвигами в культуре. К наиболее важным концептуальным изменениям, которые находят выражение в языке, относятся следующие:

- разрушение старой системы политических концептов и их деидеологизация;

– деактуализация старых концептов (*советский человек, коллектив, самопожертвование, герой, авторитет* (высок.)) и вовлечение новых концептов (*совок, секс, имидж, пиар, супергерой, авторитет* (криминальн.)) в сферу массовой коммуникации;

– конкуренция старых и новых концептов (*генеральный секретарь – президент – царь; вождь – лидер – харизматичная личность; репутация – имидж; характеристика – резюме*);

– формирование новых концептуальных доминант, наиболее активно влияющих на другие концептуальные сферы (*бизнес, криминал, насилие*);

– формирование в дискурсе массмедиа новых концептуальных полей (*массовая культура, религия, астрология*) [4].

Наиболее значимой сферой, в которой происходит возникновение, актуализация, вербализация и последующее закрепление в языке новых концептов, является массмедийный дискурс.

Обратимся к рассмотрению такого концептуального пространства, как «Массовая культура», которое в современном дискурсе может напряженно конкурировать с семантическим полюсом «Элитарная культура», воспринимаемым как некая сакральная сфера, в отличие от общедоступной сферы массовой культуры.

Одно из многочисленных пониманий массовой культуры сводится к отождествлению ее с культурой массового общества, которое демократично по своей природе, но лишено сакральности и не способствует духовному развитию и религиозному просветлению человека [5, с. 525].

Исходя из этого, обнаруживается тесная связь массовой культуры с феноменом *массы*, а масса, в отличие от народа или нации, не имеет единой системы ценностей, жизненных установок и поведенческих стратегий, выступая в качестве безличного коллектива, член которого – среднестатистическая личность. Она не отличается креативными способностями, поэтому пассивно усваивает накопленный человечеством социальный и культурный опыт, и ее главным содержанием становится не проявление индивидуальности и целостности сознания, а обладание внешними атрибутами бытия. Вся массовая культура не создается массами, а предназначена именно для масс.

Естественно, что ведущая роль в концептуальном пространстве «Массовая культура» начинает принадлежать **визуальным концептам**: *шоу-бизнес, мода, дизайн, декор, Интернет, телевидение, реклама, кино, имидж, стилистика, вещный «стэндинг», компьютер-*

ные игры и др. Значимость данной системы концептов обусловлена визуализацией современного общества, которая проявляется в ориентации социальной жизни на внешне-образные, зримо-воспринимаемые формы социального существования.

Названные концепты имеют разнообразные формы объективации. Отметим, например, что концептуальная сфера Интернет в настоящее время активно репрезентируется такими единицами, как *интернет-мемы* – коммуникативные знаки сложной формы (высказывания и медиаобъекты), передающие комическую информацию (смешную, ироническую, саркастическую), которая неожиданно приобретает популярность в виртуальном пространстве, активно распространяется через разные каналы связи (форумы, чаты, блоги, социальные сети, мессенджеры и т. п.).

Сам термин «мем» был впервые употреблен оксфордским профессором Р. Докинзом в 1976 году, а в Сети стал активно функционировать в первом десятилетии XXI века. Интернет-мем рассматривается нами как единица лингвокультурной информации, которая благодаря такому признаку, как тиражируемость, становится одним из маркеров массовой культуры. Интернет-мем объективирует концептуальные смыслы, которые аккумулируются в виртуальном пространстве интернета. О. В. Ломакина, например, отмечает текстообразующий потенциал крылатых единиц, которые в трансформированном виде представлены как продукт интернетовского «массового творчества» демотиваторами – одной из разновидностей интернет-мема [6, с. 256–267]. «Массовый» характер приобретают вербализаторы идей о загадочной русской душе, особенностях русского национального характера: *В России две беды – дураки и дороги* (Н. В. Гоголь), *Умом Россию не понять* (Ф. И. Тютчев), *Ударим автопробегом по бездорожью и разгильдяйству* (И. Ильф и Е. Петров) и др.

Ведущей формой массовой культуры следует признать *телевидение*, где акцент делается на эмоциональном восприятии, сопереживании и соучастии. В нашем понимании, телевидение является одним из значимых концептуальных пространств массовой культуры.

Эта сфера проявления массовой культуры хотя и имитирует активность субъекта, провоцируя его на активное включение, тем не менее вызывает лишь эмоциональную реакцию на происходящее. Так, в голливудском кино, полюбившемся российскому зрителю, активно используются дешевые эмоциональные приемы, создающие иллюзию подлинной жизни.

Следовательно, для массовой культуры характерен *эскейпизм*, то есть бегство от реальности в мир фантазий и грез. Эту черту отмечает, в частности, В. П. Шестаков, предполагающий, что именно благодаря эскейпизму массовая культура осуществляет подмену, или, выражаясь языком психоанализа, компенсацию реальности миром обманчивых и утешительных иллюзий [7, с. 124]. Область ирреального, мистического, антиутопического привлекает внимание зрителей все больше, а язык реагирует на такое смещение зрительских приоритетов и предпочтений словами *фэнтези* и *фэнтезийный* (фильм), которые, по сути, тождественны хорошо известным и широко употребляемым *фантастика* и *фантастический*.

Все активнее в русском языке используется слово *концепт-арты* – рисунки, определяющие визуальную эстетику фильма, в частности, образы персонажей. Многие образы киногероев получаются настолько удачными, что заполняют наше сознание, в том числе и языковое: *человек-паук*, *доктор Стрэндж*, *робокон*, *рагнарёк*, *красавица* и *чудовище* и др.

Благодаря научно-фантастическому фильму режиссера Д. Кэмерона «Аватар», впервые вышедшему на экран в 2009 году, визуализируется в массовой культуре и изначально сакральный образ *аватара*. Напомним, что *аватар* – это объект индуизма, ведической религии, брахманизма, где он трактуется как земное воплощение, инкарнация Божества.

Однако обратим внимание на следующий контекст: *Что там думает русский язык? Аватар – сетевой образ человека. «Образ» – неодушевленное имя существительное, а вот «аватар» – одушевленное. Это как «манекен» и «труп» – мертвые, а «кукла» и «мертвец» – живые. «Аватар» означает «воплощение», но кто или что воплощается в Сети? Ведь *аватар* автору не тождествен. Глеб был убежден, что *аватар* – сложный синтез нескольких сущностей. Как минимум трех* (Алексей Иванов. Комьюнити, 2012) [8].

В данном примере герой пытается решить своего рода «лингвистическую загадку» и отнести существительное *аватар* к разряду одушевленных или неодушевленных, и семантический показатель в данном случае является весьма спорным, поскольку в компьютерном жаргоне *аватаром* называется ‘персонаж некоей виртуальной реальности, компьютерной игры, представляющий некоего действительно существующего (обычно управляющего им) человека, игрока’ [9]. Другое употребление лексемы *аватар* тоже характерно для ком-

пьютерного (сетевого) дискурса – ‘маленькое изображение, представляющее определённого человека (пользователя) в виртуальной реальности (форумах, блогах, ICQ и т. д.), наиболее полно отражающее сущность, внешность, характер обладателя’ [9].

Необходимо отметить, что среди важнейших сущностных характеристик массовой культуры большинство исследователей выделяют, помимо уже названных нами, массовость культурных феноменов. Заметим, что именно массовость (тиражируемость), являясь мерой распространения и потребления культурного продукта, составляет основу существования и функционирования массовой культуры и мыслится как один из когнитивных признаков соответствующего концептуального пространства. Языковым показателем активного распространения объекта является синтагматическая связь лексемы, его номинирующей, с адъективом *массовый*: *продукты массового потребления, массовая аудитория, массовая информация, массовая игра, массовая форма* и мн. др.

Современный российский исследователь А. В. Захаров, выделяя главные особенности массовой культуры, обращает особое внимание на то, что «она создает собственный знаковый код, символическую надстройку над структурами реальной повседневной жизни, которая многими миллионами людей воспринимается как полноценный эквивалент самой реальности» [10, с. 5].

В рамках настоящей статьи мы отметили также основные когнитивные признаки, формирующие лингвоконцептуальное пространство «Массовая культура», такие как: общедоступность, внешняя атрибутика, эскейпизм, тиражируемость. Центральную зону данного пространства занимают концептуальные сферы *Интернет* и *телевидение*, выступающие «ретранслятором» и репрезентантом идей и ценностей массового лингвокультурного сообщества XXI века.

Список использованных источников

1. Алефиренко, Н. Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60–66.
2. Николаева, О. В. Концептуальное пространство лингвокультуры в системе трех измерений / О. В. Николаева // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – № 3. – С. 255–259.

3. Прохоров, Ю. Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» / Ю. Е. Прохоров // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. – М., 2005. – Вып. 30. – С. 84.
4. Гловинская, М. Я. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / М. Я. Гловинская, Е. И. Галанова и др. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
5. Бердяев, Н. А. Философия творчества, культуры и искусства / Н. А. Бердяев. – М. : Искусство, 1994. – С. 524–529.
6. Ломакина, О. В. Крылатика в интернет-дискурсе: функционально-прагматический аспект / О. В. Ломакина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке : мат-лы Международной научной конф. – Тула : ТППО, 2018. – С. 254–260.
7. Шестаков, В. П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В. П. Шестаков. – М., 1988. – С. 124.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru> – Дата доступа : 03.09.2019.
9. Викисловарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wiktionary.org> – Дата доступа : 05.10.2019.
10. Захаров, А. В. Массовое общество и культура в России / А. В. Захаров // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С. 3–16.

The article attempts to structure and describe the conceptual space «MassCulture» belonged to the Russian linguistic consciousness and stated in different lexicalunits. The various viewpoints of conceptual space in general are represented and the specificity of cognitive sphere such as «Mass Culture» is outlined.

Keywords: linguoconceptual space, concept, linguoculture, massculture.

УДК 811.161.1'373.2(075)

В. А. Ковалёва

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЁН ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯМИ НОВОЗЫБКОВСКОГО РАЙОНА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье приводятся результаты исследования диалектных особенностей в употреблении имен собственных, обусловленных их бытованием на территории Брянской области, граничащей с Беларусью. Исследование проведено с опорой на монографию С. М. Пронченко и М. А. Мухиной

«Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области» (СПб., 2016).

Ключевые слова: имя собственное, диалектное слово, региолект.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение языковых личностей наших современников – жителей различных регионов, носителей различных типов языковой культуры. Исследование языковой личности включает в себя описание её типов и уровней реализации, факторов, определяющих её свойства, характеристику источников речевого материала.

Национальный русский язык функционирует на территории юго-западных районов Брянской области в условиях смешения с другими восточнославянскими языками – белорусским и украинским. Юго-западные районы Брянщины в разное время принадлежали и Беларуси, и Украине, что обусловило те речевые особенности, которые наблюдаются у местных, преимущественно сельских, жителей и до настоящего времени. Эти отличительные черты речи соответствуют нормам белорусского и украинского языков, а в русском языке являются признаком лексики ограниченного употребления – диалектизмов. Имена собственные, как и имена нарицательные, подвержены влиянию диалекта юго-запада Брянской области.

Согласно монографии С. М. Пронченко и М. А. Мухиной «Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области» [1], диалектные черты в именах собственных, употребляемых жителями Новозыбковского района Брянской области, имеют следующие особенности: фонетические, грамматические и функциональные.

Фонетические особенности раскрываются в звуковой системе говора, как-то: яканье, употреблении у неслогового (ʏ), ɣ фриктивного (ɣ), протетического в, утрате отдельных звуков, замене [чк] на долгий [ц], употреблении в речи твёрдого [р] на месте литературного мягкого.

Так, яканье в первом предударном и / или первом заударном слогах представляет собой произнесение на месте орфографических *е, а, и* – [а] (графически *я*), например:

– *Нясвóяўца* (комоним *Несвóевка* — деревня Новозыбковского района Брянской области);

– *в Веряц́яках* (*в Верещ́аках*, селе Новозыбковского района Брянской области);

– Ляксáндрaвнa (антропоним Алeксáндрoвнa): Як ничэ́сная, тош. Як свáдьба набúдя, привязúть маладúю на двор. Ты ня знáиш, а я у Ляксáндрaвнy [1, с. 176].

У неслоговой (ў) произносится на месте орфографических у, в, л, например:

– с Кли́нцoў (астионим Кли́нцы – город в Брянской области);

– Яло́ўкa (комоним Яло́вка – село в Красногорском районе Брянской области);

– Жукóўскый (антропоним В. А. Жукóвский — поэт, основоположник романтизма): Ну как традицыóнна уада́ли? Как у Жукóўскава напíсана (Записано от жительницы г. Злынка Брянской области Тарановой Анны Ивановны 1937 г. р.) [1, с. 183].

Г фрикативный (ɣ) сохранился в южнорусских говорах, а также в других языках восточнославянской ветви славянских языков: украинском и белорусском. Вместе с тем и в языке русском существует несколько лексем, нормой в которых является произношение Г фрикативного (ага, ого, господи) [2, с. 46]. Встречаются следующие варианты говоров:

– уауáрына (антропоним – фамилия Гага́рина): Лéна э́та. Ты знáиш во уауáрына (Записано от жительниц села Каташин Новозыбковского района Брянской области Злобовой Юлии Фёдоровны 1930 г. р. и Злобовой Елены Макаровны 1941 г. р.);

– уóмель (астионим Го́мель – город в Беларуси);

– Пауóн (городской хороним Пентаго́н — неофициальное название одного из многоквартирных домов в Новозыбкове): У мяне́ во малади́ца ў Пауóне жыве́ць... (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Елисеенко Нины Макаровны 1937 г. р.) [1, с. 78].

Протетический в присоединяется в начале слова перед гласным для облегчения произношения [3, с. 173]: И Во́льуа э́та памёрла (Во́льуа, т. е. О́льга) (Записано от жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Татьяны Афанасьевны Пастуховой 1934 г. р.) [1, с. 81].

В некоторых говорах встречается утрата отдельных звуков: Раждво́, Ражаство́ (геортоним Рожде́ство – один из главных христианских праздников): На Раждво́, на трэ́ттий день Ражаства́, дивя́тауа. Тры́ццаць сядьмо́уа (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Елисеенко Нины Макаровны 1937 г. р.) [1, с. 126].

Замена [чк] на долгий [ц]; твёрдый [р] представлены в следующих записях:

– *Панясú ш я, ésta ш мáтки. Панясú я Тóмаццы малачкó (Тóмаццы, т. е. ум.-ласк. Тóмочке) (сравн. с употреблением нарицательных существительных: на руцэ́ (на руке); ў кнíжцэ́ (в книжке); на ўлаццэ́ (на улочке); ў рóзавай рубáшцэ́, ў рóзавай сарóццэ́ сядíць на табурэ́ццэ́ (в розовой рубашке, в розовой сорочке сидит на табуреточке);*

– *У нас лáуерь бýў, за шэсть килóмэтраў ат сялá, там пасёлачик у нас бýў Барэ́ц (Борéц – бывший посёлок в Новозыбковском районе, возле села Новые Бобовичи). Так вот килóметры чятýры ў лес да рóуа ишлá, чэры́с рэ́чку мóстик издéланы. И там у нас стая́ли карóвы (Записано от жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Ольги Фёдоровны Ерошенко 1933 г. р.) [1, с. 135–138].*

Грамматические особенности отражают специфику грамматического строя языка и заключаются в переносе ударения, изменении грамматического рода, форм имён, наличии особых окончаний.

Количество акцентологических классов и их состав неодинаковы в разных говорах [4, с. 75]. В говорах пограничья Брянской области перенос ударения проявляется часто: *Брат ў мянэ́ на Укρά́йне жы-вётъ. На Укра́йне сичя́с...* (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Елисеенко Нины Макаровны 1937 г. р.) [1, с. 69].

Грамматический род у существительных в говорах и в литературном языке не всегда совпадает. В говорах могут наблюдаться многочисленные колебания в роде: средний род может быть вместо литературного женского рода или мужского [2, с. 50]. Изменение грамматического рода встречается, например, в имени собственном *Свят-скáя* (ж. р.): *Ў рáнне фста́ну, да рабóты, пабяу́ на Свяцкóўскауа... (у нас далёка лес ат нас). Пабяу́ вот за зéльем и за карзíну (паку́да ще итíць на рабóту, я ужó прíнясу́ полкарзíны, ху́ть як идé там, мóжа, и карзíну (грибов); Жылá яна́ на краю́. Туды́ вон пат Свяцкóй* (Примеры записаны от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.) [1, с. 35].

В диалектах встречаются особые окончания: *Вáря, забя́рiте з Никíтам* (с Никитой); *улядíте, маí дэ́тачки, ни идíте к ба́бе Ма́шы* (т. е. к бабе Ма́ше) *пад я́бланку... Ат нас к ба́бе ни идíте: ба́ба*

иуо́лак панаты́ркывала ў зямлю́, пакóлите. И слет падбярэ́ць ваш, и но́уи у вас атка́жать (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.) [1, с. 38].

Функциональные особенности собственных имён связаны с собственно ономастическими процессами. Эти специфические черты проявляются в употреблении

– эллиптированных имён (имён-эллипсисов):

Как рас жані́лися, сва́дьба бы́ў. Ў ёта ўрэ́мя. На Пятро́. На Пятро́ уарэ́ли! На ку́мушки. Наза́втрауа Пятра́. Пятро́ двяна́цца́тауа, а мы наза́втрауа Пятра́ уа[рэ́ли]... (геортоним *Петро́в* день – день святых Петра и Павла, отмечается 12 июля) (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.);

– индивидуальных и семейно-родовых прозвищ:

Ой (А нас па-улаи́наму Жываде́ркины дражні́ли), у Жываде́рак ужó сві́нни, парася́ты, ужэ́ сві́нни тэ́й! (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.);

– трансонимизированных имён, т. е. онимов, перешедших из одного ономастического разряда в другой:

Вот из клу́ба бу́дим ити́ть, вот там недалёка атсю́ль мо́стик, зва́ўся «Бульба́чкин». Хто што ба́чиў, то и раска́жа. Выхо́дя ну жэ́нщина ў бе́лай... руба́шке атсю́ль и да са́мауа да э́тауа. Хло́пцы асме́лялися – и за вара́тнік патруси́ли еé. А то на́ша ба́ба бы́ла.

– *Ні́на бы́ла, Бульба́чкина <...> Яны́ паи́лі. Дак яны́ утякли́ ў хво́ртачку, туды́ к Бульба́ўцам* (Записано от жительниц села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Ольги Фёдоровны Ерошенко 1933 г. р. и Татьяны Афанасьевны Пастуховой 1934 г. р.)

– просторечных форм фамилий, называющих лиц женского пола:

Да́нчиха к ёй э́здит (ана́ мне сватта́). И з у́орада э́здя шэ́пта́цца атту́ль (Да́нчиха ← антропоним Да́нченко) (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.);

– особых форм антропонимов – личных имён:

Ой (на еé, Мо́тяй заву́ть), – кажу́. Ни по́йдим мы. Э́та так, абма́н и фсе́». Ти́шэй-ка. Ти́шэ, ти́шэ. Што бу́ло с абма́нам э́тым! (Мо́тя ← антропоним Матрё́на) (Записано от жительницы села Ве-

рещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.);

– отчеств без имён: *Данілавна была́ у нас учы́телка*;

– разговорных форм антропонимов – личных имён:

Эта Ва́рка! Э́та та́я ве́дьма зде́лала! (Ва́рка ← антропоним Варва́ра); И а́на ужэ́ та́ка́я по́лная Ра́йка; Я кажу́: «...Ни́нка, ты ба́чиш Ра́я бе́линькая яна́?» – «Да, бе́линькая». А́на ш была́ кра́сная. (Записано от жительницы села Верещаки Новозыбковского района Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р.);

– микротопонимов – названий малых географических объектов:

И вот ён па́ехаў, зава́рачюеца на Тима́шкоўцину, и я иду́ тixóнька (Записано от жительницы села Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области Татьяны Афанасьевны Пастуховой 1934 г. р.) [1, с. 146–169].

Таким образом, проанализировав употребление имен собственных в речевой практике диалектоносителей юго-западных районов Брянской области на материале монографии С. М. Пронченко и М. А. Мухиной «Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области», мы обнаружили имена собственные с разными особенностями употребления. Приведенные имена собственные несут в себе смысловую информацию, понятную населению конкретной местности и наиболее важную для него. За ними закреплена прежде всего информативная функция, которая связана с отражением истории, географии этноса, они свидетельствуют о различных традициях народа, верованиях, обрядах, местах действия, которые играли важную роль в жизни людей, проживавших на территориях юго-западных районов Брянской области.

Список использованных источников

1. Пронченко, С. М. Фольклор и язык приграничных с Беларусью Новозыбковского и Злынковского районов Брянской области : сборник материалов полевых исследований / С. М. Пронченко, М. А. Мухина. – СПб. : Изд-во «ЛЕМА», 2016. – 207 с.
2. Молчанова, Т. И. Русская диалектология / Т. И. Молчанова. – Саранск : Мордовский государственный университет, 2008. – 108 с.
3. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01; Том. гос. ун-т / Е. В. Иванцова. – Томск, 2003. – 46 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2009. – 700 с.

The article analyzes the dialect features in the use of proper names, due to their existence in the Bryansk region, bordering Belarus with the support of the monograph by S. M. Pronchenko and M. A. Mukhina, "Folklore and language of the Novozybkovsky and Zlynkovsky districts of the Bryansk region bordering Belarus "(St. Petersburg, 2016).

Keywords: proper name, dialect word, regiolect.

УДК 811.161.1'42:821.161.1-1*А. Ахматова

Т. Б. Лапко

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
СТИХОТВОРЕНИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ
«ТЫ ПИСЬМО МОЕ, МИЛЫЙ, НЕ КОМКАЙ»**

В статье предпринята попытка филологического анализа стихотворения Анны Ахматовой «Ты письмо мое, милый, не комкай». Рассматривается связь содержания стихотворного текста с обстоятельствами личной жизни поэта. Анализируются семантика и символическое употребление ключевых слов, раскрывающих внутренний мир автора стихотворения.

Ключевые слова: стихотворный текст, личная жизнь, семантика слов, контекстуальные синонимы, символы.

В любовной лирике Анны Ахматовой стихотворение «Ты письмо мое, милый, не комкай» занимает одно из центральных мест, поскольку передает настроение поэтессы в один из самых драматичных периодов ее жизни. Оно было написано в 1912 году, когда Анна, ожидая рождения ребенка, переживала очередную разлуку с мужем – Николаем Гумилевым. Судя по архивным сведениям, проблемы в этом браке были очевидны для окружающих изначально, так как еще 25 апреля 2010 года, в день свадьбы, мемуаристка Аманда Хейт сделала следующую запись: «Свадьба Ахматовой и Гумилева. Родственники Ахматовой считали брак заведомо обреченным на неудачу, и никто из них не пришел на венчание, что глубоко оскорбило ее» [1]. В конце сентября того же года Гумилев на четыре месяца уезжает в Африку, и именно в это время Анна Ахматова пишет свое знаменитое стихотворение, в котором в лаконичной форме гениально передается несовместимость мужской и женской картин мира:

*Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.*

В мае 1912 года Гумилев пишет жене письмо из Слепнево – деревни, где находилось имение его матери Анны Ивановны, в имение Литки Подольской губернии, в котором Анна гостила у своей кузины. Содержание следующего отрывка из письма свидетельствует о том, что, с одной стороны, Гумилев проявляет заботу о беременной жене, интересуясь ее здоровьем, и сообщает ей приятные подробности о приготовлении к рождению ребенка, а с другой – рассказывает жене о своих увлечениях, которые, скорее всего, малоинтересны женщине «в положении»: «Милая Аничка, как ты живешь, ты ничего не пишешь. Как твое здоровье, ты знаешь, это не пустая фраза. Мама нашла кучу маленьких рубашечек, пеленок и т. д. <...> Я увлекся также верховой ездой, собственно, вольтижировкой, или подбóбьем ее. Уже могу на рыси вскакивать в седло и соскакивать с него без помощи стремян. Добиваюсь делать то же на галопе, но пока неудачно» [1].

Между тем Анна Ахматова в этот период, как можно предполагать, в определенном смысле слова переосмысливала свою прежнюю жизнь и стремилась понять новое для нее мироощущение. Монолог лирической героини этого стихотворения – одновременно и монолог самой Ахматовой, испытывающей чувство горечи и обиды из-за того, что близкий ей человек ее не понимает. Очевидно, что в первой строфе заявлена основная мысль всего произведения – переживание из-за ощущения отчужденности в отношениях с мужем:

*Ты письмо мое, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.*

В приведенном фрагменте ключевыми словами для понимания внутреннего мира поэта являются синонимичные номинации *незнакомка* и *чужая*, причем если первое из этих слов реализует конкретное значение ‘незнакомый, неизвестный человек’, то второе обладает более выразительной негативно-оценочной семантикой: ‘не свой, принадлежащий другим’; ‘не родной, посторонний’; ‘далекий по духу, по взглядам’. Однако лирическая героиня не просто сетует на судьбу, она ищет примирения и – самое главное – понимания: слова

незнакомка и *чужая* в следующем фрагменте противопоставляются позитивно-оценочным номинациям *любимая* и *твоя*, выполняющим, в свою очередь, роль контекстуальных синонимов:

*Не гляди так, не хмурься гневно,
Я любимая, я твоя.*

Очевидно, что местоимение *твоя* в данном случае наделяется не только семантикой притяжательности, но и реализует более глубокое, контекстуально обусловленное «интимное» значение, указывающее на безраздельную принадлежность героини стихотворения – любящей и страдающей от неразделенной (как ей кажется) любви – к ее «милому».

Важнейшим для понимания замысла рассматриваемого стихотворения является следующий – основной – фрагмент, в котором, как и в других случаях, употребляются наполненные глубоким смыслом поэтические слова-символы:

*Не пастушка, не королева
И уже не монашенка я –
В этом сером будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.*

Стремясь к достижению понимания со своим воображаемым собеседником, лирическая героиня заявляет о себе как о человеке, в сознании которого произошли серьезные изменения, поэтому она уже *не пастушка*, *не королева* и *не монашенка*, и отрицание *не* в данном случае выполняет важную смыслоорганизующую роль: пасторальность и простота пастушки, холодность и неприступность королевны, святость и непорочность монашенки – все эти ее искусственные маски и образы в прошлом. А в стихотворном тексте перед нами – обычная женщина, и описание этой общности (серое будничное платье и обувь со стоптанными каблуками) по-женски откровенны и обезоруживающе-просты, что является свидетельством «отрезвления», «приземленности» героини, иного понимания ею своего места в окружающей действительности. Главное же заключается в том, что она стремится убедить любимого ею человека в постоянстве, неизменности своих чувств:

*Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.*

Композиционно данное стихотворение имеет «кольцевую» структуру: последняя строфа начинается с той же строки, что и первая («Ты письмо мое, милый, не комкай»), однако она имеет совершенно другую – «пожелательную» – направленность. Пожелание *не плачь*

о заветной лжи весьма сложно для истолкования, но можно предположить, что словосочетание *заветная ложь*, интерпретируемое как ‘ложно понимаемое любовное чувство’ и содержащее скрытый упрек, является по своему характеру оксюмороном, поскольку слово *ложь* (‘намеренное искажение истины, явный обман’) сочетается в этом случае с позитивно-оценочным словом *желанный*, включающим такие смысловые элементы, как ‘сокровенный, задушевный’, ‘свято хранимый, дорогой по воспоминаниям’.

Второе поэтическое «пожелание» (*Ты его в твоей бедной котомке / На самое дно положи*) также не может быть понято буквально: каждое из слов, входящих в состав ключевого словосочетания *бедная котомка*, обладает собственным «скрытым» смыслом. Устаревшее слово *котомка* имеет словарное значение ‘дорожная сумка, заплечный мешок’, но тем самым котомка, как неизменный атрибут странствующего, часто находящегося вне дома человека, символизирует и специфический образ жизни, чуждый и непонятный замужней женщине, для которой, выражаясь словами самой Анны Ахматовой, привычен и естественен *чай с малиной* – символ домашнего очага и семейного уюта. Прилагательное *бедный* (*бедная котомка*) также реализует, как можно предположить, не прямое ‘материально неимущий’, а переносное значение – ‘имеющий недостаток в чем-нибудь, скудный’. Таким образом, поэтический образ бедной котомки, принадлежащей воображаемому собеседнику Анны Ахматовой, может быть истолкован как вызывающий сочувствие и даже жалость образ жизни ее мужа, находящегося в постоянных поездках и далеких странствиях. Подобная обрисовка в чем-то «бедных», чем-то обделенных, вызывающих жалость мужских персонажей, по мнению исследователей, типична для творчества поэтессы в целом. Как отмечает Н. И. Копылова, «в лирике Анны Ахматовой очень часто страдающая роль принадлежит мужчине: он “совёнок замученный”, “мальчик-игрушка”, “неприкаянный”, с ним может случиться Беда любви» [2, с. 57].

Проведенный филологический анализ стихотворного текста выдающегося Поэта Анны Ахматовой позволяет лишь в незначительной мере проникнуть в ее «творческую лабораторию», понять связь ее Поэзии с различными обстоятельствами ее сложной и противоречивой жизни.

Список использованных источников

1. Чабан, А. Ахматова и Гумилев: от брака до развода. Семейная хроника двух великих поэтов, восстановленная по дневникам, письмам и мемуарам / А. Чабан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://arzamas.academy/materials/311> – Дата доступа : 12.10.2019.

2. Копылова, Н. И. О любви в лирике М. Цветаевой и А. Ахматовой: сравнительный анализ / Н. И. Копылова // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». – 2002. – № 1. – С. 52–61.

The article attempts to philologically analyze the poem by Anna Akhmatova, «You are my letter, dear, do not crumple». The relationship between the content of the poetic text and the circumstances of the personal life of the poet is considered. The semantics and symbolic use of keywords revealing the inner world of the author of the poem are analyzed.

Keywords: poetic text, personal life, word semantics, contextual synonyms, symbols.

УДК 811.161.1'37

А. В. Лобанович

**ФАМИЛИИ СТУДЕНТОВ ГРУППЫ РФ–41
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА:
СТРУКТУРА И ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА**

В статье исследуются происхождение, структура и этимологическая семантика некоторых фамилий студентов группы РФ–41 в соответствии с общей классификацией фамилий и делением их на патронимические и непатронимические.

Ключевые слова: фамилия, семантика, происхождение, структура, патронимический, непатронимический.

Имена и фамилии – важные элементы общего языкового и культурно-исторического наследия народа. Кроме своей основной функции – идентификации личности, выделения человека из определённой социальной и этнической среды, они выполняют и культурно-историческую функцию, являясь фактически энциклопедией истории, быта народа и его образа мышления.

В восточнославянской антропонимии особым своеобразием отличаются фамилии. Каждая фамилия – это наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трёх поколениях; иначе – наследуемое

официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определённой семье [1].

Происхождение фамилий у восточных славян, как отметили Н. В. Бирилло и В. А. Никонов, точно дифференцировано в соответствии с социальным статусом лиц. Так, у князей и бояр фамилии сформировались в 14–16 вв., у дворян и шляхты – в 15–17 вв., у купцов – в 17–19 вв., у крестьян – в 18–19 вв., а у некоторых народов бывшего СССР – только в советский период [2].

Все фамилии, представленные в студенческой группе, относятся к одному из двух основных типов – патронимическому или непатронимическому. Патронимический тип, в свою очередь, представлен фамилиями русского, белорусского, украинского и грузинского типов.

Патронимические именования (от греческого слова *патроним* в значении ‘имеющий имя отца’) образовывались от имени или прозвища отца или предков по отцовской линии. Соответственно, любая патронимическая фамилия указывает на именование её первого носителя.

Патронимические фамилии русского типа образовывались преимущественно по следующим двум схемам: а) мирское имя (прозвище) – отчество от мирского имени (прозвища) в форме полуотчества – фамильное прозвание – фамилия; б) христианское имя – отчество от христианского имени в форме полуотчества – фамильное прозвание – фамилия [1]. Эти фамилии имеют суффиксы *-ов/-ев*, *-ин/-ын*. В качестве примеров патронимических фамилий русского типа рассмотрим происхождение фамилий студентов группы РФ–41 *Аксёнчиковой-Бирюковой Ангелины* и *Завтриковой Полины*.

Двойная фамилия *Аксёнчикова-Бирюкова* является искусственно созданной, поскольку, выйдя замуж, Ангелина оставила свою фамилию и присоединила к ней фамилию мужа.

Оба компонента двойной фамилии русского типа являются патронимическими с суффиксами *-ов/-ев*.

Фамилия *Аксёнчикова* образована от именования *Аксёнчик*, которое в белорусском языке может иметь патронимическое («сын Аксёна») или экспрессивно-уменьшительное значение. Антропонимическая форма *Аксён* представляет собой народный вариант христианского имени *Авксентий* [1].

Фамилия *Бирюкова* образована от прозвища *Бирюк*, которое соотносится со словом *бирюк* в значениях ‘волк-одиночка’, перен. ‘нелюдимый человек’ [3]. Согласно «Толковому словарю живого великорусского язы-

ка» В. И. Даля, слово *бирюк* может означать также ‘медведь’, ‘барсук’, ‘годовалый бычок’ [4]. В случае отображения этих значений в антропониме *Бирюк* меняется его статус – мирское личное имя.

В «Этимологическом словаре русского языка» Г. А. Крылова происхождение данного слова объясняется следующим образом: «Это слово имеет значение ‘волк, волк-одиночка’, а заимствовано из тюркских языков. Из татарского *бури* – волк в русском языке получилось *бирюк*, возможно, под влиянием таких слов, как *барсук*» [5].

Патронимическая фамилия *Завтрикова* образована при помощи суффикса *-ов* от мирского имени (прозвища) *Завтрик* в значении ‘родившийся после утра, в полдень’ [6].

Кроме приведённых выше примеров, к патронимическим фамилиям русского типа в анализируемой нами группе относятся следующие: *Барсукова, Великий, Гапеева, Горбачёва, Давыдова, Додонова, Кобекова, Кильдеева, Ласаева, Малашков, Мацуганова, Печенькова, Сологубова, Фёдорова, Ярославцева, Шарникова*.

Указанные фамилии образованы от форм христианских имён (*Гапеева, Давыдова, Малашков, Фёдорова*) либо от мирских имён и прозвищ. Русский тип патронимических фамилий представлен в группе наиболее широко.

К патронимическим фамилиям украинского типа на *-енко* относятся три фамилии, образованные от форм христианских личных имён (*Борисенко, Геращенко, Романенко*).

Белорусские патронимические фамилии также присутствуют в фамильном фонде студентов анализируемой группы (*Кудласевич, Лобанович*).

Патронимическая фамилия *Лобанович* в форме отчества означает ‘потомок Лобана’. Прозвище *Лобан* означает ‘человек с большим лбом, головастый’.

На территории Беларуси проживают люди разных национальностей и вероисповедания. Этот факт нашёл своё отражение и в фамилиях студентов группы РФ–41. Имеем в виду грузинскую патронимическую фамилию *Жоржолиани*, которая означает ‘выходец из семьи Жоржоли’. *Жоржоли* – это одна из грузинских форм христианского личного имени *Георгий* [6].

Непатронимические фамилии, не связанные с именованием родоначальника фамилии и характеризующие первого их носителя в том или ином отношении, представлены среди студентов группы РФ–41 пятью примерами (*Белодед, Березовская, Бобёр, Лапицкая, Шибут*).

Непатронимическая фамилия *Белодед* образована от прозвища *Белодед* («белый дед»), имеющего мифологический подтекст. Белый дед – это своеобразный проводник между пространственными сферами. По поверьям, чаще всего появляется в лесах в виде старичка с белой бородой. Нельзя наверняка сказать, положительный он или отрицательный.

Фамилия *Шибут* образована от прозвища *Шибут*, которое может быть сопоставлено с глаголом *шебутиться* ‘возиться, копошиться’ или с прилагательным *шебутной* ‘озорной, весёлый, неуёмный’.

Фамилии *Лапицкая* и *Березовская* могли быть образованы от названий населённых пунктов – *Липичи* и *Берёзов(о)*.

Фамилия *Бобёр* восходит к мирскому личному имени тотемного типа *Бобёр*, связанному со словом *бобр* (‘животное из породы грызунов с ценным мехом’) [3].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. С точки зрения происхождения среди фамилий студентов группы РФ–41 абсолютное большинство составляют патронимические фамилии русского типа на -ов/-ев. Кроме того, представлены патронимические фамилии белорусского, украинского и грузинского типов. Непатронимические фамилии, как правило, образованы от названий населённых пунктов, прозвищ или мирских имён тотемного типа.

Список использованных источников

1. Рогалев, А. Ф. Историческая антропонимия Гомеля и его окрестностей / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2009. – 152 с.
2. Сцяцко, П. У. Антрапонімы Беларусі: паводле беларускамоўнага друку / П. У. Сцяцко // Роднае слова. – 2015. – № 10. – С. 46–47.
3. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка : 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт : Техпласт, 2005. – 1239 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2007. – 699 с.
5. Крылов, Г. А. Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. – СПб. : ООО «Виктория плюс», 2004. – 432 с.
6. Рогалев, А. Ф. Словарь фамилий жителей Гомеля и Гомельского района / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2019. – 735 с.

The origin, structure and etymological semantics of some surnames of students of the RF-41 group are studied in accordance with the general classification of surnames and their division into patronymic and non-patronymic.

Keywords: *surname, semantics, origin, structure, patronymic, non-patronymic.*

К. А. Новикова

**КОНТЕКСТНЫЕ АНТОНИМЫ В НАРОДНОЙ ПЕСНЕ
«КАЗАЧЕНЬКА МОЛОДЕНЬКИЙ» КАК ВЕРБАЛИЗАТОРЫ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ РУССКИХ**

В статье анализируются антонимические парадигмы, которые структурируют лирическую песню «Казаченька молоденький». Оценивается метафорическое и символическое наполнение лексических единиц, посредством которых определяется понимание нравственной матрицы русского народа.

Ключевые слова: лирическая песня, антонимы, этнокультурные ценности, русские.

В лирической песне д. Рудня-Воробьевка «Казаченька молоденький» широко представлены контекстные антонимические парадигмы, вербализирующие отношения молодых людей, именующих друг друга *казачэнька маладэнький* и *любка дараўа* соответственно (здесь и далее сохранены фонетические особенности брянского говора). Следует отметить, что в песне представлены отношения неженатых молодых людей. И события развиваются по мере потери интереса молодого человека к девушке. Тогда как в песнях, содержание которых сводится к иллюстрации отношений мужа и жены («*Як даждусь я масьлиннай нядели*», «*Грамада*», «*А в барына*», «*А там на талчку на базары*»), используются наименования *жана, муж, бабы, мужики, сьвёкар, сьвякруха*. Текст песни «Казаченька молоденький» демонстрирует традиционные, устойчивые в русском социуме представления морально-нравственного диапазона. К девушкам в обществе всегда предъявлялись более высокие требования, чем к мужчинам, именно девушка несла ответственность за последствия отношений, поэтому она должна была не один раз подумать, прежде чем принять решение, что отмечалось исследователями [1; 2 и др.].

*Казачэнька маладэнький, йде ж мы будим с табой спатъ? / В са-
ду зялёнам пад иўрушай, ты ж мая любка дараўа./ Казачэнька мала-
дэнький, что ж мы будим пад бок слатъ? / Стяли-ка сенца пад маё
серца, ты ж мая любка дараўа. / Казачэнька маладэнький, чым мы
будим вкрывацца?/ Я – тучай, хмарай, ты-худой славай, ты ж мая
любка дараўа./ Казачэнька маладэнький, чым мы будим вмывацца? /*

А я – расою, а ты – слязою, ты ж мая любка дарауа. / Казачэнька маладэнький, чым мы будим втирацца? / Я – палатенцам, ты – сваем серцам, ты ж мая любка дарауа. / Казачэнька маладэнький, что ж мы будим с табой есть? / Я буду булку, ты думай думку, ты ж мая любка дарауа. / Казачэнька маладэнький, йде ж мы будим с табой жыть? / Я пайду к роду, ты прыхай в воду, яй ни люблю большы тибя. / Казачэнька маладэнький, ни видать у моры дна. / Я табе кажу, й каминь прывяжу, я й ни люблю большы тибя.

На примере данной лирической песни мы можем увидеть, как меняется отношение молодого человека к своей избраннице. Следует отметить, что в ответе *казачэньки* на вопрос *йде ж мы будим с табой спать?* не наблюдается контекстных антонимов. Однако затем ситуация меняется, и контекстные антонимы служат выражением чувств молодого человека. Но и в самом ответе *В саду зялёнам пад иўрушай* прослеживается несерьезность намерений *казачэньки*.

Оппозицию *любка дарауа – казачэнька маладэнький* репрезентируют личные местоимения: в речевой партии девушки слово *мы* употребляется семь раз, что указывает на стремление к общности, на включение себя в совместные отношения с собеседником. В ответах *казачэньки* данная лексема не прослеживается. Однако в его репликах фигурирует местоимение единственного числа *я*, и это яркий показатель того, что молодой человек не желает видеть рядом с собой эту девушку, которую все еще называет *любка дарауа*. В его высказываниях местоимение *я* (употребляется девять раз) противопоставлено *ты* (восемь употреблений в качестве контекстного антонима).

Прагматические интенции песни – отметить важность неравенства в отношениях партнеров, что проявляют корреляты *палатенца / свое серца; раса / сляза; к роду / в воду*.

В тексте песни представлены и другие контекстные антонимы, например, на вопрос девушки *чым мы будим вкрывацца?* следует ответ: *Я – тучай, хмарай, ты – худой славай*.

Наряду с прямым значением субстантив *туча* имеет метафорически-символическое значение, которое реализовано в контексте. А. А. Потебня считал, что в ряде случаев у слов развивалось метафорическое значение, которое потом могло «послужить поводом к созданию живого образа» [3].

В символическом значении слов *облако* и *туча* доминирует компонент действия – ‘заволакивать’, ‘обволакивать’, ‘закрывать’, а *облако*, кроме того, ассоциируется с тканью... «Ткань – символ покрыванья» [4, с. 37], исходя из чего мы можем сделать вывод, что *вкрывацца тучай хмарай* – значит ‘укрыться от чужого мнения, от славы’.

А. А. Потебня отмечает также, что «слава в млр. наречии чаще принимается в дурном, чем в хорошем смысле» [4, с. 37]. Данное утверждение иллюстрирует в русском языке производный от субстантива *слава* глагол *ославить* – ‘обесславить молвой, распустить о ком худую славу, слух, огласить что укорно’ [5, с. 1146], в то время как лексема *слава* может включать в семантику компоненты как пейоративного, так и мелиоративного плана: «... слава... как кто слывет, прослыл в людях; молва, общее мнение о ком, о чем, известность по качеству. О нем добрая, плохая слава ходит. Живи всяк своей славой. Кто как поживет, такая слава и пойдет (такой славой и прослывет)» [6]. В иллюстративной зоне статьи интерес представляет паремия *Девичья слава, что зеркало: идохнуть нельзя*, подчеркивающая особый уровень строгости русских людей к незамужним девушкам.

Далее на вопрос девушки *чым мы будим вмывацца? казачэнька* отвечает: *А я – расою, а ты – слязою, ты ж мая любка дарауа*. Неравенство отношений партнеров подчеркивается в антонимической паре *расою / слязою*.

Выбрав для себя *росу* как символ свежести, чистоты и в то же время безответственности, молодой человек обрекает девушку на умывание *слезами* как расплату за их любовь. При этом всю ответственность с себя он снимает, что противоречит даже пословице *Баба слезами откупається, а мужик спиною*, согласно которой наказание предусмотрено для обоих. Здесь слезы женщины символизируют расплату за содеянное.

На вопрос *чым мы будим втирацца? казачэнька* незамедлительно дает ответ: *Я – палатенцам, ты – сваим серцам, ты ж мая любка дарауа*.

В. И. Даль отмечает что сердце – это представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала... противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце [6]. Отсюда значение выражения *вытираться сердцем* ‘вытираться своей же любовью, своими чувствами, т. е. мучиться, страдать’. Корреляты *полотенце / сердце* отражают приземленное, обыденное с одной стороны (*казачэньки*) и возвышенное, духовное с другой (*девушки*), и в данной оппозиции усматривается резкая противопоставленность друг другу молодых людей. Антонимические пары *булку / думку, к роду / в воду* также ярко демонстрируют взаимоотношения *казачэньки* и девушки по мере развития сюжета. В конечном итоге молодой человек отказывается от своих чувств вообще: *я й ни люблю большы тибя*. Он предлагает девушке прыгнуть в воду, а для доведения дела до конца еще и привязать камень.

Таким образом, на примере лирической песни «Казаченька молоденький» мы можем проследить, как слова и словосочетания, пред-

ставленные в системе парадигматических отношений, отражают нравственную платформу русского народа.

Список использованных источников

1. Головачева, О. А. Нравственные проблемы публицистики Н. С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора / О. А. Головачева. – Брянск, 2011. – 19 с.
2. Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. А. Головачева. – Смоленск, 2017. – 548 с.
3. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности. Фрагменты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb_notes.htm/ – Дата доступа : 05.11.2019.
4. Потебня, А. А. Символы славянской мифологии / А. А. Потебня. – М. : Вече, 2018. – 383 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. / В. И. Даль. – Т. 3. – М. : Русский язык Медиа, 2003. – 555 с.
6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gufo.me/dict/dal/> – Дата доступа : 04.11.2019.

The article analyzes the antonymic paradigms that structure the lyric song “Young Cossack.” The metaphorical and symbolic content of lexical units is assessed, through which the understanding of the moral matrix of the Russian people is determined.

Keywords: lyric song, antonyms, ethnocultural values, Russians.

УДК 811.161.2'373.7-021.272

І. М. Полюжин

ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ ЗІСТАВНОГО ВИВЧЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЇ

В статті говориться об основних положеннях теорії сопоставительних досліджень фразеологічного складу мов, що знаходяться на етапі свого становлення і розвитку і викликають все більший інтерес дослідників. Приведені приклади різних типів міжмовних відносин. Сделан вывод о наличии непрямого фразеологічного тотожства між регулярними значеннями порівнюваних фразем англійської і української мов.

Ключевые слова: фразеологизм, сопоставительное изучение, типы межъязыковых отношений, не прямое тождество, регулярные фразеологические значения.

Теорії зіставного вивчення фразеологічного складу мов знаходяться на етапі свого становлення й розвитку, викликаючи зростаючу зацікавленість дослідників. Взаємне співвіднесення, порівняння і протиставлення мовних категорій, розрядів та інших лінгвальний явищ, установлення суттєвих формальних і смислових зв'язків між ними виступає нині обов'язковою умовою характеристики кожного з них.

За останні роки зіставні дослідження стають найбільш актуальними і в установленні подібностей та відмінностей у структурах різних мов, що є особливо важливим для створення основ ефективної міжкультурної комунікації [1; 2]. Посилений інтерес викликають також дослідження в галузі фразеології, в якій найбільш очевидно виявляється своєрідність побуту, життя певного народу через те, що фразеологія концентрує в собі весь складний комплекс культури й психології етносу, неповторний спосіб його образного мислення. Перекази й легенди, що відходять у небуття, забобони, обряди й звичаї, традиції, народні перекази, події, що стосуються цілого народу чи невеликої його частини, залишили помітний слід у великій кількості фразем у складі будь-якої мови. Саме тому проблеми пошуку точок перетину різних мов і їхнього фразеологічного складу нині зацікавлюють лінгвістів та передбачають необхідність докладного опису як універсальних, так і індивідуальних можливостей функціонування фразеологічних одиниць.

Упродовж останніх десятиріч з'явилася значна кількість фундаментальних праць, основним завданням яких є вивчення типології міжмовних фразеологічних відношень двох і більше як близькоспоріднених або віддаленоспоріднених, так і неспоріднених мов. Вивчення і порівняння фразем у двох і більше мовах дає змогу виявити відмінності й особливості культур, менталітету цих народів, іноді навіть відмінності у мисленні їхніх носіїв, що є актуальним і для представників інших наукових дисциплін. Таке вивчення може привести й до появи деяких історичних паралелей, характерних для народів, які по-різному взаємодіяли між собою. У першу чергу, це стосується наукових праць В. Д. Ужченка, М. В. Жуйкової, В. В. Жайворонка, Ю. П. Солодуба, В. М. Мокієнка, О. В. Куніна та ін. [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Вивчення фразеології у зіставному аспекті пов'язане нині з низкою труднощів, які пояснюються нерозробленістю теоретичних проблем фразеології й відсутністю єдиних принципів лексикографічного

опрацювання фразеологічного складу різних мов. Дотепер остаточно не встановлені критерії визначення фразеологічних одиниць, відсутня також єдність думок щодо категоріальних властивостей цієї одиниці. Такі поняття, як усталеність, відтворюваність, ідіоматичність, експресивність та образність, постійно піддаються критичному перегляду, їхня роль у дефініції фразеологічних одиниць то надмірно збільшується, то надто применшується. Саме в зіставленні найяскравіше виявляються елементи подібностей і відмінностей між мовами, виділяються як універсальні, такі специфічні явища на різних мовних рівнях.

Національна специфіка мови, як відомо, виявляється на всіх рівнях. Фразеологічний склад мови серед них є найяскравішим репрезентантом національного колориту, відображеного у структурі й семантиці фразеологічних одиниць. У фраземах найбільш докладно простежується спосіб мислення і психологія народу, що віддзеркалюється на змістовій стороні цієї одиниці, в основі якої лежать образи, які часто пов'язані з суто національними реаліями.

Національна специфіка фразеологічного складу визначається також умовами життя народу, флорою, фауною, географічним розташуванням, історією, культурою, звичаями, традиціями, віруваннями, релігією. Звідси стає очевидним той факт, що оригінальність фразем визначається як внутрішніми законами мови, так і екстралінгвальними чинниками. Фразеологія, відображаючи національний колорит конкретної мови, аж ніяк не виключає спільних мовних властивостей, зумовлених різними за характером чинниками. Це і семантична спільність слів-членів фразеологічних одиниць, переосмислення, можливість калькування та долучення інших дій та їхніх наслідків у номінативних процесах.

Розглядаючи проблему як білатеральний (такий, що має план вираження і план змісту) мовний знак, у зіставному аспекті важливо зосередити більшу увагу на плані змісту, оскільки структурні подібності й відмінності між мовами майже нічого не дають для розуміння особливостей і національної специфіки фразем та часто впливають із семантичних подібностей або відмінностей. Зіставлення у плані змісту, спираючись на спільність поняття як на його базу, дає змогу описати структуру фразем, показати їхню специфіку в зіставляваних мовах, що, крім теоретичного значення, важливе і для практики викладання мов. Маємо всі підстави вважати, що зіставні дослідження можуть прояснити деякі невирішені питання фразеології, оскільки за допомогою їхніх методів можна охарактеризувати предмети й явища різно-

типних мов, з'ясовуючи спільне та відмінне в аналогічних сутностях, не беручи до уваги історію їх походження.

Зауважимо, що зіставлення у фразеології є досить складною справою, тому що саме ця частина словникового складу є найбільш специфічною, національною і колоритною. У зв'язку з цим великий інтерес, на наш погляд, представляє класифікація типів міжмовних відносин, запропонована А. Д. Райхштейном у його монографічному дослідженні [9]. У ній автор виділяє такі якісні типи міжмовних відношень: 1) тотожність – повний збіг аспектної організації й сукупності смислу; 2) лексичну варіантність або структурну синонімію – повний збіг сукупного смислу та синтаксичної організації при неповній тотожності компонентного складу; 3) ідеографічну синонімію – неповну тотожність сукупного сигніфікативного значення за рахунок наявності особливих семантичних ознак в обидвох рідномовних фразеологічних одиницях безвідносно до аспектної тотожності; 4) гіперо-гіпонімію – неповна тотожність сукупного сигніфікативного значення за рахунок наявності в однієї із зіставляваних фразеологічних одиниць додаткових конкретизуючих семантичних ознак безвідносно до аспектної тотожності; 5) стилістичну синонімію – неповну тотожність сукупного смислу за рахунок відмінностей у стилістичному значенні; 6) омонімію й полісемію – тотожність аспектної організації при великих або менших відмінностях у сукупному смислі; 7) енантіосемію – тотожність аспектної організації при протилежності сукупного смислу [9, с. 104]. Така детальна класифікація бере до уваги всі можливі розбіжності як у формально-смісловій організації фразем, так і в їхньому сукупному змісті. Особливо цінним для нашого дослідження є виділення таких типів міжмовних відношень, як ідеографічна синонімія і гіперо-гіпонімія, в яких ураховується наявність додаткових диференціальних сем у сигніфікативно-денотативному макрокомпоненті значення фразеологічних одиниць.

Ілюстративним матеріалом нашого дослідження слугували фразеологізми зі словника К. Т. Баранцева [10]. Фраземи будь-якої мови можуть бути зіставлені з точки зору наявності чи відсутності однакового компонентного складу. Наприклад, зі словом-компонентом *рука* можна навести велику кількість фразем в англійській без повторення його в українській мові. До них належать: *get a good hand* – ‘отримати переваги’; *an uphand* – ‘виграшна справа’; *play alone hand* – ‘діяти власними силами (самостійно)’; *throw in one's hand* – ‘здатися, спасувати’; *at any hand* – ‘у всякому випадку’; *at no hand* – ‘ні в якому разі’; *bear a hand* – ‘допомагати’; *by this hand* – ‘бачить Бог’; *hand to fist* – ‘пліч-о-пліч’; *fold one's hand* – ‘пальцем не торкнути (не зачепити, не

зайняти, не рушити) кого-, що'; *with a sparing hand* – 'економно'; *cap in hand* – 'принижено просити'; *throw one's hand* – 'відмовитися'; *hand in glove* – 'у близькій дружбі'; *have clean hands* – 'бути чесним'; *hand-me-down* – 'дешева готова (ношена) сукня'. Наведені вище приклади засвідчують більшу здатність англійського компонента *hand* брати участь в утворенні фразеологічних одиниць, ніж українського *рука*.

Таким самим способом можна розглянути фразеологічні одиниці з компонентом *справа* (англ. *things*) в українській мові, наприклад: *above all things* – 'головним чином'; *all things considered* – 'беручи до уваги всі обставини'; *any old thing* – 'все одно що'; *the first thing* – 'поперше, насамперед'; *just the thing* – 'це саме те, що треба'; *let things go hand* – 'ставитися недбало, неухважно'; *little thing* – 'маля, малятко, крихітка'; *be all things to smb* – 'виконувати чий-небудь забаганки'; *not the thing* – 'не зовсім те, що треба'; *of all things* – 'от тобі й на!, треба ж!'; *the real thing* – 'першокласна річ'; *a thing of the past* – 'те, що стоюється минулого'.

Наведені вище приклади засвідчують наявність семантичної тотожності у двох зіставляваних мовах – англійській та українській. Аспектну або структурну співвіднесеність у іншому сукупному змісті, що спостерігається між ними, можна назвати функційно-смісловою співвіднесеністю. Аспектна співвіднесеність у цьому випадку означає міжмовну близькість фразеологічних компонентів, а також синтаксичних структур у їхньому регулярному нефразеологічному вживанні. Загалом урахування аспектної та функційно-сміислової співвіднесеності між конкретними фразами англійської та української мови дає змогу виявити такі якісні типи міжмовних кореляцій:

1. Тотожність, тобто мовний збіг аспектної організації та сукупного значення більшої частини фразеологічних одиниць, наприклад, *кидати* /*шпурляти* /*жбурляти* / *пускати* (каменем, брудом) у кого-небудь і його англійський відповідник *cast / throw / a stone at smb*. Це явище може бути реалізоване в зіставляваних мовах на прикладі таких фразем: *to take the bull by the horns* – *узяти бика за роги*; *like a fish in the water* – *як риба у воді*.

2. Лексична варіантність або структурна синонімія, тобто повний збіг сукупного значення і синтаксичної організації при неповній тотожності компонентного складу, наприклад, *give a hand*, *give a green light* – *дати зелену вулицю*, *close at hand* – *під рукою*.

3. Ідеографічна синонімія, тобто неповна тотожність сукупного сигніфікативного значення (безвідносно до аспектної тотожності за рахунок наявності особливих семантичних ознак у фразеологічних одиницях, як, наприклад, *make a mountain, out of a molehill* – *робити з*

мухи слона (‘сильно перебільшувати, прибріхувати’); *like hell* – ‘сильно, з усієї сили, відчайдушно, навальн’о’.

4. Гіперо-гіпонімія, тобто неповна тотожність сукупного сигніфікативного значення безвідносно до аспектної тотожності за рахунок наявності в одній із зіставляваних фразеологічних одиниць додаткових семантичних ознак, як, наприклад, англ. *take bread out of smb's mouth* і укр. *відбирати хліб у кого-небудь* мають спільне значення ‘позбавляти кого-небудь заробітку або можливості заробітку, беручись за ту саму роботу, справу, заняття’. Водночас в англійській фразеологічній одиниці є ще й додаткове значення ‘позбавляти кого-небудь шматка хліба, засобів до існування’.

5. Стилїстична синонімія, тобто неповна тотожність сукупного значення за рахунок відмінностей у стилїстичному забарвленні, як, наприклад, англ. *not to care a brass farthing (button, hoot, two pence, two straws, etc.)* є розмовними – ‘зовсім не цікавитися, не мати ніякої справи до ...’; англ. *not to care a damn* – укр. ‘наплювати’ (*грубий вислів*).

6. Полїсемія, тобто тотожність аспектної організації попри великі або малі відмінності в сукупному значенні, наприклад, англ. *to go a great length* – укр. ‘їти, не розбираючи дороги, долати труднощі будь-якими способами’.

Викладене вище дає підстави для висновку про те, що в англїйських і українських фразеологічних одиницях простежуються практично такі самі типи семантичних відношень, як і всередині кожної окремої мови, однак із тією різницею, що замість прямої тотожності компонентів і структури наявна непряма тотожність їхніх регулярних значень і в мовленні на цих кореляціях ґрунтується можливість адекватного перекладу іншою мовою.

Список використаних джерел

1. Бацевич, Ф. С. Основи комунікативної лінгвістики / Ф. С. Бацевич. – К. : Академія, 2004. – 344 с.
2. Манакін, В. М. Мова і міжкультурна комунікація / В. М. Манакін. – К. : Академія, 2012. – 288 с.
3. Ужченко, В. Д. Фразеологія сучасної української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – К. : Знання, 2007. – 494 с.
4. Жуйкова, М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: монографія / М. В. Жуйкова. – Луцьк : РВВ «Вежа», 2007. – 416 с.
5. Жайворонок, В. В. Антологія знаків української етнокультури / В. В. Жайворонок. – К. : Наукова думка, 2018. – 760 с.
6. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования : на материале фразеологизмов со

значением качественной оценки лица : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ю. П. Солодуб. – М., 1985. – 406 с.

7. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.

8. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Международные отношения, 1972. – 290 с.

9. Рахштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Рахштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 143 с.

10. Баранцев, К. Т. Англо-український фразеологічний словник / К. Т. Баранцев. – 2-е вид., випр. – К. : Т-во «Знання», КОО, 2005. – 1056 с.

The article deals with the basic statements of the theory of comparative phrase study which is at the initial stage of settling and development, calling forth the interest of more and more researchers. The examples of different types of idiom interlanguage relations are given. A conclusion is drawn about the availability of indirect identity, which characteristic of regular phrase meaning components in English and Ukrainian.

Keywords: idiom, comparative study, the types of interlanguage relations, the availability of indirect identity, regular phrase meaning.

УДК 821.161.1-1 Пушкин: 811.161.1-343.4

О. А. Скибунова

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ КАК ЗНАКИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ»

Статья посвящена обоснованию идеи закономерности использования церковнославянских языковых элементов для создания романтического образа в поэме А. С. Пушкина «Братья-разбойники», определению роли церковнославянского языка в формировании русского литературного языка.

Ключевые слова: Пушкин, поэма, романтизм, церковнославянизмы, литературный язык.

А. С. Пушкин – основоположник современного русского литературного языка. Это утверждение стало аксиомой для современного филолога. Синтезировав церковнославянские языковые элементы, свойственные многовековой книжной традиции, с элементами русской разговорной ре-

чи, в первую очередь народной, А. С. Пушкин открыл новый период в истории русского литературного языка, обеспечив стабильность направления литературно-языкового развития. «Даже если бы Пушкин сделал только одно – нашел место церковнославянской лексике и формам в русском языке – его заслуга в развитии нашего языка была бы значительной. Но Пушкин сделал большее – он выработал формы соотношения русского и церковнославянского языков, обеспечив тем самым первому национальную устойчивость, а второму функциональную преемственность и сохранение устойчивости в культурно-языковой ситуации» [1].

А. М. Камчатнов, определяя роль А. С. Пушкина в истории русского литературного языка, приходит к следующему выводу: А. С. Пушкин «с его гениальным историческим чутьем и чрезвычайно развитым историческим сознанием окончательно утвердил структуру русского литературного языка, которая заключается в синтезе всех живых языковых стихий. В разные периоды истории русского литературного языка эта идея гетерогенности, идея синтеза, слияния разнородных языковых стихий в новое качество проявляла себя по-разному, но всегда оставалась основой стилового разнообразия, лексического и грамматического богатства русского литературного языка. И Пушкин верно угадал эту ведущую тенденцию и осуществил на практике искомый синтез в конкретно-исторических условиях своего времени» [2, с. 611]. Кроме того, А. С. Пушкин сумел увидеть такие возможности синтезируемых элементов, которые бы не ограничили, «а, напротив, стимулировали дальнейшее развитие, обогащение русского литературного языка. Вся последующая русская литература, и не только художественная, была воплощением этих принципов употребления» [2, с. 611]. А. С. Пушкин перенес проблему выбора между книжным церковнославянским словом и исконным восточнославянским в область поэтики, утвердил принцип художественности как важнейший для языка литературы, вследствие чего литературный язык обрел способность «быть орудием выражения любой идеологии, любого идейного, научного, философского и политического содержания, то есть приобрел поистине универсальный характер, что означало переворот в построении общественного русского литературного языка» [2, с. 611].

Данное утверждение, исторически выверенное, следует принять во внимание при выявлении языковых особенностей произведений А. С. Пушкина. Выбор церковнославянских средств выражения, мотивированный авторской культурно-идеологической позицией, не ка-

зался бесспорным литературным критиком XIX века. Примером служит характеристика поэмы А. С. Пушкина «Братья-разбойники».

Поэма относится к числу «южных». По сути своей поэма – отрывок из более крупного произведения под названием «Разбойники», уничтоженного самим автором. Как считал В. А. Закруткин, поэма «Братья-разбойники» была задумана А. С. Пушкиным «как большое произведение из быта волжских разбойников, получившего художественное воплощение во множестве крестьянских песен, сказок и легенд» [3]. В качестве главных героев автор избрал крепостных крестьян, бежавших от помещика в лес. Благодаря этому он – впервые в русской литературе! – затронул тему, которая обязывала его поставить вопрос о поэтическом языке, о возможности обогащения литературной речи лексикой, синтаксисом, другими элементами народного творчества.

Главный герой поэмы – человек, живущий разбоем, решивший поведать историю о себе и погибшем брате себе подобным. И делает он это при помощи благородного языка, тем самым над обычными, простыми людьми превозносится и сам разбойник. В. Г. Белинский анализирует поэму: «Будь она написана в одно время с “Русланом и Людмилой”, – она была бы удивительным фактом огромности таланта Пушкина, ибо в ней стихи бойки, резки и размашисты, рассказ живой и стремительный. <...> Ее разбойники очень похожи на шиллеровых удалцов третьего разряда из шайки Карла Моора, хотя по внешности события и видно, что оно могло случиться только в России. Язык рассказывающего повесть своей жизни разбойника слишком высок для мужика, а понятия – слишком низки для человека из образованного сословия: отсюда и выходит декламация, проговоренная звучными и сильными стихами» [4].

Действительно, «благородная» речь разбойника полна элементов книжного языка, имеющих церковнославянское происхождение. Помимо этого церковнославянские признаки можно обнаружить и в лексике поэмы в преддверии речи героя.

Церковнославянизмы представлены на всех языковых уровнях: и фонетическом, и морфологическом, и лексическом, например: неполногласные сочетания: «*Живут без власти, без закона*» [5, с. 169]; «*С брегов таинственного Дона*» [5, с. 169]; «*Кто режет хладною рукой*» [5, с. 169]; «*Росли мы вместе; нашу младость / Вскормила чуждая семья*» [5, с. 170]; «*Уже мы знали нужды глас*» [5, с. 170]; «*Житье в то время было нам*» [5, с. 170]; «*И градом пот по нем катился*»

[5, с. 172]; «*Пред ним толпились приведенья*» [5, с. 172]; «*Нам тошен был и мрак темницы*» [5, с. 174]; «*Два стража издали плывут*» [5, с. 174]; «*Влачусь угрюмый, одинокий*» [5, с. 175]; наличие жд, щ на месте восточнославянских ж, ч: «*Какая смесь одежд и лиц*» [5, с. 169]; «*Другим рассказы сокращают*» [5, с. 170]; «*Вскормила чуждая семья*» [5, с. 170]; «*Цепями общими гремим*» [5, с. 174]; формообразующие суффиксы: «*На груди тлеющих костей*» [5, с. 169]; «*Везде кочующий цыган*» [5, с. 169]; «*И ночью там могущ и страшен*» [5, с. 172]; «*Одoleвающую муку*» [5, с. 175]; «*Взойдет и станет средь небес*» [5, с. 171]; словообразовательные форманты: префиксы (пре-, из- / ис-, воз- / вос-, раз- / рас-) и суффиксы (-ость, -знь): «*Сносили горькое презренье*» [5, с. 170]; «*Я уцелел – он изнемог*» [5, с. 171]; «*Грозя перстом издаleка*» [5, с. 172]; «*Опасность, кровь, разврат, обман*» [5, с. 169]; «*Росли мы вместе; нашу младость*» [5, с. 170]; «*Нам, детям, жизнь была не в радость*» [5, с. 170]; «*Забыли робость и печали*» [5, с. 170]; «*Ах, юность, юность удалая!*» [5, с. 170]; «*Не режь его на старость лет...*» [5, с. 172]; «*И в сердце жалость умерла*» [5, с. 176]; «*Без чувств, исполненный боязни*» [5, с. 173]; «*Болезнь ужасная прошла*» [5, с. 173] и др.

Содержание рассказа разбойника актуализировало использование отглагольных имен существительных на -ие. Однако автор придает церковнославянской модели восточнославянское оформление за счет утраты гласного на месте исконно напряженного -и-, тем самым обеспечивая фразе бóльшую динамичность и обыденность, например: «*Как юношу любви свиданье*» [5, с. 169]; «*Сносили горькое презренье*» [5, с. 170]; «*В забвенье, жаркой головою*» [5, с. 171]; «*Пред ним толпились привиденья*» [5, с. 172].

Многочисленные церковнославянизмы, как явно следует даже из приведенных примеров, могут быть нейтральными или стилистически окрашенными единицами, но они не случайны в тексте поэмы. Церковнославянский язык является своеобразным способом отображения действительности. Развившийся из старославянского, апостольского, сакрального, наднационального языка, будучи длительное время литературным языком православных славянских народов, как и всякий литературный язык, представлявший собой искусственное образование, церковнославянский язык воспринимался и воспринимается не только как язык церкви, но и как язык книжной культуры. Поэт «сохраняет многое из церковнославянской лексики, ибо она была не просто дополнительным источником синонимии, – за ней стояли легко

узнаваемые образы, часто внутренняя форма этих слов была более прозрачной. Кроме того, с церковнославянизмами была связана традиция словоупотребления, объединявшая духовную культуру многих веков и делавшая единой эту культуру» [1].

Язык, созданный для общения с Богом, а не для использования в быту, закономерно ассоциируется с возвышающей, очищающей, возносящей над обыденностью и приближающей к Богу функцией. Именно этим восприятием воспользовался А. С. Пушкин при выборе языковых средств для создания романтического образа разбойника. При помощи элементов церковнославянского языка А. С. Пушкин действительно возвычивал язык светской литературы, придавал её содержанию сакральное значение, углубляя смысл простых слов. По этой причине герои, которые происходят из низших сословий, ставятся своей речью вровень с «благородными». И можно утверждать мнение о сложности и неоднозначности их характеров.

Романтические герои поэмы А. С. Пушкина отличаются от родственных западноевропейских образов. Эти герои по способу выражения их мыслей русские, их действия мотивированы социальной несправедливостью, обездоленностью и необходимостью милосердия и покаяния. Особенность их характеров заключается в нравственном неприятии совершаемых злодеяний, в выражении идеи неотвратимости возмездия за преступления, в присущей им совести. Все упомянутые понятия моральной сферы («совесть», «покаяние», «милосердие», «возмездие») до сих пор обозначаются словами старославянского происхождения.

Поэтому для А. С. Пушкина естественным был выбор церковнославянской формы выражения своей позиции. Поэт считал несправедливыми критические замечания: в письме П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 г. он высказал свое мнение: «Как сюжет *c'est un tour de force*, это не похвала, напротив; но как слог я ничего лучше не написал» [6]. А. С. Пушкина беспокоит не искусственность книжного языка, а возможность соединения и включения в литературный текст бытового просторечия: в сопровождавшем поэму письме, адресованном А. А. Бестужеву, А. С. Пушкин писал: «...если отечественные звуки: *харчевня, кнут, острог* – не испугают нежных читательниц Пол<ярной> Зв, то напечатай его» [6]. Использование не книжных языковых элементов не умаляет романтический образ, приближает его к фольклорным, придает драматизм изображаемому конфликту между действиями героев и их намерениями.

А. С. Пушкин воплощает в тексте поэмы свою идею синтеза церковнославянских элементов с элементами русской разговорной речи. И по этому пути он будет следовать в дальнейшем творчестве. В 1836 году он напишет: «Это уже не ново, это уже было сказано – вот одно из самых обыкновенных обвинений критики. Но все уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов» [1].

Список использованных источников

1. Панин, Л. Г. К 170-летию со дня кончины А. С. Пушкина / Л. Г. Панин // «Сибирская пушкинистика сегодня»: сб. науч. статей / сост., подг. к печати и ред. В. Алексеева и Е. Дергачевой-Скоп. – Новосибирск, 2000. – С. 311–328 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/nev/2-63-07/pushkin.htm>. – Дата доступа: 18.10.2019.
2. Камчатнов, А. М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX: учеб. пособие / А. М. Камчатнов. – М.: Академия, 2015. – 624 с.
3. Хроника. Диссертация о «Братьях-разбойниках» Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. – 1936–1941. – Вып. 2. – 1936 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v36/v36-473.htm>. – Дата доступа: 30.09.2019.
4. Белинский, В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья шестая / В. Г. Белинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.org/chtenie/156474/vissarion-belinskiy-sochineniya-aleksandra-pushkina-statya-shestaya-8.php>. – Дата доступа: 30.09.2019.
5. Пушкин, А. С. Поэмы / А. С. Пушкин. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 352 с.
6. Путеводитель по Пушкину. Алфавитная часть // Пушкин: электронное научное издание [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/put-abc/put/put-0678.htm>. – Дата доступа: 18.10.2019.

The article is devoted to the substantiation of the idea of the regularity of the use of Church Slavonic language elements to create a romantic image in the poem by A. S. Pushkin "Brothers-robbers", to the definition of the role of Church Slavonic language in the formation of the Russian literary language.

Keywords: Pushkin, poem, romanticism, Church Slavs, literary language.

В. Р. Слівец

**ГЕАГРАФІЧНЫЯ НАМІНАЦЫІ З ФАРМАНТАМ -ШЧЫН-А
ЯК РЭГІЯНАЛЬНА І НАЦЫЯНАЛЬНА АДМЕТНАЯ МАДЭЛЬ
БЕЛАРУСКАЙ ТАПАНІМІІ**

У артыкуле аналізуюцца геаграфічныя намінацыі з топафармантам -шчына як найбольш прадуктыўная і традыцыйная мадэль беларускай тапаніміі. На анамастыконе мастацкіх тэкстаў В. Карамазава разгледжаны семантычныя групы тапонімаў, утвораных пры дапамозе названага фарманта, і іх стылістычная роля ў стварэнні нацыянальна-рэгіянальнага каларыту твораў.

Ключавыя словы: суфікс, топафармант, тапанімія, айконім, харонім, стылістычная роля.

Тапонімы з'яўляюцца неад'емнай часткай агульнай моўнай сістэмы, яны жывуць і развіваюцца па яе законах. Іх узнікненне і станаўленне абумоўлена пэўнымі гістарычнымі і лінгвістычнымі заканамернасцямі, што выяўляюцца ў семантыцы, словаўтваральных, граматычных паказчыках і інш. Тапонімы выступаюць не толькі носбітамі намінатыўнага значэння, але і ўтрымліваюць багатую інфармацыю аб гісторыі пэўнага рэгіёна, яго прыродна-геаграфічных асаблівасцях, этнічным складзе тэрыторыі і г. д. Менавіта сукупнасць розных лінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў абумоўліваюць адметныя рысы пэўнай нацыянальнай тапаніміі.

Спецыфіку тапанімічнай сістэмы вызначаюць структурна-граматычныя тыпы з характэрнымі для іх топафармантамі. Сярод назваў геаграфічных аб'ектаў, утвораных марфалагічным спосабам, у беларускай тапанімічнай сістэме вельмі пашыранымі з'яўляюцца тапонімы з фармантам -шчына-а.

У беларускай мове назоўнікі з суфіксам -шчына-а / -чын-а з'яўляюцца даволі распаўсюджанымі і поліфункцыянальнымі. Адпрыметнікавыя ўтварэнні звычайна маюць значэнне 'прымета, названая ўтваральным словам, як бытавая ці грамадская з'ява, ідэйны ці палітычны кірунак' (нярэдка з адметным адценнем) тыпу *будзёنشчына, лакейшчына, пілсудчына* і інш. Назоўнікі з -шчына-а / -чын-а могуць таксама суадносіцца са словазлучэннямі, у якіх адзін з кампанентаў (прыметнік) выконвае ролю азначэння (бульварная

літаратура – *бульваршчына*), адначасова з назоўнікамі, ад якіх у сваю чаргу ўтвораны прыметнікі. Утваральнымі ў такіх выпадках выступаюць: а) назвы неадушаўлёных прадметаў і з’яў: канцылярыя – *канцылярышчына*; б) агульныя назвы асоб: лакей – *лакейшчына*; в) зборныя значэнні: ваенны – *ваеншчына*; г) уласныя назвы: прэцэдэнтныя імёны: *Дзянікін* – *дзянікіншчына*, *Манілаў* – *манілаўшчына*; назвы арганізацый: “*Маладняк*” – *маладнякоўшчына*; назвы тэрыторыі, краіны: *Нямеччына*, *Турэччына*.

Асобны высокапрадуктыўны тып складаюць неафіцыйныя назвы абласцей, раёнаў з названым суфіксам, якія суадносяцца непасрэдна з прыметнікамі з суфіксамі *-ск-*, *-енск-*, апасродкавана – з назоўнікамі – назвамі населеных пунктаў (гарадоў, цэнтраў вобласці, раёнаў): *Міншчына*, *Брэстчына*, *Кармяншчына*, *Навагрудчына* (фіналь *-ск-* у працэсе ўтварэння адсякаецца: *Зэльвенскі (раён)* – *Зэльвеншчына*) [1, с. 249]. Увогуле ж тапонімы з фармантам *-шчын-а* (*-чын-а*) у беларускім анамастыконе называюць геаграфічныя аб’екты, якія абазначаюць харонімы (*Гомельшчына*, *Мазыршчына*, *Шаркаўшчына*), мікратапонімы (сенажаць *Барташоўшчына*, лес *Клімаўшчына*, урочышча *Садоўшчына*), айконімы (вёскі *Абухаўшчына*, *Барысаўшчына*, *Дзятлаўшчына*).

Пра паходжанне і генезіс топафармантаў *-шчын-а* (*-чын-а*) / *-шчызн-а* ў славянскай лінгвістыцы ўжо напісаны шэраг навуковых прац, у якіх з рознай ступенню паўнаты разгледжана іх функцыянаванне ў анамастычнай лексіцы. Так, мікра- і макратапонімы, рэгіянальныя айконімы з названымі фармантамі на ўсходнеславянскіх тэрыторыях даследавалі У. Ніканаў, А. Супяранская (Расія), Т. Паляруш, Я. Радзьква, М. Худаш (Украіна), Г. Арашонкава, М. Бірыла, В. Лемцюгова, А. Прышчэпчык (Беларусь) і інш. Так, У. Ніканаў вызначыў, што асноўны масіў бытавання тапонімаў з фармантам *-шчын-а* – Беларусь, паўночны ўсход Польшчы, паўночны захад Украіны. Прычым часцей яны ўказваюць не на лакалізаваную геаграфічную кропку, а на пэўную працяглую плошчу [2, с. 73–74]. Назвы геаграфічных аб’ектаў з фіналлю *-шчын-а* (*-шчызн-а*) у тапаніміі Польшчы, Беларусі і сумежных тэрыторый таксама раней даследаваліся польскім лінгвістам Г. Сафарэвіч (“*Nazwy miejscowe typu Mroczkowizna, Klimontowszczyzna*”, 1956). Аднак, як прасачыў У. Ніканаў, па-за ўвагай даследчыцы засталіся тапонімы з гэтай словаўтваральнай мадэллю, распаўсюджаныя ў цэнтральных абласцях Расіі і ў Паволжжы, а таксама шэраг падобных назваў у былой Вяцкай губерні і нават у Славеніі [2, с. 74]. Між тым сярод лінгвістаў існуе і іншае меркаванне. Так, А. Супяранская

прытрымліваецца погляду, што “словы, якія заканчваюцца на *-шчына*, як назвы абласцей рэгіянальна абмежаваны ўкраінскімі землямі. У Ноўгарадскай, Пскоўскай, Віцебскай абласцях з гэтым суфіксам звычайна ўтвараюцца назвы паселішчаў: *Крулеўшчына, Шаркаўшчына, Селяўшчына* Полацкай вобл., параўн. *Сахноўшчына* Харкаўскай вобл., *Братаўшчына* – Маскоўскай вобл.” [3, с. 11–12]. На думку даследчыцы, першапачатковае значэнне слоў з падобным суфіксам – пэўная супольнасць людзей, для якой характэрны адметны лад жыцця, тып кіравання і іншыя праявы. Адсюль і такія адантрапанімічныя ўтварэнні, як *хаваншчына, пугачоўшчына, абломаўшчына* і да т. п. Таму тапанімічныя назвы тыпу *Разаншчына, Саратаўшчына, Берліншчына* А. Супяранская лічыць непісьменнымі і прастамоўнымі [3, с. 12], з чым, дарэчы, як відаць з прыведзеных вышэй фактаў, пагадзіцца, мабыць, нельга, бо поліфункцыянальны характар суфікса *-шчын-а (-чын-а)* відавочны. Больш таго, геаграфічныя найменні з гэтым фармантам з’яўляюцца традыцыйнай, нацыянальна адметнай мадэллю беларускай тапаніміі.

Значная частка тапонімаў гэтага тыпу (*Васілёўшчына, Лявонаўшчына, Мікалаеўшчына* і да т. п.) мае адантрапанімічнае паходжанне. Падрабязна механізм утварэння такіх тапонімаў прасачылі М. Бірыла і В. Лемцюгова [4, с. 44–45]. Раней яны ўказвалі на імя ці прозвішча ўладальніка, ад якога ў спадчыну ці ў выніку куплі-продажу былі атрыманы землі. Топафармант *-шчын-а*, адпаведна, меў значэнне прыналежнасці. “Факультатыўным варыянтам айканімічнага фарманта *-шчына*” лічыць Г. Арашонкава суфікс *-шчызн-а*. Аналізуючы вынікі беларуска-польскіх моўных кантактаў, якія знайшлі свой адбітак і ў беларускіх геаграфічных назвах, асабліва ў заходніх і паўночна-ўсходніх раёнах Беларусі, даследчыца выдзяляе групу мікратапонімаў з польскімі словаўтваральнымі афіксамі, у ліку якіх утварэнні з суфіксамі *-шчызн-а (-чызн-а), -ызн-а*, што пераважна называюць такія аб’екты, як поле, сенажаць, лес, а таксама частку вёскі, і ўтвораны часцей ад імёнаў, прозвішчаў або назваў населеных пунктаў (*Адамаўшчызна, Заранкаўшчызна, Урублеўшчызна*). Пад уплывам граматычнай сістэмы польскай мовы яны атрымалі пашырэнне на беларускіх землях у XVI ст. (пазней, чым з суфіксам *-шчын-а*) і спачатку выкарыстоўваліся як варыянты адной і той жа назвы (*Баркаўшчына – Баркаўшчызна, Кіеўшчына – Кіеўшчызна*). Аднак такія тапанімічныя ўтварэнні амаль не ўжываліся ў вусным маўленні і замацоўваліся толькі ў польскамоўных пісьмовых дакументах [5, с. 127–128].

Паводле матэрыялаў слоўніка “Мікратапанімія Беларусі” (1974), сярод утвораных суфіксальным спосабам мікратапонімаў (а гэта прыкладна 5000 назваў), уласныя імёны з фіналлю *-шчына* (*-аўшчына*, *-іўшчына*, *-еўшчына*, *-ыўшчына*) утвараюць найменні 390 геаграфічных аб’ектаў (4,2 %), з суфіксам *-шчызн-а* – 22 (0,23 %) [6, с. 325]. Увогуле, як падлічана вучонымі, геаграфічных намінацый розных відаў з топафармантам *-шчын-а* ў нас болей за 1500.

У сферы мастацкай літаратуры і публіцыстыкі нярэдка нацыянальна адметныя тапонімы з фіналлю *-шчына* выкарыстоўваюцца пісьменнікамі для абазначэння мясцовасцей, прылеглых да пэўнага населенага пункта, каб падкрэсліць рэгіяналізм і этнаграфізм твора. Напрыклад, у мастацкіх тэкстах Ф. Янкоўскага, як заўважае В. Шур, “тапонімы на *-шчын-а* – гэта натуральныя назвы самых розных частак Беларусі, прычым пісьменнік практычна пазбягае выкарыстання афіцыйных назваў раёнаў, абласцей Беларусі, адчуваючы, што найменні тыпу *Міншчына*, *Наваградчына*, *Случчына* не толькі ёмка, каларытна і натуральна выконваюць назывную функцыю, але і падкрэсліваюць нацыянальна-этнаграфічную спецыфіку краю” [7, с. 196]. У філалагічных эцюдах, абразках Ф. Янкоўскі свядома акцэнтуюе ўвагу на выкарыстанні такіх адметных тапанімічных найменняў: “*Люблю Нёман, горад на Нёмане Гародню – Гродна. Люблю Гродзеншчыну, яе Свіслаччыну, Наваградчыну, Лідчыну... як і Лагойшчыну, Ашмяншчыну, Заслаўшчыну...*” [8, с. 136]; “*Прыехаў на Міншчыну – яна іншая, не такая, як паўднёвая Бабруйшчына, не такая, як Рудабельшчына, Случчына, Любаншчына*” [8, с. 300]. У творах В. Карамазава, проза якога таксама характарызуецца адметным рэгіянальным каларытам, багатымі этнаграфічна-бытавымі апісаннямі мясцін, ужыванне такіх тапанімічных адзінак не рэдкасць. У прааналізаваных намі мастацка-біяграфічных і эсэістычных творах пісьменніка можна вылучыць наступныя семантычныя групы рэальных тапонімаў з фармантам *-шчын-а* (*-чын-а*):

1) харонімы, якія можна падзяліць на: а) неафіцыйныя найменні раёнаў, абласцей, краін: *Ашмяншчына*, *Браслаўшчына*, *Вілейшчына*, *Віцебшчына*, *Краснапольшчына*, *Лагойшчына*, *Магілёўшчына*, *Мсціслаўшчына*, *Случчына*. Найбольш частотны ў тэкстах В. Карамазава тапонім *Магілёўшчына*, адкуль родам сам аўтар і многія з яго герояў, чые імёны з’яўляюцца прэцэдэнтнымі для беларускай лінгвакультуры – мастакі А. Бараноўскі, А. Бархаткоў, В. Бялыніцкі-Біруля, пісьменнікі А. Пысін, М. Стральцоў, М. Гарэцкі, А. Кудравец і інш.: “Я [В. Бялыніцкі-Біруля. – В. С.] – беларус.

Нарадзіўся ў маёнтку Крынкі каля Бялыніч, на Магілёўшчыне” [9, с. 10]; “Да Магілёўшчыны Пысін быў прывязаны моцна, як селянін да свайго поля” [10, с. 469]. Паказальна, што мадэль на -шчын-а (-чын-а) В. Карамазаў выкарыстоўвае і ў дачыненні да геаграфічных аб’ектаў рускай (Бранишчына, Задоншчына, Ноўгарадчына, Смаленшчына) і сучаснай польскай (Беласточчына) тапанімічных сістэм; б) назвы прыродна-ладшафтных абласцей: Васілеўшчына, Ліменшчына. Этымалогію тапоніма Васілеўшчына В. Карамазаў у сваіх творах тлумачыць неаднаразова: “І ўжо адсюль – толькі пераплывеш Сож – пачынаецца Ліменская пушча, ці, як усё яшчэ кажуць старыя людзі, Васілеўшчына – колішнія надзелы ліменскага пана Васілеўскага” [11, с. 303]; “Да рэвалюцыі стаяў на горцы дом пана Васілеўскага, усё ў бліжэйшым наваколлі было тут Васілеўшчынай, лясы і вёскі, палеткі, паіны, луг заліўны на левым беразе Сажы, паміж азерцаў, заўсёды багатых рыбай, старарэчышча” [12, с. 127]. Прыведзеныя прыклады адлюстроўваюць адантрапанімічную мадэль утварэння тапоніма (значэнне прыналежнасці): Васілеўскі → Васілеўшчына. Харонім Ліменшчына пісьменнік выкарыстоўвае для абазначэння навакольнага вёскі Лімень (Чэрыкаўскі р-н Магілёўскай вобл.), Ліменскай пушчы, у прыватнасці; в) назвы частак тэрыторыі горада, мікрараёнаў, кварталаў: Курасоўшчына. Тапонім Курасоўшчына (сёння – мікрараён у складзе Акцябрскага р-на Мінска) таксама мае адантрапанімічнае паходжанне, на што аўтар ускосна ўказвае ў тэксце твора (Курасаў → Курасоўшчына): “А яны, гаспадары спалялёнай зямлі, зразумелі нават настрой, яго клопат – вывезлі за горад на Курасоўшчыну, і пасялілі ў парку са старымі ліновымі алеямі і яблыневымі садамі на беразе вялізнага рова, на дне якога бегла прыгожая ў маладой зеляніне рачулка, у белым невялікім, прыгожым і зграбным, з мансардамі і балконамі, дамочку, які некалі належаў генералу Курасаву, цудам уцалеў у вайну, і цяпер называўся Белай дачай” [9, с. 154].

2) айконімы: Лыскаўшчына, Маляўшчына, Мікалаеўшчына. Вёска Лыскаўшчына (Круглянскі р-н Магілёўскай вобл.) у рамане “Мастак і парабкі” выступае ў якасці асноўнага месца дзеяння (у тэксце зафіксавана 55 словаўжыванняў гэтага айконіма). Маляўшчына – былая вёска (у 1959 г. увайшла ў склад Мінска), дзе нарадзіўся мастак А. Бараноўскі, якому В. Карамазаў прысвяціў сваё эсэ “Жавароначкам бласлаўлёнае”: “За дамамі Батанічны сад, а за садам, дзе ён канчаецца была Маляўшчына” [10, с. 481]. А Мікалаеўшчына (Стаўбцоўскі р-н Мінскай вобл.) вядома тым, што адтуль паходзіў класік беларускай літаратуры Якуб Колас: “Вядомая Мікалаеўшчына.

Даўно, пасля вайны, мастак аблюбаваў гэты куток Якуба Коласа і шмат у ім працаваў” [13, с. 37].

Такім чынам, тапонімы з фармантам *-шчын-а*, улічваючы іх распаўсюджанасць і высокую прадуктыўнасць названай словаўтваральнай мадэлі, у параўнанні з іншымі славянскімі тапанімічнымі адзінкамі і сістэмамі, валодаюць выразнай нацыянальнай спецыфікай. Маркіраванасць такіх найменняў абумовіла іх шырокае выкарыстанне ў мастацкіх і публіцыстычных тэкстах як аднаго з дзейсных сродкаў стварэння нацыянальна-рэгіянальнага каларыту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Беларуская граматыка : у 2-х ч. Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; [Рэд. М. В. Бірыла, П. П. Шуба]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1. – 431 с.
2. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – изд. 2-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2011. – 184 с.
3. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.
4. Бірыла, М. В. Анамастычныя словаўтваральныя элементы ва ўсходне- і заходнеславянскіх мовах (Адантрапанімічныя айконімы) / М. В. Бірыла, В. П. Лемцюгова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1973. – 63 с.
5. Арашонкава, Г. У. Польскія элементы ў беларускай мікратапаніміі / Г. У. Арашонкава // Беларуская анамастыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – Вып. 2. – С. 119–130.
6. Мікратапанімія Беларусі : матэрыялы / рэд. М. В. Бірыла, Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 328 с.
7. Шур, В. В. Уласнае імя ў соцыуме і мастацкім тэксце : манаграфія / В. В. Шур. – Мінск : Інстытут радыялогіі, 2015. – 300 с.
8. Янкоўскі, Ф. Само слова гаворыць / Ф. Янкоўскі. – Мінск : Маст. літ., 1986. – 318 с.
9. Карамазаў, В. Крыж на зямлі і поўня ў небе : эскізы, эцюды і споведзь Духу, альбо Аповесць-эсэ жыцця жывапісца і паляўнічага Бялыніцкага-Бірулі / В. Карамазаў. – Мінск : Юнацтва, 1991. – 204 с.
10. Карамазаў, В. Выбраныя творы / В. Карамазаў; прадм. А. Бараноўскага. – Мінск : Кнігазбор, 2013. – 576 с.: [8] с. іл. – (“Беларускі кнігазбор”: Серыя 1. Мастацкая літаратура).
11. Карамазаў, В. Проста ўспомніў я цябе... : публіцыст. проза, эсэ / В. Карамазаў. – Мінск : Маст. літ., 1989. – 317 с.
12. Карамазаў, В. Пад крыжам : кніга прозы / В. Карамазаў. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 144 с.
13. Карамазаў, В. Антон : аповесць-эсэ ў стылі рэтра / В. Карамазаў. – Мінск : Про Хрысто, 2005. – 68 с.

Being the most productive and traditional model of Belarusian toponymy, geographical nominations with a topoformant -schyna are analyzed in the article. On the basis of onomasticon of V. Karamazov's literary texts semantic groups of toponyms built with the help of the mentioned formant and their stylistic function in creating a national and regional colouring of the work are studied.

Keywords: suffix, topoformant, toponymy, oikonym, choronym, stylistic role.

УДК 811.161.1'42:821.161.1-311.9*А. Н. Стругацкий*Б. Н. Стругацкий

Д. Г. Студеникина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФОН КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Н. И Б. Н. СТРУГАЦКИХ)

В статье научная фантастика характеризуется как особый тип художественной литературы. С одной стороны, произведение в жанре научной фантастики содержит в себе языковую картину мира в авторском преломлении. С другой стороны, в научной фантастике создается принципиально новая реальность, которую необходимо познать. Прецедентные феномены могут стать теми факторами, которые способствуют формированию и познанию фантастической реальности.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая личность, текст, прецедентный феномен.

Произведение художественной литературы представляет собой некую новую реальность, созданную автором на основе его собственных представлений о мире. Таким образом, эта новая художественная реальность не совсем нова. Создатель текста вкладывает в него (неосознанно) свой собственный образ реальности. Языковая картина мира (ЯКМ) в художественном произведении является интерпретацией авторской картины мира. Поэтому в исследовании любого произведения важную роль играет лингвокультурная среда, повлиявшая на личностное формирование создателя этого произведения. Художественные тексты – воплощение авторского восприятия мира. В связи с этим в изучение художественных текстов В. В. Виноградовым было введено понятие *образ автора*. Русский филолог определяет *образ автора* как ядро произведения, вокруг которого на основе авторской

ЯКМ выстраивается вся «стилистическая система» произведения [1, с. 92]. *Образ автора* соотносится с *языковой личностью* – понятием, введенным Ю. Н. Карауловым [2, с. 22]. Языковая личность – носитель языка, который постигает и формирует ЯКМ. Данное понятие выходит за рамки изучения художественных текстов, так как применяется к реальным носителям языка. С другой стороны, в учении о тексте М. М. Бахтина текст, в самом широком смысле, – связанная система знаков и любое высказывание в рамках речевого общения [3, с. 281]. В этом случае художественный текст не является объектом изучения исключительно литературоведения. Он становится частью глобальных лингвистических процессов, как модель реальности, так как включает в себе настоящие языковые картины мира. ЯКМ отдельной личности наполнена «слепками» культурной общности. Языковая личность обладает неким набором стереотипных высказываний, цитат, понятных для всех носителей языка. В повседневной коммуникации используются известные тексты. Такие тексты являются универсальными единицами в ЯКМ многих представителей культурной общности и носителей языка. Эти универсальные единицы выражаются термином *прецедентные феномены*. Ю. Н. Караулов вводит понятие *прецедентный текст*, под которым подразумевается фрагмент известного текста, высказывание, намек на известный текст, сформировавшийся в языковом сознании носителя [2, с. 218].

В художественном произведении могут использоваться прецедентные феномены. Они призваны раскрыть идею через напоминание о схожей ситуации, подчеркнуть важные моменты произведения. Недаром Ж. Ж. Руссо называет свою героиню Юлию «новой Элоизой». Уже в заглавии романа раскрывается суть описываемой ситуации, характеризуется главная героиня, наделенная добродетелью и послушанием Элоизы и повторившая ее судьбу. Прецедентность также помогает автору создать нужное устройство реальности в произведении, указать на место и время действия. Не случайны частые упоминания байроновского Чайльд-Гарольда в «Евгении Онегине». Этот персонаж чрезвычайно популярен в среде образованной аристократии, которая окружает Онегина. Чайльд-Гарольд здесь и маркер времени, и прецедентное имя, способствующее раскрытию образа Онегина.

Научно-фантастическая литература на первый взгляд повествует о чем-то новом. Реальность научной фантастики непременно опережает время ее читателей. И все же использование прецедентных текстов необходимо и для этого жанра. Нередко в такой литературе фигурирует Земля будущего. Но она не может быть описана без известных фактов культуры всех времен. Для такой литературы свойственно сочетание фантасти-

ческих, нереальных явлений с фактами объективной реальности. В произведениях А. Н. и Б. Н. Стругацких изображен именно такой мир – Земля будущего, достигшая процветания и невероятных технических высот, сверхразвитая цивилизация, изучающая космос и менее продвинутые планетарные культуры. ЯКМ в этих произведениях все же типичная для носителей русского языка советской эпохи, современников авторов. Поэтому прецедентные феномены типичны для русской картины мира второй половины XX – начала XXI века. Одними из самых распространенных прецедентных феноменов являются отсылки к античной культуре и библеизмы. Не обходится без таких прецедентных номинаций и в научно-фантастической литературе, в частности в произведениях Стругацких. В серии книг о мире Полудня упоминается планета *Пандора*. Для космических объектов использование имен из античных мифов – типично. Для мира, созданного Стругацкими, эта планета, с одной стороны – живописный курорт, с другой – опасное место. В древнегреческой мифологии Пандора была девушкой, созданной богами, «наделенная всеми дарами». Вместе с тем «*Пандора должна была принести с собой людям несчастье*». Через это прецедентное имя выражается красота планеты Пандоры, характеризующейся как «*курорт*» [4, с. 467] с «*Алмазным пляжем*» и «*величайшими в обитаемом Космосе песчаными дюнами*» [4, с. 472]. Но с другой стороны Пандора – огромный неизведанный мир, таящий в себе опасности. В повести «Полдень, XXII век» к планете *Пандора* применяется определение «*страшная*» [5, с. 170]. Описание флоры и фауны также включают в себе мелиоративную оценку: «*лес был как пышная пятнистая пена, как огромная <...> рыхлая губка, как животное, которое затаилось когда-то в ожидании*» [6, с. 5]. «*Это были громадные птицы, крупнее земных кондоров и даже летучих драконов Пандоры*» [5, с. 174] – для характеристики обитателей Пандоры автор использует сравнение. А сами представители этой планеты в сознании персонажей произведения мыслятся как наиболее опасные во всем известном им пространстве.

Другими часто встречающимися прецедентными феноменами являются номинации, относящиеся к библейским текстам. В сюжете повести «Малыш» Стругацких фигурирует операция «*Ковчег*», в ходе которой происходит эвакуационное переселение инопланетной расы с разрушающейся планеты. Название операции было дано земными учеными осознанно. Оно отсылает к событию из книги Бытия, в ходе которого были спасены некоторые обитатели мира с помощью ковчега. В Библии Бог наказывает Ною взять в ковчег «*от каждой плоти по паре*» [7, с. 6]. Размышления участника операции также отсылают к этому наказу: «*Вот доставят их сюда <...> по два, по три представителя от каждого племени*» [4, с. 325]. Чудесное спасение эва-

куируемой расы будет не понятно с точки зрения рациональных позиций, в силу их первобытной стадии развития: «Они все равно ничего не понимают, космографии у них еще нет, даже самой примитивной. Так и не узнают они, что переселились на другую планету» [4, с. 326]. Переселенцы, не имеющие еще научного знания, могут воспринять свое спасение как Божественное вмешательство, что может служить примером формирования религиозного сознания.

Актуальными прецедентными феноменами для художественных произведений являются известные феномены из мировой культуры, в том числе из литературы. В научной фантастике изображаются миры, которые очень сильно отличаются от Земли и от земной культуры, а обитатели этих миров не похожи на людей. Это фантастические, нереальные миры. Эти приемы фантастической литературы могут соотноситься со сказочной литературой, которая также содержит в себе элементы фантастического, отличного от объективной реальности. В повести Стругацких «Малыш» герои с Земли попадают на планету, происходящее на которой не способны объяснить. Обитатель этой странной планеты, в раннем детстве попавший на нее с Земли, постоянно повторяет слова *Щелкунчик* и *Чеширский Кот*. Данные прецедентные имена способствуют сравнению между описываемым в повести странным миром и сказочными сюрреальными мирами из «Щелкунчика» Эрнста Гофмана и «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Использование прецедентных имен из сказок в случае с «Малышом» способствует выстраиванию фантастической внеземной цивилизации для ее реалистичного и правдоподобного изображения. Параллель с чем-то сказочным и необъяснимым проводится одним из персонажей с Земли: «Странно как-то. Как во сне. Как в сказке» [4, с. 385].

Прецедентные феномены формируются в сознании, хранятся в области ментального, но обретают жизнь в языке и речи. Они образуют ассоциативно-семантическое поле, которое способствует расширению смыслового восприятия мира. Художественные тексты, являясь моделью действительности, с помощью прецедентных феноменов связывают автора с читателями. Прецедентные феномены особенно важны для фантастических произведений, ведь благодаря им происходит ориентация в новом, невиданном мире, они способствуют построению новой действительности.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 253 с.

2. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
4. Стругацкий, А. Н. Малыш. Жук в муравейнике. Волны гасят ветер / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : «Издательство АСТ», 2005. – 794 с.
5. Стругацкий, А. Н. Полдень XXII век / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : Детская литература, 1967. – 320 с.
6. Стругацкий, А. Н. Беспокойство / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : «Наследник Стругацких», «Автор», 1990. – 120 с.
7. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Рос. Библейское о-во, 2005. – 1296 с.

Science Fiction is a special type of the literature. On the one hand, a work in the genre of science fiction contains a linguistic picture of the author's world as a representative of a certain cultural community. This is a characteristic feature for literature of various genres. On the other hand, science fiction creates a completely new reality that must be re-learned. Precedent phenomena can become those factors that contribute to the formation and cognition of fantastic reality.

Keywords: a linguistic picture of the world, linguistic personality, text, precedent phenomenon.

УДК 81'282.2, 81'42

М. А. Толстова

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СЛОЯ КОНЦЕПТА «ЛЕС» В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается репрезентация аксиологического слоя концепта «Лес» в диалектном дискурсе. Установлено, что данный концепт связан с утилитарными представлениями о лесе как о богатом природными ресурсами пространстве. Выявляются трансформации, возникающие под влиянием экстралингвистических факторов. Статья написана в рамках научного проекта «Природный мир Сибири в зеркале диалекта», № 8.1.05.2019, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Ключевые слова: концепт, диалект, диалектный дискурс, природа, лес.

Данная работа представляет собой часть исследования, посвященного описанию концептов природного мира Сибири на материале диалектного дискурса.

Цель статьи – описание концепта «Лес», функционирующего в говорах Среднего Приобья и выявление констант и трансформаций народной культуры в его внутренней структуре.

К настоящему моменту на материале среднеобских говоров проведен анализ концептов «Жизнь» и «Смерть» [1], «Душа» [2] «Воля» [3], «Чистота» [4], «Ссылка» [5], «Сибирь» [6], «Богатство» [7; 8], «Работа» [9], «Культура» [10], «Хлеб» [11], «Жизнь» [12]. Концепт «Лес» входит в более крупную ментальную структуру «Природа», которая ранее не исследовалась на материале названных говоров.

Материал исследования – диалектные тексты, записанные с 1946 г. по 2019 г. на территории распространения старожильческих говоров Среднего Приобья. Использование данных текстов позволит исследовать трансформации отношений человека и природы, изменение которых особо остро ощущается в сельской местности, где природные ресурсы всегда были основным источником жизнедеятельности. Проблема взаимодействия человека и природы наиболее остро проявляется в Сибири с ее особыми климатическими условиями.

В качестве основного метода исследования использован метод когнитивно-дискурсивного анализа, в рамках которого выявляется структура изучаемых концептов и содержание их понятийной, аксиологической, образной составляющих, а также определение специфики их функционирования в диалектной культуре.

Ввиду большой разработанности всех слоёв указанного концепта в выбранном материале, эта работа посвящена описанию репрезентации его аксиологической составляющей.

Описание понятийного слоя концепта «Лес» являлось предметом отдельного исследования, в рамках которого отмечалось, что данный концепт не является концептом сугубо крестьянского мира, он функционирует и в городской культуре, однако имеет особенности в диалектном дискурсе. Его репрезентируют слова, номинирующие лес, названия его видов. Исследуемый концепт вербализируется и единицами, номинирующими лес как строительный материал, названия видов деятельности. Разнообразие номинаций (более 70), связанных с понятием леса, свидетельствует об особой значимости данного концепта.

Лес – это богатое природными ресурсами пространство, играет важную роль в жизни крестьян, является местом их работы. Лес ассоциируется с сельской местностью, которая противопоставляется городу. Кроме того, он связан с Сибирью, как местом ссылки. Тексты

обычно сопровождаются рассказами о борьбе за выживание в новом, непригодном для проживания месте.

Трансформации представлений о лесе обусловлены развитием технологий и современного природопользования, цивилизационными, экономическими, экологическими факторами.

Аксиологический слой концепта, в первую очередь, связан с утилитарными представлениями о лесе как о богатом природными ресурсами месте, обеспечивающим удовлетворение потребности людей в пище, строительном материале, дровах, источнике заработка: *Вот така' работа. С лесзаготовок приедешь, опять отправят тебя в лес, пока этой нету, посевной, не начцала'ся, и вот, в этой, в лесу валишь, дрова пилишь, на это, на контору там, на всё. И так от [вот] мы и жили; Жили в бараках. Потом строили дом. Резали лесины и возили сами. А лошадей-то нанимали. Мох с болота носишь в мешках на себе. Строились и утром и вечером; А лес у нас тоже хорош. По сих время в лес ходют, грибы хоро'ши, ягодов много: голубника, земляница.*

Лес получает разнообразные оценки и характеризуется с помощью определений *хороший, богатый, крепкий, дорогой, слабый, непроходимый*: *Жуткая была шишка. Мы с сыном пятьсот килограмм тогда сдали вдвоём. Шибко много шишки тогда было. Народу тогда здесь мало было, это сейчас из Новосибирска приезжают. И ягоды было много всякой тоже и черники, и брусники, и клюквы этой. Места здесь сильно **хорошие**; Здесь но'нче **хороший** был бы лес, кабы всё в войну не вырубили; Около села лес повсюду. **Богатый лес**. Кто хочет на охоту ходит, медведя бьёт. Там всё чёхошь растётна свете. И грибы всякие, и ягоды; Прежде дома' топором рубили, така' потолочина, что её не подо'ймешь, во какой лес был в пре'жни года', листвя'к, сосна — **крепкий лес**; Всё сподряд пилили. Ребята пилили. Полторы метра была пила.... Значит, строевой лес пилили. А строевой — это от двадцати до девяноста в объёме. Самый **дорогой**, этот-то лес на экспорт шёл; Нонешний лес **слабый**. Сколь годов не помним; Тут был сильно **непроходимый лес**. Пригоняли заключённых. Вот эти заключённые всё работали.*

В то же время диалектоносители отмечают, что в данный момент изменилось восприятие леса как источника ресурсов: *Раньше на лошадах да в лес. А чечас тут готовят дрова; [В лес ходили раньше?] В лес ходили, мы и дрова в лесу резали, и... и всё. А щас никуда. Щас вот гото'вы привезут мне. Восемь тысяць отдала за две машины; Всегда либо на покосе, либо на огороде. Или где-то в лес... Ягodu эту надо набрать. А теперь у нас дома ягоды полно и мы не хотим брать.*

Ценностными характеристиками наделяется лес в качестве места с чистым воздухом, в котором приятно находиться: *В лес никто не боялся ходить. А лес был, знаете, какой, не как сейчас. Такая зелень зайдёшь в лес, такая радость, такой воздух! Там травка вот такая, зелёная! Огоньки! Эти кукушкины слёзки да всякие. Ну, сияет всё. Вот как было в лесу – это не вылез бы!; От в лесу красиво, ничё не скажешь: и воздух такой прямо чистый да свежий, самый раз для здоровья детям.*

В рассказах диалектоносителей проявляется особое отношение к лесу, который нужно охранять и оберегать: *В Новосибирске сосняк, кедрач-то там не растёт. Пожалуй, кругом Томска кедрач есть. В Томске запретна зона, там не ва'лют. А двадцать-тридцать кило'метров от села, так валют, а его потомком оставить надо. Лесные жители, вот скажем, к которым ближе кедрач, следили за ним больше, чем лесники. Раньше за жителем закрепляли участок, он его берёг, не трогал. Счас совсем не так относятся. Срубают ни за чё деревья. Лишь бы загубить. Нет бережного, любовного отношения к природе. Бережливость счас почему-то не воспитана в человеке. Неблагодарно к кедрачу относятся; Муж охотник был тоже, лесником и охотником. Лес охранял от людей, чтобы люди не похищали Лес, чтобы пожаров не было. У нас тут есть пожарка – там машины стоят пожарные, пожарники в пожарке дежурили.*

Вместе с тем отмечается изменение отношения людей к лесу: *Лес большой был, здесь болото было, леса большие были. Корчевали его, жгли его. Раньше боялись до межовки доти [дойти], Лес такой. Теперь ни холеры ничего, берёзы, сосняк был хороший; Лес валя'ли, тоже ведь это... Та'ко вот сво'лешь его, пошку'ришь, сучки все отрубишь, соберёшь. И сучков чтобы не было сжигали, чтобы чисто было. Нет, сейчас не рубят. Лес весь сейчас повырубили; Есть и птица и зверь. Рядом нету. Пять леспромхозов. Уже за сто пятьдесят километров возят лес. Там и птица не ведётся. Она неглупая в основном.*

Такое положение диалектоносители связывают с экономическими и социальными факторами – отсутствием контролирующих органов, поддержки со стороны государства: *Лучше про лес не будем говорить. Не хочу. Всё не так. Лучше будем помогать Сирии, лучше помогать будем тут Крыму; В Новосибирске сосняк, кедрач-то там не растёт. Пожалуй, кругом Томска кедрач есть. В Томске запретна зона, там не ва'лют. А двадцать-тридцать кило'метров от села, так валют, а его потомком оставить надо. Лесные жители, вот*

скажем, к которым ближе кедрач, следили за ним больше, чем лесники. Раньше за жителем закрепляли участок, он его берёг, не трогал. Счас совсем не так относятся. Срубают ни за чё деревья. Лишь бы загубить. Нет бережного, любовного отношения к природе. Бережливость счас почему-то не воспитана в человеке. Неблагородно к кедрачу относятся; Тут зверя ско'ко было, а вот щас уже выколотили эти годы, вот щас бракоделов море. Тогда' браконьеров было очень мало и строго наказывали, а щас всё. [Никто не следит?] А щас самые браконьеры – это вот эти, большие шишки, так что себе пометьте. Вот кода' будете, там, может, надо. Это самые большие шишки. И на рыбе, и на охоте так же, в лесу, тайга это всё. Они всё творят, власть эта самая, нехорошее дело. От их надо пример брать, а... шибко не возмёшь. Вот такие вот люди.

Аксиологический слой концепта также связан и с восприятием леса как безопасного места, где скрывались от войны, революции, прятали материальные ценности: Така' революция. Нас в лес увозили. Снимайте с себя всё чёрно, красно. Одевайте всё зелёно, чтобы к траве проходи'ло; Вот бабка офицеру курицу варит, ну, а лошадей они спрятали, в лес увели, чтоб белые не забрали; [А вот вы говорили с войны убегали. Были здесь беглые?] Были. Много. Их ловили. Отправляли. Куда это я не знаю, по тюрьмам или куда. Оне', наверно, нас боялись. В лесу увидишь: «Ой, бабы наверно беженцы»; Ну и сломали замок и взяли, кто сколь мог. Хозяин вызвал Колчака, тот приехал. Кото'ры успели в лес убежать, те убежали, а кто не успел, тех стегали шомполами, не розгами, а шомполами.

Таким образом, «Лес» является одним из ключевых концептов в диалектном дискурсе. Содержание его аксиологического слоя связано со спецификой крестьянского существования и восприятием леса как источника различных ресурсов и места работы. Исследование показало, что в функционировании концепта находят отражение трансформации народной культуры в целом, обусловленные экономическими, социальными факторами.

Список использованных источников

1. Гынгазова, Л. Г. Концепты «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности / Л. Г. Гынгазова // Актуальные проблемы русистики : материалы междунар. науч. конф. (Томск, 21–23 октября 2003 г.). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 2, ч. 1. – С. 103–111.
2. Гынгазова, Л. Г. Концепт «Душа» в языке диалектной личности / Л. Г. Гынгазова // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сборник научных трудов, посвященный 10-летию кафедры русского языка и литературы Институ-

та языковой коммуникации Томского политехнического университета / Томский политехнический университет; Институт языковой коммуникации; Томский государственный университет; под ред. З. И. Резановой. – Томск : STT, 2004. – С. 151–155.

3. Гынгазова, Л. Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры / Л. Г. Гынгазова // Актуальные проблемы русистики. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ доктора филологических наук, профессора О. И. Блиновой. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2006. – С. 220–229.

4. Демешкина, Т. А. Концепт чистоты по данным среднеобских словарей / Т. А. Демешкина // Наука и образование. Ч. 2 : Материалы Всероссийской научной конференции (12–13 апреля 2002 г.). – Белово, 2002. – С. 49–55.

5. Демешкина, Т. А. «Ссылка» как феномен сибирской лингвокультуры / Т. А. Демешкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 34–46.

6. Волошина, С. В. Репрезентация концепта «Сибирь» в автобиографических рассказах крестьян / С. В. Волошина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 47. – С. 28–38.

7. Волошина, С. В. Репрезентация концепта «Богатство» в диалектном дискурсе: константы и трансформации / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 55. – С. 17–28.

8. Волошина, С. В. Образный, аксиологический и символический слои концепта «Богатство» в диалектном дискурсе / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Русский язык: история, диалекты, современность : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции / отв. ред. Л. Ф. Копосов. – 2018. – С. 75–82.

9. Волошина, С. В. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация / С. В. Волошина, М. А. Толстова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 425. – С. 12–18.

10. Иванцова, Е. В. Концепт «Культура» в словарях русских народных говоров / Е. В. Иванцова // Вопросы лексикографии. – 2016. – № 1 (9). – С. 5–21.

11. Иванцова, Е. В. Концепт «Хлеб» в дискурсе диалектной языковой личности / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 56. – С. 47–64.

12. Волошина, С. В. Концепт «Жизнь» в речевом жанре автобиографического рассказа: константы и трансформация (на материале диалектной речи) // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 42–48.

The article discusses the representation of the axiological layer of the "Forest" concept in dialectic discourse. It was found that it is associated with utilitarian views of the forest as a resource-rich area. Transformations are revealed that arised under the influence of extra-linguistic factors.

Keywords: concept, dialect, dialect discourse, nature, forest.

О. А. Чигиринова

ЭРГОНИМЫ ГОРОДА НОВОЗЫБКОВА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье с точки зрения их структуры и семантики исследуются названия магазинов и торговых центров, аптек, парикмахерских, салонов красоты, магазинов, кафе быстрого питания г. Новозыбкова Брянской области.

Ключевые слова: эргоним, эргонимия г. Новозыбкова, структурно-семантический аспект.

Область собственных имён, относящихся к сфере торговли, в отечественном языкознании исследуется относительно недавно. Термин *эргоним* был закреплён Н. В. Подольской в «Словаре русской ономастической терминологии». Согласно словарю, эргоним – это «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1, с. 166].

Эргонимы, как элементы терминосистемы имён собственных, характеризуются наличием всех признаков имени собственного: они служат для конкретного называния определённых предметов действительности и выделяют единичный предмет из ряда однородных; у эргонимов, как правило, отсутствует прямая связь с понятием, находящимся в основе. В состав эргонимов, как и в состав других имён собственных, могут входить различные части речи, которые в качестве онима обретают грамматические характеристики имени существительного [2, с. 15].

С переходом на рыночную экономику в России происходит массовое возникновение коммерческих предприятий, которые получают индивидуальные имена. Прежние названия заменились новыми. Именно это стало и толчком к активному исследованию области эргонимии.

Для эргонимов характерны следующие особенности:

- предназначенность для конкретного называния предмета, что выделяет их среди других предметов;
- отсутствие прямой связи с понятием, лежащим в основе;
- вхождение в их состав слов любых частей речи.

Множество исследователей выделяют три группы эргонимов по степени их указания на именуемый объект: 1) эргонимы с низкой степенью необходимости номенклатурного объяснения (*Аптека, Мебель*); 2) эргонимы, значение которых помогает сделать достаточно точное предположение о возможном перечне товаров и услуг (*Чикен Пицца, Саморезик.ru, Линия-тока, Суши Фуд, Суши Ам*); 3) эргонимы с высокой степенью необходимости слова-сопроводителя, так как они слабо отражают (или совсем не отражают) в семантике особенности деятельности именуемого объекта (*Милмисс, Олимп, Физалис*).

При ассимиляции эргонимов иноязычного происхождения прослеживается их варьирование в разных языковых группах. В ономастическом пространстве г. Новозыбкова выделяются следующие группы эргонимов иноязычного происхождения:

- с графическими особенностями;
- с фонетическими особенностями;
- с морфологическими особенностями;
- словообразовательные варианты;
- лексические межъязыковые субституенты;
- с синтаксическими особенностями [3, с. 14].

Эргонимы с графическими особенностями возникают в результате репрезентации одной и той же номинации различными графическими средствами в письменной речи. В качестве наиболее часто используемых способов вариативного написания эргонимов можно отметить:

- параллельное оформление в иноязычной и русской графике: транскрипция / транслитерация эргонимов иноязычного происхождения, оформленных в иноязычной графике средствами русского языка: *Creative / Креатив, Pozitiv / Позитив, Persona / Персона, Carven / Карвен, Sharm / Шарм*;

- капитализация начальных букв или компонентов: *АгроНика, Суши Ам, Sity Обувь*;

- дефисация (написание через дефис): *Шурум-Бурум, Жар-птица, Ми-шутка, Тет-а-тет*;

- использование кавычек: «Славянский дом».

Эргонимы с фонетическими особенностями – это модификации одного и того же эргонима иноязычного происхождения, которые отличаются произношением. Ряд эргонимов отчасти оформлен в латинской графике с целью выделения смыслообразующего элемента: *Суши Ам* (конечный слог англ.).

Эргонимы с морфологическими особенностями – это модификации одной и той же номинативной единицы, различающиеся морфо-

логическими признаками. Эти варианты бывают несклоняемые и склоняемые: *Встретимся вечером возле Карвен / Подхожу к Карвену*.

Словообразовательные варианты – это изменения эргонима, различающиеся разными словообразовательными формантами. В речи горожан эргонимы часто становятся деривационно активными и образуют словообразовательные пары по причине членимости производящей основы. Словообразовательные варианты могут образовывать деривационные пары

- суффиксацией (*Позитив и К / Позитивчик*): *Выбор подарков был не очень, и Позитивчик тут действительно выигрывает;*

- усечением (*Кафе Терракота / Терракота*): *Терракота – единственное место, куда всегда приятно прийти.*

Лексические межъязыковые субституенты – это модификации эргонима, возникающие в результате лексической межъязыковой субституции (замены) одного из компонентов эргонима: *Stylemen / Стайлмен*.

Эргонимы с синтаксическими особенностями – это модификации синтаксической единицы-неоднословного обозначения одного и того же объекта: *Studiostar / Studio звезда*.

В эргонимии Новозыбкова метафорический и метонимический переносы пользуются особой популярностью, так они позволяют донести до адресата нужную информацию в оригинальной форме.

Можно отметить несколько разновидностей метонимических названий эргонимов:

- эргонимы, мотивированные номинациями лиц: *У Миши* (ювелирная мастерская); парикмахерские: *Валерия, У Яны*; магазины одежды: *Для тебя, Детский мир, Модная Я*;

- эргонимы, построенные на синекдохе: магазин канцтоваров *КанцПарк*, книжный магазин *Эрудит*, салон цветов *Физалис*;

- эргонимы, мотивированные существительными: студия красоты *Шарм*, кафе *Встреча*, парикмахерская *Марафет*.

Игра – уникальный способ взаимодействия человека с миром, изучение которого привлекает внимание многих исследователей разных областей знания. Языковая игра – особый вид речевой деятельности, основанный на индивидуальном творчестве и предполагающий специфическое употребление языковых единиц, основанное на осознанном нарушении стереотипов и принятых норм [5, с. 175].

Современными исследователями предложены различные классификации приёмов языковой игры. Среди них в эргонимии Новозыбкова выделяются фонетическая: *Секонд на Садовой – Second на Садо-*

вой; словообразовательная: *Ми-шутка*; грамматическая: парикмахерская *Марафет*; графическая: *Pozitiv, Persona, Izum, Sharm, inФормат*.

В процессе исследования было выявлено несколько разновидностей метонимической онимизации эргонимов Новозыбкова:

– эргонимы, мотивированные номинациями лиц (отадресатные и отадресантные): магазин товаров для офиса *КанцПарк*, книжный магазин *Эрудит*, аптека *ОртоМед*, магазины обуви *SityОбувь*, *Империя обуви*, магазин одежды *Джинсовый мир*, магазин секондхенда *Столичный гардероб*, магазин мебели *НовоМебель*;

– эргонимы, построенные на синекдохе (часть – целое): магазин товаров для детей *Праздник детства*, магазин постельного белья *Сказочный сон*, магазин ювелирных изделий *Золотой*;

– эргонимы, мотивированные абстрактными существительными: магазин одежды для мужчин *Stylemen*, магазин одежды *Элита*, магазин домашнего текстиля *Уют*, парикмахерская *Sharm*, парикмахерская *Марафет*.

Эргонимы, которые образованы с помощью метафорометонимической онимизации, отличаются особой яркостью и экспрессивностью. Наряду с информативностью о характере продукции (метонимия) они несут ряд ассоциаций (метафора): мебельный магазин *Славянский дом*, магазин бытовой техники *Линия-тока*, магазин японской кухни *Суши Фуд*, магазин японской кухни *Суши Ат*.

Таким образом, выделенные типы эргонимов (графические, фонетические, морфологические, словообразовательные вариантоиды, лексические межъязыковые субституенты, синтаксические варианты) говорят о разнородности процессов ассимиляции эргонимов иноязычного происхождения. Неосвоенные лексемы могут находиться на начальной стадии освоения и иметь ряд фонетических и графических вариантов; другие же имеют морфологические варианты и словообразовательные вариантоиды, проявляют морфологическую изменимость, характерную для более освоенных лексем.

Список использованных источников

1. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / Академия наук СССР, Институт языкознания. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
2. Алистанова, Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ф. Ф. Алистанова. – Махачкала, 2011. – 24 с.

3. Бутакова, Е. С. Эргонимы иноязычного происхождения в коммуникативном пространстве города : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. С. Бутакова. – Томск, 2013. – 26 с.

4. Бутакова, Е. С. Полимотивация в эргонимии (на материале эргонимов иноязычного происхождения г. Томска) / Е. С. Бутакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/polimotivatsiya-v-ergonimii-na-materiale-ergonimov-inoyazychnogo-proishozhdeniya-g-tomska>. – Дата доступа : 07.09.19.

5. Земскова, С. В. Лексико-семантический и словообразовательный анализ эргонимов г. Тольятти Самарской области Российской Федерации : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. В. Земскова. – Самара, 1996. – 198 с.

The article explores the names of shops and shopping centers, pharmacies, hairdressers, beauty salons, shops, fast food cafe in Novosybkov, Bryansk region in terms of their structure and semantics.

Keywords: ergonym, ergonomy of Novosybkov, structural-semantic aspect.

Научное издание

Славянские языки и культуры в современном мире

Сборник научных статей

Подписано в печать 25.11.2019. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 8,37.
Уч.-изд. л. 9,15. Тираж 50 экз. Заказ 760.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования

«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф.СКОРИНЫ